GRUNDRISSE

Мих. Лифшиц

ПИСЬМА

В. Досталу В. Арсланову М. Михайлову

1959–1983

2011

GRUNDRISSE

МОСКВА

Публикация: В.М. Герман, А.М. Пичикян, В.Г. Арсланов

Примечания: В.Г. Арсланов, А.П. Ботвин, Н.Ю. Гутова
В подготовке к публикации писем принимали участие:
Кирилл Захаров, Денис Катунин, Борис Поплетаев

Издание подготовлено Архивом Лифшица и Институтом Лифшица

Издание осуществлено при поддержке Дмитрия Аксёнова

Издатель: Надежда Гутова
ООО «Издательство Грюндриссе»
e-mail: info@grundrisse.ru
http://www.grundrisse.ru

Корректор: Анатолий Ботвин
Вёрстка: Сергей Введенский

Мих. Лифшиц. Письма В. Досталу, В. Арсланову, М. Михайлову.
1959–1983 гг. –
М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2011. – 296 с.

ISBN 978-5-904099-09-1
Тираж 300 экз.

© ООО «Издательство Грюндриссе»
© М.А. Лифшиц, авторский текст

От издательства

Настоящее издание продолжает знакомить читателей с неопубликованными до сегодняшнего дня текстами Михаила Лифшица. Оно охватывает период с 1959 г. по 1983 г. и включает в себя письма Михаила Лифшица трём корреспондентам: Владимиру Досталу (письма 1959–1974 гг.), Виктору Арсланову (письма 1968–1978 гг.) и Михаилу Михайлову (письма 1973–1983 гг.). В издание вошли все сохранившиеся письма Досталу и Михайлову и часть писем, отправленных Арсланову (не вошли письма, имеющие исключительно бытовой характер). Все письма приводятся полностью.

Большинство писем отправлено из Москвы, в иных ситуациях указан пункт отправления.

Все выделения в письмах — авторские.

В угловых скобках — уточнения редакции.

Книга содержит именной указатель с короткими справками о каждом упомянутом в письмах лице, по части из них сделаны более подробные примечания.

Письма Мих. Лифшица
В. Досталу

1959–1974

Достал Владимир (1930–1975), чешский историк литературы, критик.

В 1953 г. окончил Карлов университет в Праге. В 1953–1957 гг. учился в аспирантуре Литературного института им. Горького в Москве. С 1957 г. занимался теорией литературы в Праге. В 1967 г. защитил диссертацию, посвящённую истории чешской марксистской критики и эстетики.

Владимир Достал — переводчик ряда работ Мих. Лифшица на чешский язык. Публикатор в пражском журнале «Эстетика» памфлета Мих. Лифшица «Почему я не модернист?» (1964).

В. Достал опубликовал в Чехословакии следующие книги Лифшица: Umělec a světlový názor (Художник и мировоззрение), Praha, 1960; Vitr dějin (Ветер истории), Praha, 1974; Problémy uměni a filozofie (Вопросы искусства и философии), Praha, 1975. В 1977 г. вышла подготовленная Досталом хрестоматия «Marx-Engels-Lenin o kultuře a umění» (Маркс-Энгельс-Ленин о культуре и искусстве), Praha, 1977.

В настоящем издании публикуются все сохранившиеся письма и открытки Мих. Лифшица В. Досталу. Оригиналы хранятся у наследников В. Достала. Копии — в Архиве РАН (всего — 60).

20 сентября 1959 г.

Дорогой Владимир!

К сожалению, я не смог исполнить Вашей просьбы. До сих пор ещё не обменял квартиры, а потому все мои печатные и прочие произведения находятся в запакованном состоянии[1]. Самое большее, что я мог бы сделать, это перепечатать для Вас из старых газет и журналов две-три полемические статьи против вульгарной социологии.

Не знаю, можно ли это объединить под общим заглавием «Мировоззрение и творчество» и будет ли это интересно чешскому читателю. Статьи написаны очень остро, пришлось бы выбирать наиболее мирные, да и те, вероятно, были бы неприятным воспоминанием для иных ныне здравствующих литературоведов. Подумайте, если ещё останется время, я сделаю это. Что же касается моего доклада, то Вы, вероятно, имеете в виду «Народность искусства и борьба классов». У меня, правда, есть где-то стенографический отчёт, но его нужно было бы подвергнуть литературной обработке[2]. Это займёт много времени, а главное — мне неудобно печатать за рубежом, даже в дружественной Чехословакии, то, что я ещё не напечатал у себя на родине.

Болезни, мои личные и моих близких, помешали ответить Вам вовремя. По той же причине я ещё не нашёл времени увековечить свой внешний облик посредством фотографии. Сделаю это, как-нибудь, и пришлю Вам. А пока сделал то, что Вы также у меня просили. Посылаю краткий перечень фактов моей научно-литературной биографии. Можете взять из этого то, что Вам нужно, а если чего-нибудь не хватает, то

напишите. Не знаю точно, какого типа сведения Вам нужны. Для Вашего личного сведения могу сообщить, что под судом я не был и партвзысканий не имею. В составленной мною справке я стыдливо умалчиваю, что не окончил Художественный Институт[3]. Для иностранного читателя это, вероятно, было бы фантастической подробностью, которая требует объяснений: каким образом студент превратился в преподавателя? А между тем это было так и отвечало нравам двадцатых годов, теперь уже непонятным даже у нас. Оставим этот вопрос в тени, и если найдёте нужным, то просто выбросьте весь эпизод. Вообще, чем короче — тем лучше. Я, по крайней мере, был бы очень доволен.

Приветствую Вас на этом и желаю всех благ. Моя жена кланяется[4]. Поклон Вашему семейству.

Мих. Лифшиц

27 декабря 1959 г.

Дорогой Владимир!

Прежде всего, поздравляю Вас с Новым годом! Желаю здоровья, счастья и процветания. Затем — прошу прощения, что не отвечал так долго. Я был и всё ещё нахожусь в весьма подавленном состоянии, что объясняется бессонницей и непрерывным потоком работы. Чувствую себя, признаться, довольно скверно. Нужно было бы отдохнуть, но вместо этого я потратил полтора месяца своего отпуска на сочинение работы для Института философии, да ещё и не сочинил.

Произошёл же такой сдвиг, потому что летом я написал большое, листа на два, предисловие к моей

старой работе про Маркса[5] и, таким образом, выпал из графика. Самую работу я не имел возможности обработать заново. Если она — как уверяют — будет напечатана, то предисловие, представляющее смесь теории с воспоминаниями, должно, мне кажется, кое-что пояснить читателю. Может быть, вместо сборника моих статей Вы тоже издадите пока «Карл Маркс и вопросы эстетики» с новым предисловием? Собрать для Вас тексты старых работ в данный момент я просто не могу, так как всё ещё занят делами обмена квартиры и переезда. Книги же мои и бумаги все сложены и связаны, мне совершенно недоступны уже полгода. Конечно, Вы правы — мне не очень приятно издание старых работ без соответствующего обновления и уточнения — не идей, но материала. Сейчас я пишу для И.Ф. очерк истории идей эстетического воспитания[6]. Мне нужно написать три листа, но получится, боюсь, гораздо больше.

Делаю эту работу с большим неудовольствием. Она поглощает всё время, а меня тянет к другому. Когда будет написана, я могу послать Вам экземпляр; могу послать и экземпляр нового предисловия к «Марксу». Это может быть Вам интересно. Потом я должен срочно писать вступительную статью к «Эстетике» Гегеля, ибо я издаю «корпус» сочинений, фрагментов и писем Гегеля по эстетике (в 4-х томах)[7]. Вот будет хлопот! Впрочем, материал мною собран давно, обременять будет только проверка переводов и предисловие, которое растянется на несколько листов. В общем, вся эта довольно второстепенная работа совершенно истощает мои силы — прошу учесть, что в 1960 г. мне уже 55 лет (и каких!).

Книгу Упита[8] я не читал, а журнал Plamen (если так он называется) оставил меня в покое, и слава богу. Я в неудобном положении перед многими нашими журналами, которые ждут от меня статей, и можно было бы что-нибудь написать ради интересов дела, но сил и времени нет.

Привет от Лидии Яковлевны.

Кланяюсь Вашему семейству.

Мих. Лифшиц

Прошу извинения за скверный почерк.

29 ноября 1960 г.

Дорогой Владимир!

Книг, которые Вы просите, я не видел, но буду их «доглядать», как говорил один из героев Бабеля[9]. Сборник статей Неедлы[10] я не видел и не читал. Читаю вообще мало из того, что прямо не относится к предмету моей работы в данное время. Предметы же сильно меняются в зависимости от житейских обстоятельств, весьма подвижных и вполне владеющих нами.

Я сейчас по причине нездоровья «на бюллетене» и не выхожу, поэтому пока не могу узнать о судьбе Вашей антологии. В присланном мне плане издательства её не видно, но план-то на 1961 год, а здесь она и не могла быть.

Что касается моих творений, то 1° Я очень рад, что Вы меня не забываете 2° Я с немалым трудом недавно отредактировал немецкий перевод моей книжки о Марксе[11], что получилось — не знаю; книжка должна скоро выйти. Редактировать — хотя и немного (лучше

было бы написать заново) — мои старые вещи, конечно, необходимо. Но как мне это сделать? «Вопросы искусства и философии»[12] сейчас большая редкость, у меня самого имеется только один экземпляр, да и тот, вместе со всей моей библиотекой, всё ещё лежит в подвале. Перепечатывать на машинке, редактировать, потом снова перепечатывать, хотя бы частично — это не только большой труд, но и большой расход, а я ведь человек скромного достатка, да и Ваши соплеменники (в отличие от честных немцев — я имею в виду, конечно, демократов) никаких денег не платят. Короче говоря, я не знаю, стоит ли этого возможная слава, ведь слава, как известно, — тлен. Нужно подумать, как поступить, подумайте и Вы. 3° Что касается предисловия к «Марксу», то я написал новое большое предисловие для немцев[13], мне кажется — не лишённое интереса и, во всяком случае, необходимое для того, чтобы как-нибудь оправдать издание такой ветхой работы. 4° Что касается других работ — я польщён Вашим выбором. Из сборника 1935 г., конечно, не нужно брать рецензию на книгу Луначарского[14]. Хорошо было бы включить статью «Джамбаттиста Вико»[15], а также «Философские взгляды Чернышевского» (в последней статье нужно обновить некоторые формулировки)[16]. Нельзя ли взять что-нибудь из полемики против вульгарной социологии, немного сократив ругательную часть? Если нам удастся в скором будущем переехать на новую квартиру, то я соберу Вам кое-что из 30-х гг. и более позднего времени. Кстати, читали ли Вы мою статью в газете «Советская культура» за 26 ноября с.г., посвящённую юбилею Энгельса[17]?

Вследствие моей болезни я не проследил за печатанием. Она сильно пострадала от сокращений и про-

извольных исправлений, но Вам всё же нужно прочесть её, так как в ней есть несколько новых текстов, взятых из переписки Энгельса с Лафаргом и Лаурой. Если Вы захотите перевести эту статью, я могу прислать Вам более совершенный и полный текст. 5° Относительно Гегеля. Я должен сделать, вернее, сделал уже для издательства «Искусство» четырёхтомное издание «Эстетики» Гегеля, куда войдут особым томом фрагменты из других его произведений и писем. Если это может Вас интересовать — напишите. Что касается предисловия, то большую статью я обязался сделать для этого издания и сделаю, а две разных — вытянуть не смогу. Если угодно, возьмите ту же. Я буду писать ещё в недалёком будущем о Дидро[18].

Дошли до меня слухи, что Вы побывали в Афинах и даже выступали там. Как это сошло?

Лидия Яковлевна кланяется Вам и Вашей жене. Я кланяюсь — вам обоим.

Знаете ли Вы, что я уже дед — имею внука в возрасте трёх месяцев.

Лучшие пожелания

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. Если хотите что-нибудь написать для «Вопросов философии» — пришлите мне. Я могу также связать Вас с И. Фрадкиным, кот<орый> редактор текстов в ред<акции> «Вопросов литературы».

Декабрь 1960 г.

<новогодняя открытка>

Дорогой Владимир! Поздравляю Вас и супругу Вашу с Новым годом! Извините за <нрзб> обороте. <нрзб>. Он <нрзб> может <нрзб> эстетики. <Нрзб> доклада на конгрессе я слышал. Что касается Борева[19], то если он всё переврал — напишите в редакцию, это будет только полезно. Большое спасибо за Неедлы — иначе я никогда не познакомился бы с ним, осаждённый всякими Лессингами. По поводу издательских дел — напишу как-нибудь отдельно.

Можете меня поздравить с переменой квартиры. Ещё не устроился, но переехал. Живу теперь в известных Вам «Красных домах». Адрес прилагается. Будьте здоровы и счастливы. Не задирайтесь чересчур — этого также следует избегать (старческая мудрость).

Ваш М. Л.

27 апреля 1961 г.

Дорогой Владимир!

Будем очень рады приветствовать Вас с супругой в «Красных домах». Никаких видов на отъезд из Москвы пока нет. Лето, наверно, придётся перенести на осень. Телефон у нас есть: В-0-21-43.

Мы вполне могли бы пригласить Вас остановиться у нас, но — увы! — уже несколько месяцев, как мы строим и ремонтируем, а ничего ещё не устроено. Такие мы с Л.Я. строители своей жизни. Думаю, однако, что Вы легко получите номер в отеле. Если Вам

понадобятся деньги, то Вы безусловно можете на нас рассчитывать.

На Ваш последний вопрос могу ответить, что, по существу, ничего нам не нужно, всё у нас в Союзе есть, не на что жаловаться, разве что на жадность человеческую — она же не имеет границ.

Из мелочей, если позволите, я бы попросил цветной бумаги для рисования (у нас почему-то не делают) и сангины, кот<орая> в Чехословакии хороша (у меня была хартиутовская). Всё, конечно, в умеренных количествах. Если бумага есть, то хотелось бы охристых, умбристых, красноватых, голубовато-серых и зеленоватых тонов. Уверен, что этого и в Праге нет, а впрочем — кто знает?

Дорогой Владимир, я хочу попросить Вас — если в пражских книжных антиквариатах бывают печатные каталоги (как в Германии), захватить для меня. Может быть, тогда я охотнее постараюсь заработать чешские кроны какой-нибудь литературной поделкой. Меня, натурально, интересуют книги немецкие и проч.

Ждём Вас. Привет жене.

Л.Я. кланяется.

Ваш Мих. Лифшиц

21 октября 1961 г.
<открытка>

Дорогие Владимира и Владимир!

Благодарю за привет из Праги с роскошной фотографией. Извините, что отвечаю с таким опозданием. В последнее время мне досталось много срочной работы. К тому же, хотелось послать предисловие, которое просил Владимир. Вот я его и посылаю, а самый текст книги пошлю позднее, когда получу его с машинки. Мы в этом году сэкономили отпуск. Сейчас придётся уже писать другую срочную работу; потом уже будем отдыхать. «Подожди немного, отдохнёшь и ты»[20].

Крепко жму руки.

Привет от Л.Я.

Ваш Мих. Лифшиц

25 декабря 1961 г.
Переделкино

Дорогой Владимир!

С Новым годом, с новым счастьем. Лучшие пожелания Вам и Владимире от нас обоих. Надеемся на лучшее и в личном, и в общечеловеческом смысле. Привет и поздравления ребятишкам.

Извините, что отвечаю на Ваше интересное и подробное письмо не сразу и не в таком объёме, как хотелось бы. Живу в трудах, хлопотах и, главное, в постоянной спешке. А это не способствует развитию эпистолярного жанра.

Если Вы в чём-нибудь не согласны с моими размышлениями о современном искусстве, то я, конечно, за это не буду считать Вас дурным гражданином, подлежащим искоренению. Правда, речь идёт о делах *вкуса**, а в этой области, как говорит Ларошфуко, мы более чувствительны, чем в том случае, если

* Здесь и далее выделено М.А. Лифшицем.

кто-нибудь не соглашается с нашими *мнениями*. Но я всё-таки уже в таком возрасте, когда догматизм вкуса убывает. В молодые годы, после принятия божественного откровения, я часто думал, что нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его. Я и сейчас так думаю, но с тех пор —

В свой поэтический бокал
Воды я много подливал.

(Пушкина я, конечно, перевираю, но в Переделкино у меня нет «первоисточников»[21]).

В молодости, например, я не хотел ничего знать, кроме кватроченто и старых нидерландских мастеров, а теперь отдаю должное даже реалистической мазне XIX-ого века. Искусство трудно, за всякое проявление его нужно быть благодарным, и всегда прискорбно, когда приходится ругать художника по каким-нибудь «высшим соображениям».

Но эта гибкость должна уживаться и с твёрдостью. Во-первых, одно дело — личная вина и другое — историческая. Я думаю, что всё человеческое, всякое искреннее мучительное искание заслуживает сочувствия или, хотя бы, жалости (если оно ложно). Шарлатанство в счёт не идёт. С этой точки зрения, заслуживает уважения и фанатизм первых модернистов, и даже основоположников абстрактного искусства, которые ничем не хуже других. Но с исторической точки зрения, которая ведь заключает в себе и *указание пути*, и *норму будущего*, мы не можем стоять на позиции: «всё благо». Здесь нужно выбирать, и лишь об этом идёт речь, а не об уголовном процессе против модернистов. Они сами — жертвы; но есть ведь и другие соображения, кроме жалости. «Правда выше жалости», писал Горький, и, хотя не всегда он писал

правду, в данном случае старик прав. Верующие — ортодоксы и сектанты — также жертвы. Им можно даже сочувствовать в их болезненной травме, но нельзя разделять их мировоззрения.

Кроме того — от искренности до лицемерия только один шаг. И есть такие состояния души, когда по многим важным причинам определённая доза лицемерия, игры с самим собой и с другими, входит даже в искренность. Есть искренность, благоприятная для шарлатанства. Дадаисты, например, этого и не скрывали. На Западе много пишут о тесном слиянии между «jeu»* и «sacré»**, между мистикой и мистификацией. У нас не знают идейные основы модернизма, и поэтому часто приводят в его защиту неподобающие аргументы, например, ссылку на искренность «выражения».

Мне кажется совершенно очевидным, что так называемое «современное искусство», будучи искренним в своих исходных пунктах, теснее граничит с шарлатанством, чем старое. Да это и понятно — ведь принцип современного искусства заключён в субъективном выражении, а выражать себя можно — и даже легче это сделать — посредством воплей, а не bel canto***. Хороший рисунок, светотень, колорит — даются с трудом, и это нечто, до некоторой степени объективное, а для того, чтобы только выразить себя, этот талант и эти знания, этот труд — не нужны вовсе. Поэтому и грань между искусством и шарлатанством стала эфе-

* Игра, баловство (*франц.*).
** Святое, неприкосновенное, незыблемые истины (*франц.*).
*** «Прекрасное пение» (*итал.*), стиль пения, возникший в Италии в XVII в. Главное — красота и техническое совершенство звукоизвлечения, а не драматическое действие; голос трактовался как великолепный музыкальный инструмент.

мерной, даже в пределах жизни одной личности (как Пикассо, например).

Как же относиться к этим явлениям? Если подобные психические заболевания приняли столь широкий характер (что не ново в истории и что имеет свои причины), то не считаться с ними не может марксистская политика. Здесь есть *полная аналогия с религией*. Модернизм — это религия неверующих (а иногда и верующих) интеллектуалов XX-го века. Поскольку эта религия захватила широкие слои интеллигенции, нельзя не считаться с этим фактом и нельзя разделять силы в классовой борьбе по признаку реализма или не-реализма. Это выгодно имущим классам, буржуазной идеологии, которая на такие деления, распады и опирается. Мы должны работать в борьбе за демократию и социализм рука об руку со всеми противниками наших врагов, независимо от их религиозных и эстетических убеждений. Это верно.

Но это *одно*, а сглаживать различие между материализмом и религией или между *марксистской эстетикой* и *модернизмом* — это *другое*. Вот что мы часто делаем, вместо того, чтобы провести ясную грань, а потом сотрудничать. И это худо, ибо малейшая непринципиальность отталкивает.

Поэтому, если Вы хотите какого-то смягчения грани между нашей эстетикой и основным модернистским течением XX-го века, то с точки зрения общей перспективы ленинизма — это было бы неправильно. Но я понимаю, что Вас волнует не общая перспектива, а конкретные вопросы сегодняшнего дня. Не лишены ли мы важного критерия в этой области? По-моему, не лишены. Приведу пример. Мы против *пацифизма*; об этом у Ленина немало сказано. Но это не значит, что мы против всякого *пацифиста*. Для многих даже в 1914–1918 гг. пацифизм был ступенькой к борьбе классов, к освобождению от шовинистического угара, а для других это был способ отравить и ослабить напряжение классового сознания. Какой пацифизм? Куда он ведёт? Каков путь? Вот вопрос, который ставит Ленин, нимало не сомневаясь в том, что пацифизм в целом *ложен* и враждебен марксизму. Всё нужно рассматривать *конкретно*.

Так же и в эстетической области. Люди идут к коммунизму, идут к Истине, идут к будущему великому реалистическому искусству *разными путями*. Мы не можем требовать от них какой-то лабораторной чистоты, ставить дурацкие догматические условия. И мы будем правы, если скажем: пусть для художника-модерниста его приобщение к объективному содержанию коммунистического движения будет ступенькой к освобождению от предрассудков его эстетической формации. Это возможно! Но это будет невозможно, если, вместо такого конкретного подхода к делу, мы начнём искать какую-то среднюю, взаимно-приемлемую платформу, например, как это у нас теперь часто делают, объявим Пикассо реалистом, включим в реализм всю французскую живопись, начиная с 70-х гг., развивавшуюся под знаменем борьбы против реализма, и выключим только «абстракцию». А почему, собственно? Завтра придётся включить и её.

Вы понимаете, что эта точка зрения допускает сотрудничество и уважительную оценку художников любых направлений, не исключая абстрактной живописи. Но эта точка зрения исключает какой бы то ни было эклектизм, сглаживание противоречий в области мировоззрения, эстетических принципов, по-

нимания общего хода развития искусства — даже по отношению к первым, ранним формалистическим программам, начиная с импрессионизма.

Чтобы не ошибиться и не впасть в скептические шатания, не худо принять во внимание ещё следующие обстоятельства:

1. В подобных исторических движениях (как модернизм) объективная ценность обратно пропорциональна удалению от исходного пункта. Поэтому, конечно, первые французские декаденты, вопреки их исторической позиции, но отчасти и благодаря ей — великие поэты. И этот упадок кое в чём представляется обновлением. Равно и французский импрессионизм и т.д. Но логика неумолима, и разложение мысли, формы, упадок художественной культуры развивается с необратимой последовательностью. «Абстракция» — только завершение, но откреститься от него модернизму никогда не удастся.

2. Этот процесс не совершается равномерно. Поэтому дальнейшие шаги упадка могут принимать форму обновления и в дальнейшем. Например, Ван Гог, с моей точки зрения, сильнее импрессионизма (по крайней мере, в своих портретах). Ранний Пикассо — значительный художник, хотя ступень деградации художественной культуры в целом уже велика. Такие противоречия пугают только обывательскую мысль, но не могут остановить людей, ещё не забывших диалектическое мышление.

Сюда же относится и то противоречие, которое упоминаете Вы: в Чехословакии подъём освободительных демократических и социалистических идей был связан с идеями модернизма. А в России разве не было ничего похожего? Разве Плеханов не писал:

«Ленин и окружающие его махисты и ницшеанцы»[22]? Я не говорю уже об эсерах, анархистах и прочих направлениях, боровшихся против самодержавия. Достаточно вспомнить Богданова, Горького и Луначарского. Конечно, аналогия не полная. Но я допускаю, что в некоторых странах, на Востоке, например, и я знаю такие примеры от востоковедов, защита современных европейских, модернистских то есть позиций может тесно сливаться с борьбой против колониализма. Хотя всё же тот культурный продукт, который из этого получается, *парадоксально* способствует освобождению национальной культуры от рабства на данном этапе и безусловно несёт в себе порабощение духа утопией реакционного европо-азиатизма, мистически окрашенной смесью современного декаданса и первобытности — в дальнейшем.

Противоречия бывают разные. Ленин писал в начале 20-х гг. о Германии, что там появился особый тип коммуниста — коммунист-черносотенец. Мало ли что бывает!

Важно, друг мой, не потеряться в этом море, хоть это и трудно, и особенно трудно, конечно, выразить эту диалектическую точку зрения, не будучи, как говорится, на то уполномоченным. Но я не сомневаюсь в том, что ценою многих опытов верная дорога будет найдена.

Изложения моего доклада 1956 г. в «Московском литераторе»[23] у меня под рукой нет. Да и нет в этом изложении ничего существенного; наиболее интересная часть была *вторая*, но я её не напечатал в этой газетке — трудно было вкратце изложить, некогда, да и не хотелось по многим причинам. Изложить Вам содержание доклада в письме я не могу — это длинно.

Вы меня насмешили своим предупреждением, что не присвоите мои «идеи». Сделайте одолжение, присваивайте! Я сам не являюсь собственником их, а только пользуюсь ими по доверенности от марксистской традиции. Это уже само по себе считается большим самомнением.

Кстати, об авторском праве. Кажется, Вы мне сказали, что в Чехии будет выходить книга покойного В.Р. Гриба[24]. Если это так, то обратите внимание на одно обстоятельство. Под названием «Художественный метод Бальзака» в ней по ошибке напечатан отрывок, написанный мною. Это всё-таки уже свинство со стороны вдовы и прочих издателей, хотя у меня было много общего с Грибом. Он был моим другом, можно сказать, воспитанником, и я для него не жалел никаких «идей», но таки я ещё не покойник — не хочу, чтобы со мной обращались как с казённым имуществом[25].

Хотел написать страничку — а видите, что вышло! Ну, бувайте здоровеньки, извините за мазню, некогда.

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. Перечёл Ваше письмо и вижу, что не ответил на многое. Вкратце:

1. Есть дифференциация внутри модернизма (см. выше), но нет хорошего и плохого модернизма. Модернизм всегда плох. Хорош он бывает тогда, когда преодолевается (т.е. «вопреки»). Это нужно понимать не абстрактно, а диалектически (т.е. кое в чём и «благодаря», но как противоречие или, скорее, «парадокс», «казус»). Во всех формах искусства действует закон «вопреки» и «благодаря», но в декадентстве «вопреки» безусловно преобладает.

2. Книгу Днепрова[26] я ещё не читал. Но знаком с его взглядами по статье, которую мне присылали на рецензию. Я выступал за печатание её, но для него специально написал подробные возражения. Это его не убедило. Он человек законченный, законсервированный, как большинство реликвий конца 20-х — начала 30-х гг. Я говорю, что он воскрешает дурные стороны фричеанства и модернизма 20-х гг., ибо утверждает, что существует не только «реализм», но много разнородных «методов», имеющих примерно равные права на существование (в 20-х гг. говорили не «методы», а «стили», теперь маскируются). Кроме того, он повторяет западную буржуазную *типологию* стилей в *двух тактах*, как это было уже в вульгарной социологии 20-х.

15 июля 1962 г.

Дорогой Владимир!

Я что-то всё болею, с весны, глядишь, всё хуже и хуже. Какие-то спазмы одолели — обострение стенокардии, но опять же вегетативная нервная система, vagus* и тому подобные мудрёные слова.

Короче говоря, все лекарства перепробовал, пуд нитроглицерина съел, месяц уже, как лежу, но избавления пока не вижу. Говорят вот, что мне могло бы помочь одно чешское лекарство, которое у нас отсутствует. А именно «*Белласпон*». Если бы Вы мне с кем-нибудь прислали этого лекарства, я был бы очень бла-

* Блуждающий нерв (*лат.*).

годарен. Надеюсь, что Вас это не разорит; как-нибудь найдём способ рассчитаться.

Вот мои дела-то каковы!

Привет Владимире и детям от меня и Лиды.

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. Лидия Яковлевна просит узнать, как обстоит дело с антологией, что Вы не пишете ничего об этом?

8 сентября 1962 г.

Дорогой Владимир!

Большое спасибо за «Белласпон». Если он достижим без труда — тем лучше. Дорог не труд, а доброе желание. Лекарство это рассчитано на эксперимент. Врачи, которые лечат меня, уже разбились на две школы. Одна из них утверждает, что спазмы производит не склероз сосудов, а блуждающий нерв. Это было бы для меня несравненно лучше, но боюсь, что сие предположение, как большинство оптимистических предположений, не оправдается. Для меня такой «Белласпон», как говорили мои друзья моряки, всё равно, что для лошади двести грамм монпансье.

Единственное лекарство, которое пока помогает хоть сдерживать спазмы, это нитроглицерин, и я уже несу его на своём борту столько, что хватило бы на целый дредноут* времён Первой мировой войны. Всё же продолжительное лежание и тот факт, что я вынужден был стать равнодушным ко всему, невзирая на грозовые облака, скопившиеся надо мной в связи с моей неспособностью писать к сроку и выполнять разные планы и обязательства, оказали некоторое положительное влияние (хотя и не стойко это улучшение). Завтра мы едем с Л.Я. в санаторий, под Москвой. Буду постепенно расхаживать свои болезни. Со времён войны я сохранил воспоминание, что на ходу всё проходит.

* Дредноут (Dreadnought — неустрашимый (*англ.*)), английский броненосец, построенный в 1906 г., с учётом опыта русско-японской войны. Совершил революцию в военно-морском деле.

Теперь по поводу полного собрания моих сочинений на чешском языке. Можете себе представить, что Ваше письмо не было для меня неприятным. Если бы я хоть наполовину верил в некую важность того, что нацарапано мною под бременем забот, описанных Тацитом, в тридцатых годах, было бы уже хорошо — по крайней мере, для моих нервов. А то ведь я часто себя упрекаю в том, что не воспользовался теми или другими возможностями по причинам моей собственной непроизводительности. Один мой старый приятель называл это эпикурейством, хотя и в виде стремления к лучшему[27]. Когда я ругал его за то, что он много пишет, он однажды робко сказал: «Я знаю, что я плохой писатель, и я, конечно, хотел бы быть лучшим писателем, но всё-таки не таким хорошим, как Вы, чтобы не писать ничего». Мне иногда и у нас молодые люди говорят о каком-то «уникальном» влиянии, но мне кажется, что это не реальная величина, а просто вакуум, отсутствие действительно необходимого влияния, реально ощущаемое. Во всяком случае, благодарю Вас за возможность поговорить о самой интересной вещи на свете, т.е. о самом себе.

Перехожу к практической части. Ваше предложение принимается. Вы и Ваша милая учёная Ружена[28]

вполне компетентны подвергнуть меня необходимой редакции. Пожелания мои сводятся, прежде всего, к тому, чтобы Вы приняли во внимание ту редакцию, которую я придал книжке об эстетике Маркса в немецком издании. Статья о пятидесятилетии Маркса там очень хорошо пришлась к месту в качестве заключения. Она более всего мною исправлена.

Далее, необходимо повсюду удалить следы «культа личности». Их, правда, немного — настолько немного, что в 1949 г. мне было даже предъявлено обвинение в том, что я «не опирался на Сталина», а всё же есть. В данном случае соображения исторические не могут иметь значения. Нужно следовать нашему сегодняшнему партийному правилу. Кроме того, я хотел бы выбросить или сократить то, что относится к немецкому гитлеризму — понятно, что в начале тридцатых годов было уместно об этом писать так пространно, а сегодня это уже ни к чему. Посмотрите, пожалуйста, нельзя ли несколько сократить места декларативные и, может быть, слишком крикливые, обычно в заключительной части старых статей — таков был обычай времени и лёгкий пафос молодости. Боюсь, что некоторые из этих деклараций, например, в конце статьи об эстетике Гегеля, будут теперь уже звучать банально. Не забудьте, что в те времена вся фразеология была другая и попытка связать коммунизм с гуманистическим идеалом, нравственная критика капиталистического общества — всё это звучало весьма дерзко, а иногда и влекло за собой сложные последствия. Теперь-то, увы, всё это уже болтовня. Так на собственном примере научаешься с большей осторожностью судить о людях прошлого.

У меня написана сейчас довольно большая работа, более двадцати листов, на тему о происхождении и развитии идеи эстетического воспитания[29]. Но так как я писал её под страшным нажимом в смысле сроков и с расчётом на коллективный труд нашего сектора, то, конечно, получилась, как говорит русская поговорка, ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Некоторые части разработаны довольно интенсивно, другие — слишком схематично. В наше издание я дал не всё, а только ту часть, которая начинается с эпохи Возрождения. Когда книга уже пойдёт в производство, т.е. будет ясно, что она печатается, я сумею прислать Вам лучшие части для перевода и включения в сборник. До тех пор мне неудобно это сделать, у нас это не принято.

К включению Мариэтты[30] я отношусь вполне положительно, но как Вы думаете это соединить с историческими работами, я, честное слово, не знаю. У меня есть много небольших статей, типа рецензий или откликов на юбилеи и т.п. — их я ценю, но опять-таки не представляю себе, как они соединятся со всем остальным. Думаете ли Вы брать публицистику чисто политического характера — вроде моих статей об австрийской социалистической программе (заключительную часть я так и не напечатал, рассердившись на произвольные сокращения в редакции), недавней статейки о Кренкшоу[31] и т.п.?

Вернувшись из санатория, я займусь приведением в порядок архива и тогда сумею, вероятно, обнаружить и указать Вам некоторые мои старые статьи.

Должен сказать Вам, что моё нынешнее литературное конто-корренто* весьма запутано. Я отвлёкся от

* Здесь: текущее положение дел (*итал.*).

Дидро, в которого погрузился с излишним, конечно, рвением, чтобы написать небольшую статейку к юбилею Герцена. Статья получилась с некоторой моральной нагрузкой. Газета её не напечатала, сославшись на большие размеры, однако «Новый мир» ухватился, но тут случилась одна из моих историй. Мне самому стало казаться, что статья в чём-то не точна. Я стал изучать наши шестидесятые-семидесятые годы, особенно дело Нечаева, статьи Ткачёва, Михайловского, Лаврова, процессы, а этого может хватить на целую жизнь. Словом, несмотря на настойчивые домогательства всей редакции во главе с шефом, я так и не дал готовую статью, а теперь боюсь, что это было глупо. Начатый мною новый вариант я, вследствие болезни и экспериментальности его, закончить не мог[32]. Единственное, что я написал в этом году — вынужденное совершенно дело, связанное с внешними обстоятельствами и службой — это статья «Буржуазная идеология» размером в два печатных листа для «Философской энциклопедии». Статья написана «не в полную силу», от неё осталось много более интересных заготовок, но всё же написана[33].

На этом прощаюсь. Кланяюсь Владимире. То же Лидия Яковлевна.

Передайте, пожалуйста, мой привет Ружене Гребеничковой.

Ваш Мих. Лифшиц

25 декабря 1962 г.
Переделкино

Дорогой Владимир!

Я переехал из одного инвалидного дома в другой. Дело в том, что добиться возвращения к тому состоянию здоровья, которое предшествовало нынешнему обострению стенокардии, мне не удалось. Я всё ещё очень ограничен в движениях, хотя объективные данные оставляют надежду на ослабление этой гадости, которую устроила мне природа в наказание за уход в мир эфемерных целей, сроков и причуд общественного человека, да святится имя его! Мне предстоит ещё курс лечения новейшими препаратами, присланными из солнечной Армении. Если ничего не выйдет и мокрая осень пересилит, нужно будет примириться с действительностью.

Отсюда видно, что тотчас же прислать то, что Вы просите, я не могу. Мне обещают набрать библиографию моих «сочинений», которую я, конечно, сейчас же направлю Вам. План Ваш хорош — почему бы нет? Но очерки проблемы эстетического воспитания в истории философии[34] относятся скорее к I отделу, хотя это написано совсем недавно (впрочем, по материалам 30-х годов, кроме отдельных частей). Трудно мне сказать Вам что-нибудь по поводу раздела IV (полемические статьи). Я их только что прочёл. Это кровожадная маратовская литература. Нусинова[35], которого касается часть статей 1936 г.[36], уже нет в живых, а я ещё хожу. Как перепечатывать в настоящее время такие статьи, если даже я был бы тысячу раз прав и в теоретическом, и в моральном отношениях? Тут, наверно, придётся дать какое-то изложение с отрывками из подлинных статей. Нужен Ваш совет: Вы сами уви-

дите трудности, когда прочтёте. Другая дискуссия — 1940 г.[37] — может быть, ещё более содержательная, также не поддаётся переизданию по персональным мотивам. Весь этот раздел — дело наиболее щекотливое.

По поводу работы об эстетическом воспитании. Это составляет 20 печатных листов, начиная с эпохи Возрождения, оставляя в стороне Древний Восток и античность. Будет ли сие печататься в нашем сборнике или пойдёт отдельной книгой, ещё неизвестно. В последнем случае я, конечно, ещё года два, наверно, буду этим заниматься. Посылать такую громадную рукопись для прочтения не хочется. Вы сможете познакомиться с нею, когда приедете в Москву. Я вовсе не такого высокого мнения о ней — она написана неровно, местами большие пропуски и закругления.

Что касается работы о Марксе, то её можно переводить, руководствуясь теми исправлениями, которые внесены в немецкий текст. Иначе, боюсь, Вам не дождаться моей новой редакции.

Всё, что сумею из русских текстов, я Вам, конечно, пришлю, как только вернусь в Москву и разберу архив. У меня есть сейчас и «заделы» новых работ, прерванных вследствие болезни. Надеюсь, что в близком будущем мне удастся их окончить. Пришлю я Вам и вёрстку моей статьи для «Философской энциклопедии» на тему о буржуазной идеологии, духовной жизни эпохи капитализма (2 печатных листа). Думаю, что не будет большого греха, если я пришлю также одну или две ненапечатанные (по моей лености) статьи против буржуазной идеологии и т.п., например, подробный разбор одной французской книги о марксистском понимании истории литературы, относящийся ещё к 1930 г. Это, мне кажется, не лишено интереса. Словом, всё, что сумею, постараюсь извлечь из архива,

перепечатать из старых журналов и газет. Хочется мне одновременно и на русском языке издать какие-нибудь Kleine Schriften*. Есть множество мелких статей критико-библиографического характера, на которые я бóльший мастер, чем на большúе сочинения. В этих мелких статьях встречаются иногда не мелкие мысли, если позволено будет мне так высказаться о своей собственной мазне.

Большое спасибо за добрые пожелания и предложение прислать новые materia medica**, но пока ничего не нужно.

Лидия Яковлевна кланяется.

Мы оба просим передать привет Вашей семье.

Передайте, пожалуйста, также поклон Ружене.

Ваш

Мих. Лифшиц

27 августа 1963 г.

Дорогой Владимир!

Что-то от Вас, как говорится по-русски, — ни слуху ни духу? Здоровы ли Вы? Как семейные дела? Что пишете?

Между прочим, хочу Вам сообщить, что в Институте истории искусств, где я теперь работаю, мы собираемся выпускать сборники статей по вопросам эстетики и культуры. Желательно и Ваше участие — можно было бы прислать что-нибудь из истории марксистской мысли в Чехии, как Вы об этом думали,

* Малые сочинения (*нем.*).

** Лекарственные вещества (*лат.*).

или что-нибудь другое. Если Вы знаете какие-нибудь интересные работы чехов-марксистов по вопросам теории искусства, философии культуры или по анализу и критике западных философских течений в этой области — сообщите мне или пришлите для перевода.

Мои дела без особых изменений, кроме изменения места работы. Досадный цейтнот продолжается и даже усилился до небывалых размеров, отчего и болею. Если в близком будущем у меня что-нибудь будет напечатано — я пришлю Вам. А пока позвольте отослать Вас ко второму тому «Философской энциклопедии», где напечатана моя статья о буржуазной культуре[38]. Учтите, что написано для энциклопедии и в большой спешке, но, кажется, с точки зрения компактного изложения марксистской схемы идей, она сносна. Если Вам понадобится, я могу прислать экземпляр вёрстки в качестве отдельного оттиска. Не собираетесь ли в отпуск в СССР?

Привет Владимире. Л.Я. кланяется

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. Был здесь как-то ваш пражанин Хватик, у которого я спрашивал о Вас и передавал привет. Знаете ли Вы, что представляет собой Зелены, который меня всё приглашает на Гегелевский конгресс?

29 августа 1963 г.

Лифшиц, Михаил Александрович, род. в 1905 году в г. Мелитополе, в семье служащего. Учился в Высшем Художественном Институте в Москве (1923–1925). Ещё в студенческие годы начал пропагандистскую и педагогическую работу по марксистской философии.

В 1929–1933 гг. был старшим научным сотрудником Института Маркса и Энгельса, а после слияния его с Институтом Ленина — объединённого ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). В 1932–1935 гг. работал в Коммунистической Академии и продолжал педагогическую деятельность по философии (Институты Красной Профессуры). Литературную работу начал с конца двадцатых годов в изданиях Института Маркса и Энгельса. Печатные произведения тридцатых годов: «Литературное наследство Гегеля» (1931), «Эстетика Гегеля и диалектический материализм» (1932)[39], «Винкельман и три эпохи буржуазного мировоззрения» (1933)[40]. В 1933 г. вышла отдельным изданием работа «К вопросу о взглядах Маркса на искусство»[41], написанная для «Литературной энциклопедии» (том VI). Она вошла также в сборник исследований и статей «Вопросы искусства и философии» (1935 г.), переведена на английский язык в 1938 г. под названием «Философия искусства Карла Маркса»[42]. Принимал активное участие в борьбе против вульгарной социологии — буржуазного извращения марксизма. Ряд полемических статей в «Литературной газете», журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение»[43]. В ходе этой борьбы возникли антологии: «Маркс и Энгельс об искусстве», 1937–1938 г.[44] и «Ленин о культуре и искусстве», 1938 г.[45]

В тридцатых годах вёл также издательскую работу. Под редакцией Лифшица выходила серия «Классики эстетической мысли» — издания работ Винкельмана, Лессинга, Гёте, Шиллера, Вико. Редактировал также большую серию немецкой литературы в издательстве «Academia» и был главным редактором этого издательства, редактировал серию «Жизнь замечательных людей» (1938–1941). Член редакционной коллегии «Ли-

тературной газеты» в 1938–1941 гг.* Читал ряд курсов по истории эстетических учений и марксистской теории искусства, в частности, заведовал кафедрой теории и истории искусства в Институте философии, литературы и истории им. Чернышевского в Москве.

В 1941–1945 гг. участвовал в войне против фашистской Германии в качестве литработника. После войны вернулся к педагогической работе по философии, сотрудничал в журнале «Новый мир» и других органах печати. В настоящее время работает в Институте философии Академии наук СССР в Москве.

Мих. Лифшиц

22 сентября 1963 г.

Дорогой Владимир!

Вы уже должны были получить ответ на Ваши вопросы, касающиеся «Антологии», в которой работает Лидия Яковлевна[46]. Она просила обо всём написать Вам. Суть дела в том, что их антология охватывает *домарксистский период* (III том), хронологически до 1848 г., но практически — поскольку у разных периодов это по-разному — *в зависимости от содержания* (однако, разумеется, в пределах XIX века).

Ваши работы могут быть интересны для сборников, о которых я Вам писал. Но размер — 4 п.л. — слишком велик. У нас идея — сделать эти сборники более доступными читателю, хорошими по изложению, не ведомственно-учёными. Подумайте над тем,

* Фамилия Лифшица появляется в новом составе редколлегии «Литературной газеты», печатаемом в номере, в середине 1939 г.

чтобы выкроить что-нибудь более сжатое и сильное. Кроме того, было бы интересно что-то вроде «письма из Праги» — в свободной форме, а по содержанию — обзор научно-литературной, эстетической, философской, общекультурной жизни, но в лучшем, как говорится, антикитайском направлении.

С работами Гольдштюкера[47] и Свярбея[48] хотел бы познакомиться, но как это сделать, не зная чешского языка? И что это за работы — напечатанные, ненапечатанные?

Что касается Хватика[49], то я не зря о нём спрашивал у Вас, так как он оставил у меня некоторые сомнения, что Вы ему не нравитесь; я понял, но он выказал себя дружески настроенным по отношению к Вашей приятельнице (как я понял) Ружене Гребеничковой и её мужу-философу, которого я не знаю. Он отзывался о ней весьма одобрительно. Сам я (с Хватиком) ровно ничем не ангажировался, кроме разве того, что накормил его обедом в нашей «Праге», где мы были втроём с С. Плотниковым[50]. Ваше предупреждение будет принято к сведению. Что я «в моде», как Вы пишете, в высшей степени льстит мне, но беседовал я с Хватиком, не зная этого. Хотя я не умею «делать друзей», но «не делать врагов» меня учит жизнь, и в этом деле я всё ещё только начинающий ученик.

Насчёт Солженицына и прочего, о чём Вы мне пишете, я совершенно с Вами согласен. В жизни, конечно, много разного; лучшее, как мы верим, должно победить. Нравится ли Вам «Тёркин на том свете»[51]? — Мне да.

Сборник «Теория литературы»[52] я начал читать, но не имел времени продолжать. Гачев[53] — совершенно сырой молодой человек, с большим «динамизмом».

Что из него выйдет — не знаю. Отец его, погибший в 1937 г., болгарин-коммунист, был со мной в приятельских отношениях. Гачев-junior — парень способный, но то, что я прочёл в его статье — больше, как говорит поэт, «пленной мысли раздраженье»[54]. Охота схватить целое есть, de l'audace* — как у Дантона, но на практике — всё невпопад. Палиевского[55] не читал, он человек способный, но вся эта группа птенцов под крылом у Эльсберга[56] — тайные экзистенциалисты à la Бердяев, а я этих двуликих не люблю. Возможно, что Гачев лучше. Хуже всего жуткая чепуха вступительной статьи Эльсберга и Борева[57]. А впрочем, всё это — всё равно что дождь: никакого значения в смысле вменяемой содержательной марксистской мысли не имеет.

Гегелевский конгресс будет не в Праге, а в Зальцбурге[58]. Я на него, конечно, не поеду, но не тоскую от этого. Достаточно того, что поедут Овсянников[59] и Егоров[60], которые сумеют с достоинством представить советскую мысль. Жаль только, что меня — не спросив на то моего согласия — пропечатали в правительственном извещении о конгрессе как возможного участника дискуссии, наряду с Лукачем, Ингарденом[61] и ещё кем-то. Придётся Зеленому[62] написать, что на меня рассчитывать нельзя, разве что пришлю какой-нибудь краткий рефератик.

Рад слышать, что домашние дела у Вас в порядке. Мои, сравнительно, тоже. На днях собираюсь стать во второй раз дедом. Старшему внуку уже четвёртый год. Всё идёт своим чередом. Относительно лекарств у меня есть одна просьба. Единственное средство, способствующее сну для меня, это Андаксин (Andaxin). Он всё время был у нас — теперь что-то исчез. Если

* Отвага, смелость, дерзость (*франц.*).

Вам будет удобно, поищите, пожалуйста, несколько коробок, надеюсь, что это не разорит Вас. Я в *обмен могу прислать нужные Вам книги*. Не мешало бы также иметь шариковые ручки Hardmuth, у нас они почему-то не производятся.

Привет Владимире и детям.

Приезжайте к нам.

Л.Я. кланяется.

Ваш Мих. Лифшиц

26 ноября 1963 г.

Дорогой Владимир!

Большое спасибо Вам за хлопоты насчёт моих лекарств. Передайте, пожалуйста, мою благодарность Ружене Гребеничковой, это очень мило с её стороны, что она помогла Вам в этом деле. Что касается ноксирона, то он мне не нужен, спасибо. Это очень лёгкое снотворное, которое меня не берёт. Андаксин имеет то достоинство, что это не снотворное, а успокаивающее, седатив, а мне нужно именно это. Но Вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Я его достану другим путём, может быть, мне его достанут знакомые венгерцы.

За статью Вы меня благодарите слишком рано. Я сказал, что попробую, а у такого старого обманщика, как я, от слова до дела — расстояние большое. Одним словом, если ничто, никакая помеха безусловного характера, а такие у меня обычно бывают, не вклинится, то я что-то Вам пришлю, сильно враждебное по отношению к модернизму.

Ваши вопросы я как-то пропустил мимо ушей, извините меня за это, хлопоты всякие, наверно, забили голову. О Кафке, который теперь занимает умы марксистов, я мало могу сказать. Я читал его, правда, не всё. Мне кажется, он производит сильное впечатление, и это впечатление нельзя целиком отнести за счёт гипнотического влияния болезненной натуры, которое часто играет роль в подобных случаях. На меня он произвёл впечатление художника, отметку же ему я ставить не могу; дело лучше разберётся со временем. Ясно, однако, что в литературе, даже в рамках деформации, обычной для модернизма, есть больше простора для реального содержания. Это потому, что фокус живописи давно позади, а литературная проза прожила* свой апогей совсем недавно, она — более позднее искусство. Вот почему я по внутреннему чувству, которое меня не обманывает, за Кафку и против Пикассо. Я имею в виду Пикассо после 1906 г., ещё больше — после Первой мировой войны и ещё больше — после его неоклассики середины двадцатых годов. Самое лучшее, что он мог бы сделать, самое умное и благородное — это согласиться с тем, что интервью, записанное Папини[63], — или подлинное, или верное по духу. Живопись после 1906 г. всё более превращалась в магию, слишком связанную с рекламой и бизнесом.

Другое дело — Кафка. Я не говорю уже о тех обстоятельствах, которые сопровождали его творчество и появление его произведений в печати. Здесь нет игры и рекламы, мистификации и мистики. То, что обычно находят у Кафки — какие-то приметы будущих тоталитарных режимов, угаданные на основании мелких признаков, не кажется мне столь существенным. Если я не ошибаюсь, то в центре его мира стоит один действительно важный феномен — узость, малость всего человеческого, выступившая на поверхность в период превращения большинства людей в римских колонов[64] и вольноотпущенников гигантской централизованной силы. Его человек, имеющий все признаки человека, — существо настолько измельчённое, стиснутое обстоятельствами, втянутое в конвейер жизни, несмотря на внешнюю респектабельность мелкого чиновника или пенсионера, что все человеческие отношения, которыми люди привыкли гордиться, которые они обычно идеализируют, имеют здесь слишком тесные границы. Всё становится до ужаса просто. Это как если вы провожаете близких, совершили весь ритуал, а поезд не идёт. Почему не идёт? Неважно — то ли путь закрыт, то ли электростанция не работает. Прошли уже все сроки, все слова сказаны, все возможности исчерпаны. Вы начинаете тихо ненавидеть виновников вашего ожидания, притворяетесь перед ними и перед самим собой, но в конце концов — есть же границы! В старой литературе прощание, даже трагическое, совершалось по всем правилам, благородно, идеальная оболочка человека была ещё сильна. А в мире Кафки всё слишком тесно, слишком прямо, примитивно, словом — в духе цивилизации двадцатого века, разделённой на миллиарды мелких её потребителей. И вот почему здесь открывается некоторая правда, недоступная литературным формам более раннего времени, хотя на этот счёт многое уже сказали и Монтень, и Ларошфуко, и Паскаль. Что касается литературной стороны дела, то повторяю, что Кафка

* Слово «прожила» зачёркнуто, сверху написано другое, которое разобрать не удалось.

кажется мне художником: он свои гофмановские фантазмы и аллегории излагает простым и ясным языком реальности. Схватить этот контраст и есть именно дело художника.

Как видите, я не против Кафки, я чувствую симпатию к нему, к его честности, даже, если угодно, к его «реализму». Но едва ли в этом роде возможна целая литература, она произвела бы тошнотворное впечатление уже у ближайших подражателей. Мы никогда не знаем, не можем знать заранее, каковы пути истинного искусства, знаем только, что всё ценное в нём идёт от реального содержания, а не от рефлектированной, отражённой в себе слишком условной формы. В качестве знамени Кафка не годится.

Что Вы спрашивали относительно Гароди — я не помню. Если это касается его последней книги «Реализм без берегов»[65], то она до меня ещё не дошла. Полагаю, однако, на основании её названия и рецензии Дэкса в «Леттр франсез», что это обычное ликвидаторство. Гароди может всё — он может при случае доказать, что марксизм никогда не противоречил догмату о непорочном зачатии и потому коммунисты должны идти рука об руку с католиками (у него есть книжка, в которой нечто подобное доказывается). За эту идеологию «без берегов», конечно, уважать не будут. Забавно, что Дэкс обрушивается на Лукача, который теперь уже не ревизионист, а что-то худшее, чем «сталинист», сверхдогматик.

Кстати о Лукаче. Он прислал мне свою «Эстетику»[66] — первая часть её представляет собой два массивных тома, настоящий романский собор. В сопроводительном письме он говорит, что это «плод нашей совместной работы». Посмотрим, каков плод. Судя

по оглавлению — содержание богатое, и я думаю, что там есть много интересного, но объём меня пугает. Он прислал также свою статью о культе личности, напечатанную в итальянском журнале «Нуови аргоменти»[67]. Я был рад констатировать, что она вполне ортодоксальная, вплоть до очень уважительного отзыва о деятельности Н.С. Хрущёва. Дай-то бог, чтобы все недоразумения поскорее уладились. Мне рассказывали, что венгерское руководство относится к Лукачу сейчас хорошо, благожелательно. Бедный старик потерял свою опору, прекрасную женщину — Гертруд[68], которую очень любил. Не знаю, как он сумеет приспособиться к новой жизни, но он работает — кончает эстетику и приступил к этике. Присланные мне книги составляют 11 и 12 тома собрания его сочинений!

О Курелле[69] я ровно ничего не знаю, кроме того, то он страшный «левак» и загибщик. Я был знаком с ним в Москве в двадцатых годах, когда он работал в Коминтерне молодёжи и у нас в Наркомпросе, а затем во время войны. Я знаю ещё, что у него было много жён, и больше ничего. О книге Бахтина[70] много слышал, но сам не читал её, а только просматривал. Думаю, что это модная формалистика, старьё двадцатых годов, снова увлекающее сердца, не имеющие никакой другой начинки. Основная идея — полифония романов Достоевского. Хотел бы я видеть такого романиста XIX века, который не писал бы в полифоническом стиле. А впрочем, может быть, в конкретном анализе, там и есть что-нибудь хорошее, не знаю.

Перехожу теперь к последнему автору, который Вас интересует, т.е. к моей малости. История эстетического воспитания лежит в издательстве, которое хо-

чет её выпустить, но я не хочу. Дело в том, что слова «эстетическое воспитание» лезут уже у меня из ушей. Работа была написана для сборника Института философии, она как-то застряла посредине между небом и землёй. Что-то в ней на уровне, но многое очерчено слишком бегло. Мы решили теперь с издателями назвать её «Из книги о золотом веке», рассматривая это как историю представлений об идеале. Но для того, чтобы выпустить такую книгу, мне нужно было бы над ней поработать, даже если взять только с эпохи Возрождения. А я написал свой очерк размером в тридцать листов, начиная чуть ли не с первобытного общества. В общем, мне не дают спать лавры Лукача.

Когда всё это будет — честное слово, не знаю, ибо я всё ещё не закончил статью о Дидро. Правда, за лето мы написали с Л.Я. что-то вроде разбора модернизма — от кубистов до «абстракции», не вижу, чтобы заказчики старались побыстрее опубликовать эту работу. Они хотят обеспечить план по тематике, но искреннего желания бороться против модернизма, конечно, нет. Если появится кусок в журнале «Искусство», я пришлю Вам оттиск[71]. Кроме того, я пишу в памфлетном жанре и что-то уже написал. Если всё пойдёт гладко, то отнесу в «Новый мир». Там очень хотят меня напечатать, но никак не вытянут ничего. Недавно я читал в Доме литераторов лекцию на тему о том, что правда в истории есть, и если добродетель не вознаграждается, то преступления наказываются, хотя и нередко по закону круговой поруки, т.е. страдают невинные[72]. Одним словом, на тему о Немезиде. Затронул и полемику между китайцами и Тольятти. Народу было много, публике понравилось, но были и эпизоды. Когда-нибудь расскажу подробнее. Твардовский очень хотел

печатать в «Н.М.», но по многим причинам сейчас неудобно, открытой полемики с китайцами не должно быть. Я, впрочем, по моему обычаю, и не стремился к тому, чтобы это было напечатано.

Вот все новости насчёт меня, остальное мелочи. Кажется, я ответил на все Ваши вопросы. Лидия Яковлевна просит передать привет. Мы оба кланяемся Владимире. Желаем здоровья всему семейству. Большой привет Ружене.

Ваш Мих. Лифшиц

Письмо настукал in aller Eile*, как говорят немцы, так что не взыщите, если это не мадам де Севинье[73].

31 декабря 1963 г.

Дорогой Владимир!

С Новым годом! Желаю Вам и Вашему семейству самого благоприятного расположения созвездий в наступающем году. Поздравление моё, конечно, придёт слишком поздно, но ничего не поделаешь — я нынче так много и спешно работал накануне Нового года, что осталось ещё обстричь свои буйные кудри и сходить в баню. Напишу несколько поздравительных писем, ужо и пойду.

В числе моих последних спешных дел была и статья в чешский журнал «Эстетика»[74]. Делал я её в несколько приёмов, и за время работы меня дважды или трижды сбивали с ног другие дела, ещё более спешные. Но, кажется, эта процедура не отразилась на изложении. Прав я или не прав, но мне кажется, написал

* Второпях, в спешке (*нем.*).

от сердца. Был бы рад, если бы статья появилась, хотя опасаюсь, что опоздал. Её ведь нужно ещё переводить, и переводить хорошо, иначе весь эффект пропадёт. Кстати, на стр. 8 в спешке не заметил, что дважды повторяются слова «В конце концов». Пожалуйста, во втором случае вычеркните их; останется фраза: «Он может лечить наложением рук».

Я написал ещё одну полемическую статью, вроде «Мариэтты Шагинян», но на темы эстетики. Пока ещё рано говорить о том, какова будет её судьба. Если судьба будет благополучной, я пришлю её Вам на прочтение. Статья большая. Посылал ли я Вам статью из 2-ого тома «Философской энциклопедии» — «Капитализм и духовная культура»?

Спасибо за лекарства, которые я получил через Пажитнова[75]. Мепробамат действует на меня как снотворное сильнее андаксина, но повышения тонуса не вижу, скорее обратное, хотя имеются и другие причины. Андаксин я себе достал. Ещё раз большое спасибо за лекарства, буду принимать. Один том Монтеня я Вам уже купил, ищу второй.

Привет и лучшие пожелания от Л.Я.

Ваш М. Лифшиц

16 июля 1964 г.
Эстония

Дорогой Владимир!

Отвечаю на Ваше ереванское письмо уже из Эстонии, куда я попал на отдых. Погода хороша, но всё остальное оказалось менее привлекательным. Местность не живописная, тени мало, квартирка — так себе, город слишком радиофицирован. Море, правда, как раз для меня — тёплое и мелкое, но до него далеко ходить по жаре, как и до леса. Компенсирую эти неудобства интенсивной мыслительной работой и немного рисую. Возможно, что мы отсюда уедем.

Ваше письмо — интервью, и я постараюсь отделаться от поставленных вопросов, как поступают опытные деятели перед лицом журналистов, иначе мне пришлось бы написать целый том.

На первый вопрос отвечаю, что в недалёком будущем мне предстоит написать «введение» к немецкому изданию моих статей о вульгарном марксизме[76]. Тогда я и пришлю Вам соответствующее экспозé*, в котором всё будет рассказано, конечно, с *моей* точки зрения. Если Вы не оставили желания издать такой сборник и по-чешски, то, может быть, он окажется полнее, так как в Германии часть статей (относящихся к дискуссии 1940 г.) будет, вероятно, нежелательна. В Переделкино я занимался понемногу подготовкой к переводу статей 30-х годов.

«В Москве говорят о Вас, что Вы человек, не принимающий искусство XX-ого века». Это совершенно верно, и я вижу, что то же самое во всём мире говорят об известном им Лукаче.

Разумеется, это так же, как если бы я, скажем, жил при римских императорах и говорил, что эстетическая сила искусства убывает. Это не значит, что всё созданное на грани средних веков ничтожно в художественном отношении, но… здесь нужно разбирать. Я не люблю и остро чувствую то, что связано с тле-

* Экспозé (*франц.* exposé) — краткое изложение какого-либо документа, произведения или выдержки из него.

нием старого, хотя бы это было выражено в самой горлопанской, ультрареволюционной манере. Я ведь очень хорошо знаю, и по догадке, и по опыту, к чему это ведёт. Маяковского я считаю значительной и до сих пор не понятой фигурой, представителем антипоэзии, доведённой до гиперболических размеров. Его несчастью я сочувствую, его программу — отвергаю. Багрицкий — это мелочь. В Есенине что-то есть, но в целом — слишком мало и слишком однообразно. Больше поэзии *в прежнем смысле*, чем у Маяковского, и меньше значительности. С точки зрения формы (а форма — тоже содержание в его наиболее широком, всеобщем разрезе), мне кажутся серьёзными поэтами Мандельштам и Заболоцкий (не говоря, конечно, о Блоке и некоторых других символистах). В самом прямом и основательном смысле мой поэт — Твардовский, но я пожелал бы ему, при всей реальности его содержания, больше вкуса и проистекающей отсюда краткости. Много двойственного, от духа поэзии большого коммунистического содержания — и от мира сего. Чтобы стать настоящим крестьянским поэтом, ему, может быть, не хватает графского происхождения, как у Толстого. Это, разумеется, шутка. Что касается музыки, то я молчу. Весь свет, в том числе специалисты, признают Шостаковича гением. Так что мне неловко признаться, что это для меня не музыка. Что касается живописи, то здесь я не меньший Собакевич. Мои симпатии в XX веке — «Мир искусства», Бенуа, Лансере, Добужинский, ранний Рерих, Чехонин, Головин, Бакст, Богаевский, Петров-Водкин (последний уже за пределами «Мира искусства», отчасти лучше, особенно «Богоматерь 1918 года», отчасти хуже). Искусство — в будущем, наше дело — расчищать место

для него критикой больного сознания. Иншаллах*! Ответ на научный вопрос — клочья пуха — это цветение липы. Затем простите, кажется, я исчерпал себя. Большой привет Владимире, надеюсь, что ей удалось собрать большой материал.

Л.Я. кланяется. Адрес мой неверен. Пишите в Москву, но я там буду только в конце августа. Ваш М. Л.

5 октября 1964 г.

Дорогой Владимир!

В Прагу едет по своим экономическим делам Марина Усиевич[77], дочь Елены Феликсовны[78]. Я хочу поручить её Вашему вниманию, думаю, что Вам и самому будет интересно познакомиться и поговорить с нею, а что касается меня, то Вы окажете мне большую услугу, если поможете ей своим советом и обществом. Зная, как Вы относитесь к Елене Феликсовне, я не буду много писать на эту тему.

Я до сих пор не ответил на Ваше последнее письмо, так как оно содержит новую анкету, а на такие вопросы нужно отвечать подробно. Конечно, я совсем не против всего, что происходит в искусстве двадцатого века, я не против хорошего в искусстве, а напротив, очень рад ему, как я, например, пламенный патриот Солженицына, хотя язык его в повести «Иван Денисович» отнюдь не тургеневский, и слава богу[79]! Я только против модернизма, ибо вижу в нём современное одичание на манер того, которое уже однаж-

* Иншалла(х) (*араб.*), с Божьей помощью, во имя Аллаха, молитвенная ритуальная формула у мусульман.

ды привело человечество к «верую, ибо это абсурд»[80]. Таким вещам нужно сопротивляться, т.к. они являются выражением и средством порабощения. Вот и всё. Кстати, я был бы Вам обязан, если бы Вы сообщили мне, что, в конце концов, получилось с моей статьёй для журнала «Эстетика». Не подумайте, пожалуйста, что я предъявляю Вам претензию или прошу хлопотать за её помещение. Совсем нет. Мне даже подсознательно хотелось бы, чтобы ваша редакция решилась её отвергнуть. Но ответ всё же надо иметь.

Я ещё не писал Лукачу, поэтому не мог передать ему Вашей просьбы. На днях это будет сделано. Что касается моих старых статей, то дело с их подготовкой к печати снова застопорилось — нет времени, крайне необходимо опять попытаться вынырнуть с исполнением плана. Не то моё дело будет плохо, а всё остальное уже не имеет значения.

Искренний привет Владимире от меня и Л.Я.

Мы оба желаем Вам и Вашему семейству всего лучшего.

Мих. Лифшиц

P. S. Лукачу я написал и письмо отправил. Большое спасибо за лекарство, мне его вчера принесли. Ещё одна небольшая просьба: нельзя ли купить для меня маленькие книжки № 1–9 Japonska nutnost abe Nolit? Я думаю, что это стоит немного. Так как Марина Александровна задержалась до 15-ого, то я делаю эту приписку.

Ваш

Мих. Лифшиц

12 ноября 1964 г.

Дорогой Владимир!

Большое Вам и Владимире спасибо за хороший приём, оказанный Марише Усиевич. Она вспоминает об этом с благодарностью. Вы сделали её пребывание в Праге очень приятным. Очень жаль, что в Вашем семействе возникло столько трудностей в связи с бедствиями стихийного характера — болезнями и дождями. Хорошо ещё, что хоть землетрясения не было. Надеюсь, что все вы теперь здоровы? Спасибо и за фотографии, которые выполнены хорошо, но, увы, «неча на зеркало пенять, коли рожа крива»! Мы с Утёсовым похожи, как родные братья. Спасибо также за лекарство для Лидиной приятельницы.

Вчера послал Вам почтой второй том «Истории эстетической мысли»[81]. К сожалению, Монтеня ещё достать не удалось, а тот том, который я уже купил, у меня кто-то увёл. Лукач мне пишет, что он отдал распоряжение своим адъютантам выслать Вам экземпляр своей «Эстетики». Я уже немного из неё прочёл и, по свойственному мне злобно-критическому характеру, уже написал ему несколько, кажется, впрочем, справедливых замечаний. Старик пишет не перечитывая, очень неточно. Так, у него получается, что материальная практика и её продукты — преходящи, а духовное производство создаёт нетленные объективации. Рассуждая на темы «обыденной жизни», он хочет конкурировать с фрейдистами и экзистенциалистами. В ответ на мою критику (выдержанную, конечно, в самом нежном тоне) он ответил, что это недоразумение, происходящее из неудачного изложения, что он пишет труд «Онтология общественного бытия»[82], в ко-

тором всё будет поставлено на место. Надеюсь, что будет так.

На днях соберусь и пошлю Вам также мою с Л.Я. статью «От кубизма к абстракции»[83]. Она напечатана в летних номерах журнала «Искусство». У меня очень просят её в качестве отдельной брошюры. Теперь вот что: не хотите ли Вы принять участие в сборнике «Вопросы эстетики»[84], который посвящён критике современной буржуазной теории этого предмета? Что касается статьи о чешском рассказе, то я уверен, что либо «Новый мир», либо «Иностранная литература», либо «Знамя» напечатают её. Заранее с «Н.М.» я говорить не могу — я сержусь на них, точнее, на их шефа, и дал себе слово никогда больше не советовать им ничего. Причины серьёзные. Но если статья будет прислана, то я, конечно, найду возможности посодействовать её напечатанию.

Вы просите ответить на вопросы предыдущего письма, очевидно, от 17 августа. Попробую: 1) Мои статьи о вульгарной социологии я никуда не посылал, так как не имею времени привести их в порядок. У меня опять аврал, опять я попадаю в безвыходное положение и должен броситься на исполнение плана Института, причём писать опять придётся что-то промежуточное, так как на вполне удовлетворяющее меня нет времени. 2) Признаю ли я искусство XX века? — Вопрос этот странно поставлен. Разве дело в хронологии? *Вообще* говоря, я ни за, ни против. Смотря какое искусство! За позицию Лукача по всем вопросам я, конечно, отвечать не могу. У Горького есть много первоклассных вещей, я думаю, что это не открытие. Томас Манн — хороший писатель, хотя и немного тяжеловат, по-немецки (с точки зрения

вполне точного вкуса). Но кто же будет обвинять его за это? Я даже не против Кафки, который в некоторых вещах создаёт просто аллегорические параболы, более тёмные, чем, например, у Мультатули[85]. Я нахожу Кафку интересным, искренним, имеющим своё содержание, о котором сейчас писать не буду, но — боже мой — разве, когда речь идёт о путях возрождения искусства, можно опираться на то, что «нет худа без добра», что, переболев какой-то болезнью, люди иногда теряют при этом другую? Мало ли что бывает в конкретной действительности, которая всегда хитрее наших схем. Разве из-за этого нужно отказаться от принципиальных линий? Ведь все эти рассуждения Фишеров[86] и К° с ленинской точки зрения — жалкая эклектика, стирание граней, попытка, опираясь на частные моменты, на подробности, затемнить смысл общей картины, стереть реальные масштабы вещей. Если Кафка — искренний, сильный, хотя и больной талант, то престарелый Пикассо — весь поза, враньё, реклама, мистика. Можно ли ставить два эти явления в один ряд? Только если хочешь построить какую-то схемку и ради демагогии готов всё смешать в кучу. Король голый — смешно всерьёз принимать эти жалкие опыты дешёвого литературного символизма, вроде «Войны и мира» Пикассо[87], с какими-то рыцарями, мечами и т.п. Здесь ровно ничего нет, никакой тайны, никакого предмета для разговора. Спекуляция на политической теме, расчёт на рекламу, нехитрая выдумка. А ведь для того, чтобы написать даже слабое реалистическое произведение, нужно рисовать, лепить, чувствовать форму, сливаться с языком природы, работать до потери сознания. Что за жалкая культура, если такой вздор принимается с полной

серьёзностью! Я читал речь Фишера на Гегелевском конгрессе, читал речь Сартра в Праге — эти господа-товарищи ссылаются на то, что левые «с нами». Ну что ж — если с нами, почёт им, как участникам борьбы и работы. Но что это за принцип — если с нами, то нужно судить иначе? Ведь эдак и научные теории в области физики или агрикультуры будут судить на основании того, кто с нами и кто не с нами. А чем это отличается от практики культа личности? Нет, нельзя судить по номиналу, нужно принимать во внимание действительную, объективную стоимость. Нельзя насиловать объективные законы во имя волюнтаристских, субъективистских правил. Нельзя серьёзно расценивать научные и художественные явления иначе, как по «гамбургскому счёту», нельзя кривить душой во имя того, кто «с нами» и кто «не с нами» — это кажется полезным, а на деле оборачивается чудовищными потерями в области практической жизни и общественной морали. Такие тактические шаги можно предпринимать в сравнительно небольших масштабах, когда речь идёт о выдвижении снизу, из рабочего класса или из угнетённых наций людей, которые хоть слабо справляются с порученной им работой, но всё же преданы революции. Но если сделать это основным принципом, то будет горе. Никогда Ленин не думал, что опираться на «своих» это значит давать им всякие поблажки, а «чужих» хулить. Это — та самая детская болезнь левизны, из которой потом вырастают самые правые дела. Хороши «свои», когда они развиваются в сторону объективного содержания дела, умеют быстро научиться, перенять лучшие классические примеры, культурную традицию и сплотиться, впитать в свою среду честнейших, преданнейших науке, искусству, культуре вообще людей, которые ещё не являются «своими», но завтра будут. В масштабе международного коммунистического движения, увы, приходится считаться с тем фактом, что многие не нашедшие себе места в официальной духовной жизни не прочь поправить свои дела за счёт политических лозунгов партии. «Наши» — это не всегда объективно лучшие в своей специальности, в науке, искусстве, в других интеллигентных занятиях. И это было бы предательством по отношению к делу народа, если коммунисты отстаивали бы интересы «своих», входящих в свою корпорацию, в свою артель. Я, кажется, говорю банальности, но что поделаешь, если это ставится под сомнение не только «левым» Сартром, но и коммунистами типа Эрнста Фишера или Гароди.

Вы меня спрашиваете, как я отношусь к Мейерхольду и Эйзенштейну. Мейерхольд мне ничего плохого не сделал; я работал когда-то в его театральном институте, преподавал философию. Мне недавно напомнили, что в тридцатых годах я читал перед труппой театра доклад о «Борисе Годунове» Пушкина, которого они собирались ставить. И Мейерхольд, и супруга его Зинаида в самых лестных выражениях оценивали сей вклад в их дело. Но даже мученичество Мейерхольда не может заставить меня забыть, как сам он, захватив в свои руки палку в качестве главы театрального отдела Наркомпроса первых лет революции, творил чёрт знает что. Эти левые не стеснялись называть своих противников в искусстве врагами пролетариата, преследовали их всячески. Я мог бы привести много фактов тех лет. А в изобразительном искусстве? Разве не их преследованиям обязаны мы потерей выдающихся, ценнейших представителей старой культуры, как

Александр Бенуа, Добужинский, Чехонин, Билибин и много других замечательных художников XX века, которыми будет со временем, я думаю, скоро, гордиться русская культура? Да, есть разное в двадцатом веке! Есть культура тончайшая, насыщенная знанием всей мировой традиции, хотя, быть может, и не такая продуктивная, как то, что было создано в более ранние эпохи. Но это знание, эта традиция, эта тонкость нам необходимы для того, чтобы избегать худшего, для того, чтобы новые народные силы росли наиболее быстрым и благородным путем. И есть другая культура, если можно так называть её, ибо речь идёт о нигилистической истерике последних стадий декадентского искусства, переходящего в открытую проповедь варварства, преклонение перед незнанием, неумением, грубым насилием. Это худший вид интеллигентщины и притом опаснейший для нас, ибо он потворствует темноте, неразвитости, элементарному недостатку культуры. Разве из этого можно сделать что-то серьёзное, растянуть это надолго, ввести в академические рамки, если даже признать, что такая истерика на время оправдана? — Я прекрасно понимаю сценическое движение против мещанского иллюзионизма в театре XIX века, возвращение к «коммедиа дель арте» и т.п., но всё это должно иметь свои границы — не далее Вахтангова и Завадского, двух выучеников МХАТа, пошедших дальше в направлении условности. Цирк Мейерхольда — это уже плоть от плоти варварской истерики, это не умный взгляд на мировую культуру с современной точки зрения, а попытка стать дикарём, пойти в дураки, прикинуться тупицей, потому что в тупости счастье. Нет, на этом далеко не уедешь! Так называемая «современность» двадцатого века есть не что иное, как самый крайний примитивизм, мечта о возвращении к полному идиотизму, отсутствию интеллекта и в пределе — возвращение к немыслящей материи. Автомобилизм, спорт, реклама, цирковые номера — весь набор сигналов этой современности рассчитан именно на войну против духа. Однако и надутая мускулатура этой новой не-интеллектуальной жизни такая хилая, фальшивая, такой вздор!

Об Эйзенштейне скажу, что это тоже сомнительная величина. Хорош был «Потёмкин», если выбросить из него экспрессионистские мелькания и другие дешёвые эффекты. А «Александр Невский» и «Иоанн Грозный» — это уже нечто совершенно «нордическое», а вовсе не коммунистическое. Явный путь от ультралевизны к тому, что из этого начала неизбежно, по тенденции своей, растёт. Жил бы он в Китае, и снимал бы уже фильмы из жизни Конфуция.

Однако на сегодня хватит. Будьте здоровы и благополучны. Кажется, я поработал на Ваше интервью.

Ваш

Мих. Лифшиц

10 марта 1965 г.

Дорогой Владимир!

Я давно Вам не писал, да и вообще не писал никому. Дело в том, что в январе-феврале с.г. меня сильно тряхнула стенокардия, так что я даже не мог держать перо в руках, не говоря о машинке. После этого я лечился жестокими методами, и сейчас мне лучше. Большое спасибо за предложение кордипина — я его уже

испробовал, но он мне не помог. Больше помогли разные методы воздействия на поджелудочную железу, в которой теперь видят эпицентр моего землетрясения. А вот мепробамат — если у Вас будет возможность, пришлите с кем-нибудь. Я надеюсь, что Вы можете получить что-то за меня из журнала «Эстетика» — так на лекарства хватит. Если нужна доверенность, то напишите, пожалуйста. Но пусть не переводят через банк в Москву, как недавно это сделали венгры. Я предпочитаю потратить <деньги> на книги или художественные принадлежности в Чехии.

За присланные журналы спасибо. В моей статье, кажется, что-то сокращено. Вашу я, к сожалению, прочитать не могу. Насчёт Разумного[88], думаю, Вам беспокоиться нечего. Его уже высадили из начальства и не знают, как подойти к делу, чтобы высадить совсем. Если будут задержки, Вы мне напишите — я поговорю с Овсянниковым, который там начальство. Что касается статьи молодого Рюрикова[89], то я не читал, а по слухам, она слишком либеральная, т.е. глупо подражательная по отношению к западной моде. Теперь это у нас во всём, хотя одновременно и *другое*, как Вы, вероятно, заметили. Вот новость: я ушёл из Института истории искусств, ибо переносить эту модернистскую шайку и это окончательное погребение марксизма, даже словесного, с близкого расстояния не могу. Сейчас пишу брошюру, связанную с книжкой Гароди и всеми этими проблемами, как расширение нашей с Л.Я. статьи о кубизме, которую я Вам так и не прислал, а теперь, видимо, пришлю уже в виде брошюры (если она выйдет).

Для Вашего журнала «Эстетика» пока у меня ничего нет, да и нет большой охоты писать. Какие будут

отклики на мой парадокс, пожалуйста, скажите, хотя я думаю, что никто не станет поднимать перчатку: ограничатся общим осуждением. Насчёт Луначарского я у Саца[90] спросил. Но это не так просто. Хранить и распространять статьи Луначарского — не его прерогатива. За этим нужно обращаться в Институт марксизма-ленинизма. Но, по мнению Саца, ничего, кроме вариантов речей, в стенограммах не существует.

Книгу Шаффа[91] я, к сожалению, не читал, и, кажется, её в русском переводе нет. Не знаю, что у него там. Боюсь, что опять марксизм без берегов. Но Вы правы в том, что вся моя деятельность тридцатых годов была направлена против отрешённого социологического марксизма, за восстановление роли и значения «человеческих» проблем. Разумеется, я думал об этом гораздо больше, чем написал, и у меня есть готовые тетради тридцатилетней давности, дающие некоторые положительные решения *без разрыва с историческим материализмом* и тем, что у нас называлось «классовым анализом», а также без эклектизма. Возможно, что кое-что из этого высказал и ещё выскажет Лукач, но я, со смешанным чувством сожаления и удовлетворения (ибо я человек и мне доступны дурные чувства), вижу, что никто, кроме меня, не может этого сделать. И тем более я браню мою непроизводительность — не в смысле мысли, а в смысле изложения. Вот как раз передо мной папка с надписью «Историческая антропология как задача». В ней только то, что относится к более ясному выражению этой проблемы, а в широком смысле вся моя лаборатория имеет отношение к науке о человеке. У меня есть, например, старый комментарий к Монтеню (30-х годов), не знаю даже, сохранился ли полностью. Кстати, о Монтене. Второй том я всё же выцарапал обратно и пошлю Вам,

а третьего пока не видать. К сожалению, моя малая мобильность в настоящее время мешает мне отыскать Вам остальные книги, но я это сделаю, как только выйду на оперативный простор. Будьте здоровы. Спасибо. Кланяйтесь Владимире от меня и Лиды.

Ваш Мих. Лифшиц

Жаль, что Вы не слышали двух моих больших лекций на тему «Добро и зло», прочитанных весной прошлого года, и лекций о трагическом, прочитанных немного раньше[92].

27 апреля 1965 г.

Дорогие Владимира и Владимир с чадами!

Искренне поздравляем вас с праздником 1 Мая. Благодарю за лекарства, они давно пришли в Москву, но я их только вчера получил. Письма я в них не нашёл, поэтому жду дальнейших вопросов из Вашей, Владимир, обычной анкеты.

У нас ничего нового, кроме того, что после падения кривой в начале года в настоящее время я на своё здоровье жаловаться не могу — хожу неплохо. Надеюсь справиться и с бессонницей, которая опять приступила ко мне в Переделкино.

Шлём вам обоим лучшие пожелания, будьте все здоровы и счастливы.

Ваш

Мих. Лифшиц

18 июля 1965 г.

Дорогой Владимир!

Спасибо за книгу о Кафке, она будет иметь для меня познавательный интерес. Я уже начал понемногу читать её, но пока вижу только общие декларации, а что дальше будет — не знаю. Что-то давно от Вас нет никаких письменных сообщений. Всё ли у Вас хорошо — как жена, дети? Одолели ли Вы эстетику Лукача? — я ещё нет, всё другими делами занимаюсь.

За последнее время мне пришлось что-то сделать для «Нового мира», опять в жанре травести — философские сюжеты в этом роде, кажется, ещё не излагались. Что из всего этого выйдет — я Вам напишу, сам ещё не знаю. Только что отделался от первой волны переделок[93]. Теперь пришлось срочно броситься на Луначарского, которым и занимаюсь. Должен написать статью — другого выхода у меня нет, хотя нет и большого желания[94].

Мы опять живём нынче летом на даче в Переделкино. Не собираетесь ли в Москву? Лето, правда, вышло пока холодное и дождливое, но, ежели проездом в Гагры, то ничего. Как Владимира и её монография о нашем восточном человеке, закончила ли?

Я всё мечтаю, что путём энергичных усилий разметаю вокруг себя все обязательства и тогда начну излагать свой курс философии в параграфах и королларияx*[95]. Но в глубине души думаю, что это будет первым моим трудом уже в другом мире. Я имею в виду краткость оставшегося срока пребывания в этом, а на здоровье не жалуюсь. Чувствую себя в настоящее время сносно, даже сон — тьфу! тьфу! чтоб не

* Короллярий, corollarium (*лат.*) — следствие, вывод.

сглазить! — похож немного на сон среднего человека. Этот человек является вообще моим идеалом, я вижу, что он живёт и в ус не дует и потому его, в сущности говоря, следует назвать вполне совершенным человеком, или, как говорил покойный Анатолий Васильевич, — «всечеловеком»[96].

Лидия Яковлевна часто ездит в Москву, исполняет разные организационные функции, а я пока сижу за машинкой, но вскоре мне тоже предстоит чаще посещать наш стольный град, ибо я снова поступил на службу, менее выгодную, но, как мне обещают, более спокойную[97]. Володя Гриб когда-то говорил: «Мы всю жизнь стараемся создать себе условия для работы». Он так и не успел закончить создание таковых. Я тоже никогда не думал, что написанные мною где-то на ходу и без всяких условий брошюрки и статейки останутся моим достоянием, может быть, и окончательным. Зер комиш*, как сказал онкель Юри**, выйдя, как Иона, из чрева китова[98].

Зелень нынче в Переделкино очень буйно разрослась, чистый Барбизон, лес Фонтенбло! И много грибов. Но мне, конечно, некогда их собирать, кроме как в супе.

Будьте здоровы и благополучны.

Привет от Л.Я.

Ваш Мих. Лифшиц

* Зер комиш, sehr komisch (*нем.*) — очень забавно.

** Онкель Юри (Onkel (*нем.*) — дядя), дядя Юри — имеется в виду Д. Лукач.

26 июля 1965 г.

Дорогой Владимир!

Спасибо за поздравление, спасибо за Ваши пожелания, спасибо за лекарство. Что Вы узнали о моём «юбилее» только из Энциклопедии — совершенно естественно[99]. Или, вернее, — неестественно, так как, будь моя воля, я, конечно, запретил бы помещать в Энциклопедии ныне здравствующих лиц (ну пусть уже специальные справочники издаются, если нужно).

Поздравлять меня не с чем — вот если бы с тридцатилетием, тогда ещё другое дело. Я старался замазать это дело, но не вышло. Впрочем, ничего, кроме небольшого домашнего празднества в редакции «Нового мира», не было. От Твардовского я получил в подарок стихи, посвящённые моей малости, но относящиеся к марксизму вообще, что я считаю за честь[100]. В настоящее время в редакции находится моя статья, намеченная в сентябрьский номер[101], но что будет дальше — пока не знаю. Статья опять несерьёзная, не отвечающая тем высоким требованиям, которые Вы ко мне предъявляете и, как оказалось, предъявляет довольно много других лиц, в том числе гораздо менее дружественных, чем Вы. Кончится дело тем, что даже те, кому я обязан привычке к молчанию, мои старые друзья тридцатых-сороковых годов, будут на меня в обиде за то, что я ничего положительного не создал. Ну, это всё шутки. Я обычно больше всего склонен винить самого себя, но не вполне даже винюсь, ибо 1) после подведения итогов, со временем, что-то более или менее серьёзное найдётся, а если что проникло в жизнь через других людей, то «сочтёмся славою», как говорил Маяковский[102], 2) не тянет меня что-то

сейчас к серьёзным занятиям, а тянет к озорству, к публицистике. Я больше всего думаю не о тех, которым нужна методология для эстетики, литературоведения, философии и т.д., а о том народившемся для меня, более широком читателе, и не заграничном, а нашем. Я прекрасно понимаю, что мои теперешние писания мне широких лавров не принесут, модным я быть не могу, ни с Гароди, ни с Фишером, ни даже с моим другом Лукачем (не похожим на этих болтунов, потому что он честный марксист) я соревноваться не буду. Но буду очень рад, если скажут, что моя публицистика напоминает некоторые хорошие образцы русской литературы и не является простым подражанием.

Я Вам просто моё настроение высказываю, которое сильнее меня и, может быть, вредно для меня — не знаю. Не ради этого, я истратил несколько месяцев на забавную статейку, а ещё у меня есть в запасе «Разговор с чёртом» в стиле Достоевского[103].

Что у вас так жалки дела марксистской эстетической традиции, мне понятно. Да, союз фарисеев старого типа с цадукеями модернизма — повсеместный факт. Что касается «младомарксистов», как я их называю (вроде Гароди и ниже), то они тянут примерно к богостроительству образца 1910 года. Всё очень похоже…

Мне очень жаль, что в семействе Вашем было столько болезней в нынешнем году. Жаль, что Вы и Владимира не приедете нынче. Шлю вам всем мой привет и благословение, поскольку я уже перешёл в разряд старцев.

Ваш Мих. Лифшиц

12 января 1966 г.

Дорогой Владимир!

Вы действительно меня забыли. Надеюсь, что особенных причин для этого не было. Как вся Ваша семья? Здоровье девочек? Работа Владимиры? Я провёл всё это время в кипучей, но не слишком продуктивной работе, переутомлён до крайности. Много времени потратил на не достигшую необходимого успеха публицистическую деятельность. Теперь бросился на выполнение более академических обязательств. Как видите, всё это не интересно. Недавно прочёл в австрийском журнале «Тагебух» статью вашего Иржи Гаека — отвратительный болтун[104].

Привет от Лиды всему семейству

Искренне желающий Вам добра

Мих. Лифшиц

23 декабря 1966 г.

Дорогой Владимир!

Мы с Лидой недаром беспокоились, думая, что у Вас, должно быть, не всё благополучно, раз Вы так долго не даёте о себе знать. Извините и меня, что я не писал Вам — жизнь, знаете, такая суматошная и вся основанная на спешке, что нет времени даже для самых необходимых человеческих функций. Что мне сказать по поводу Вашей жизненной нескладицы[105]? Жаль, очень жаль. Но — всё проходит, и это тоже пройдёт. Особенно в молодые годы, когда впереди бесконечность — всё излечимо. Приезжайте к нам для

рассеяния. Между прочим, теперь существует и метод индивидуального приглашения, если хотите — можем Вас пригласить. В общем, как говорит русская не то поговорка, не то присказка — горе не беда. Диссертации, кстати говоря, и у нас можно защищать, и многие даже для этого к нам специально ездят.

Ситуация в Праге, которую Вы обрисовали в своём письме, меня как «догматика», то есть марксиста, конечно, не веселит. Могу Вас утешить, если это утешение, что и у нас всякий модернизм в полном расцвете, и болтать можно всё, что угодно, а защищать наши старые идеалы трудно — тотчас же обижаются и относят к защитникам старины. Появилась новая монополия неприкасаемого либерализма, и некоторые терновые венцы уже греют как чепчик. Обладатели их проживают не худо, они образуют «новую знать», распоряжаются степенями, словом — лезут в люди. Я не сомневаюсь в том, что вскоре найдётся, конечно, лучшая часть общества из той же молодёжи, которой всё это обрыдло, и захочется ей чего-то здорового. Но пока нужно ждать. Лишь бы два типа глушителей — казённые и либеральные всё это дело не заглушили, ибо молодым мозгам разобраться во всей этой путанице трудно.

Но я верю в нашего марксистского бога, конечно, не того, которого придумывают Гароди и Фишер. И хотя, как Вы верно изволили заметить, ругают меня немало — я ведь привычный. Не первая зима на волка! Пострадаем и от либералов — они ведь потому и называются либералами, что не демократы. Вот провести некоторую разницу между теми и другими в мозгах людей я и считал бы своей обязанностью.

Сдаваться никоим образом не надо — Вы совершенно правы. Надеюсь, что Ваше трудное стечение

обстоятельств Вас только закалит и разозлит — с этого всегда нужно начинать. Когда злость приходит — всё остальное уже не страшно. Старайтесь поберечь здоровье, ведь у Вас, кажется, был процесс в лёгких? Что касается личных дел, то мне самому пришлось пережить разные передряги — и вот выросли у меня дети, неплохие, и любят меня очень.

Я чувствую себя вполне сносно, в общем — в соответствии с возрастом. Злость есть. Между прочим, сообщаю Вам, что я возвращаюсь в Институт философии. Сейчас меня отвлекла от благих намерений дурацкая дискуссия[106], но, как только это кончится, займусь более продуктивным делом. Получается ли у Вас в Праге журнал «Художник»[107]? Прочтите в № 9 статью «Всё отвергнутое прекрасно?»[108], там же в первом номере будет «Плеханов как критик модернизма»[109]. В первом номере «Вопросов философии» набрана статья «Читая Герцена»[110], есть ещё кое-что в проекте, но писать пока рано.

Относительно «денежного долга», как Вы пишете, — пусть это Вас, ради бога, не беспокоит. У Мариши я ничего брать не буду, и вообще — всё это вздор. Без материи Лидия Яковлевна проживёт, у неё есть всё, что ей нужно. Если будет возможность послать с кем-нибудь несколько листов — не такую, конечно, громадную пачку, как в прошлый раз — цветной бумаги, но других тонов — охры, розоватой и синеватой, то пошлите. Однако не стоит беспокоиться об этом, времени всё равно нет.

Будьте здоровы и спокойны духом. Мы с Л.Я. шлём Вам лучшие пожелания и выражения искренней любви.

Ваш Мих. Лифшиц

Привет от Крыстю Горанова[111] из Болгарии.

23 апреля 1967 г.

Дорогой Владимир!

Прежде всего, поздравляю Вас с наступающим праздником международного пролетарского единства, имеющего ныне своим центром Прагу. А затем поздравляю Вас с тем, что Вы ушли из угнетённого состояния, это видно уже по характеру Вашего письма, в котором есть элемент «интервью». Меня радует, что интерес к жизни пробудился. Со мною хуже — внешне я не теряю интереса ни к чему, но это, скорее, стоицизм, упрямство, ибо проклятые годы — всё-таки порядочное бремя, давящее и на любознательность. Что-то не могу найти в себе прежнего интереса к научным занятиям, хотя тружусь непрерывно, даже слишком, но это уже по причине конвейера, в котором каждый занимает своё место. В прежние времена, когда я был больше в стороне, чувство свободного интереса обозначалось более полно. Теперь уже часто думаешь: «А на кой это?»

В-третьих, поздравляю Вас с защитой диссертации. Как говорил Савельич у Пушкина: «Плюнь да поцелуй!»[112] Теперь Вы — муж науки, и надеюсь, что это прежде всего отразится на Вашем экономическом статусе. Картинка духовной жизни, нарисованная Вами, мне хорошо знакома. Я только что вернулся обратно в Институт философии, но этот институт уже не то, что было! Старые шимпанзе цепляются где-то повыше за скалы, а внизу кипит такое новаторство, что я у них уже на крайнем правом фланге. Принял решение не портить себе нервы, не спорить и не вмешиваться ни во что. Что ты будешь делать с людьми, которые считают, что главное противоречие мира — это противоречие между интеллигенцией и хамами! Как им объяснишь, что коммунисты всегда стояли за «хамово племя», если их отношение к этому делу ограничено получением зарплаты? Конечно, моё благоразумное решение остаётся пустым словом, на деле всё время приходится иметь дело с умничающей толпой. Есть несколько человек, с которыми можно разговаривать, да и то… Эвальд Ильенков[113] хочет быть марксистом, но это очень абстрактный ум. То, что интересует меня, для него — недостаточно философия, а другие и того манернее, хотя некоторые не лишены таланта, как Соловьёв[114]. Это всё лидеры нашего молодого поколения (эдак лет под сорок). Читаю сейчас сочинение вашего фаворита общественного мнения — Косика[115]. Что-то заимствовано у нас с Лукачем, но мышление не строгое, мифология какая-то. Очевидно, переболеть этой проказой придётся везде.

Насчёт тенденциозной информации о моих статьях в вашей «Литературке» я слышал — это не беда. Зато я получил орден от «Фигаро»[116], которая разнесла меня на все корки, но признаёт всё же, что так партийная точка зрения ещё не излагалась. Забавная статья! Колар[117] у меня был, хотя не долго — времени у него не хватило, как у всякого путешествующего. Произвёл хорошее впечатление, желаю ему успеха в работе над книгой. Спасибо за бумагу, хотя и не те цвета, которые я ищу, но не беда, пригодится. Надо Вам сказать, что для таких занятий времени не остаётся, а мне очень жаль — хотелось бы потешить немного душу. Вот ещё у меня к Вам просьба. Не могли бы Вы купить для меня миоскоп (чешские считаются хорошими), стоит, кажется, недорого. А если существуют к нему слайды из живописи — старинной, конечно, итальянской и прочей (Вы знаете мой вкус — я люблю искусство от Джотто до школы Ван Эйка), то было бы хорошо,

а если их нет, то найдём другим путем. Из лекарств — если есть, нужен мне либриум. Это — успокоительное средство, дающее хороший сон без мышечного расслабления, как прочие успокаивающие средства. Хорошо бы купить *несколько* пастелек (набор не нужен, что-нибудь поменьше), но мне нужны только розовые тона, телесные — я всё своё уже исчерпал. Вот и всё. Мариша тут жаждет отдать Вам свой долг.

Структурализм мне совершенно не интересен. Это какая-то американская жевательная резинка. Читаю «Вопросы литературы» и удивляюсь, как можно наполнить такой ерундой столько страниц! Не завидую Вам, если Ваш будущий институт занимается делами, как этот «структурализм». Книга Бахтина о Рабле[118] — заимствование у школы Юнга без указания источников. Я, впрочем, прочёл немного, но мне не понравились претензии и жаргон — «народная смеховая культура»! А вообще говоря, всё это было давно известно, литература на этот счёт огромна. Однако Рабле этим ключиком не раскрывается, как и Кафка не раскрывается «отчуждением». Поразительное нежелание понимать литературу, исходя из неё самой, из её произведений! Книга Бахтина о Достоевском — тоже голая схема, не имеющая близкого соприкосновения с тем, что написано в романах самого писателя. Всё это сейчас модно, иногда до смешного.

«История эстетики» с Вашей статьёй в производстве, а в какой сборник Института философии Вы дали другую статью, я не знаю. Когда скажете, попробую узнать. Профессор Маца[119] — старый дуралей, что Вы от него хотите? Лично он добрый человек, но <нрзб.> вульгарный социолог.

Жму Вашу руку, привет от Лиды.

Мих. Лифшиц

13 октября 1967 г.

Дорогой Владимир!

Извините, что отвечаю так поздно на Ваше письмо, полученное мною ещё в начале сентября. Дело в том, что вокруг меня накопились горы всякой работы, невыполненные обязательства и прочие факты нечистой совести и нервного истощения.

Мы с Л.Я. не были в отпуске, она, правда, съездила в командировку в ГДР, довольно интересную, а я сидел всё время на своём стуле в Переделкино. События в вашей интеллектуальной жизни мне более или менее известны по газетам и вообще. Может быть, нынешнее оздоровление, реорганизация приведёт всё в относительный порядок? Не горюйте, марксизм не утонет, а если кто-нибудь снимет марксистский мундир и заголит задницу — чёрт с ним, чем меньше мнимых друзей — тем лучше.

Что касается сборника Вашей кафедры, то я пошлю Вам чистые листы моей, вернее — нашей с Л.Я. книжки «Кризис безобразия», как только они будут получены — вероятно, скоро[120]. А Вы выберете из этого всё, что Вам покажется наиболее удобным для перевода на чешский язык. Кроме того, Вы получите от меня в подарок новое издание хрестоматии «Маркс и Энгельс об искусстве»[121]. Она уже вышла, но тираж ещё не получен. Читали ли Вы в наших газетах, что Ваш покорный слуга теперь член-корреспондент Академии художеств[122]? В общем, ерунда, но, по крайней мере, не нужно будет объяснять, почему я не доктор и прочее. Учитывая, что формальная сторона играет некоторую роль в современной жизни, мы семейно рассматриваем это как положительный факт.

Теперь небольшая просьба к Вам. Нельзя ли купить в Чехословакии лекарство под названием леспенефрил? Может быть, для этого хватит денег, которые, помнится, мне выписывали за моё роковое произведение о модернизме[123]? Мне очень нужно это лекарство для больного родственника. Буду Вам очень благодарен за исполнение просьбы.

Привет от Лиды, Марины, Ани[124].

Ваш Мих. Лифшиц

Какая подпись у членкора!

5 ноября 1967 г.

<открытка>

Дорогой Владимир!

Мы с Лидой поздравляем Вас и семью Вашу с праздником Октября. Относительно статьи — подумаю. Хватик меня мало интересует. *Монтеня* Вам куплю и вышлю. Остальные перечисленные Вами книги невозможно достать. Не все есть и у меня. Относительно лекарств я просил ещё Пажитнова, он обещал поискать. Модернистов везде много, саламандр тоже — не огорчайтесь.

Привет и братство

Ваш Лифшиц

22 марта 1968 г.

Дорогой Владимир!

Извините, что отвечаю Вам сразу на оба письма — не имел никакой возможности сделать это раньше, работы полно, да и физический свой лимит совершенно исчерпал. С одной стороны, моя медлительность оказалась, как это часто бывает, на пользу дела. Совершенно ясно, что мне незачем писать Вам статью об эстетике Маркса. Не в коня это будет сейчас корм, как гласит русская поговорка. По той же причине Вам понятно, что я не мог ни с кем договориться о печатании у нас Вашей критики чешских романов — никто не возьмётся теперь за такое дело до выяснения общей обстановки[125]. Я чувствую, что Вам не легко, как и Вашему другу Колару — ну, что поделаешь! Если уж совсем плохо будет — просим к нам. Здесь дело для Вас найдётся. Ведь Кольман[126] долго жил у нас, а может быть, живёт и теперь.

Поскольку Вы мою статью в «Вопросах философии»[127] читали, мои проблемы Вам ясны. Личная жизнь целиком ими определяется. Утешительно то, что я получаю письма из разных концов нашей необъятной страны с выражением удовлетворения. Есть, конечно, и «прогрессивно-мыслящие» интеллигенты, которые шумят против меня, и вообще всё это сложно. Однако когда же было проще?

Не помню, писал ли я Вам, что мать Мариши, Елена Феликсовна, скончалась. Друзей становится всё меньше и меньше — естественный, но невесёлый процесс. Мариша очень глубоко это пережила, долго болела, уехала в дом отдыха — не знаю, как сейчас. Она очень одинока, несмотря на всю свою живость и светский характер.

Из лекарств мне нужно было бы два: румалон и делинкан (так, кажется, я прочёл, на всякий случай вкладываю рецепт), оба лекарства венгерского происхождения, у нас их в данный момент нет. Если Ваша приятельница поедет — прошу её захватить, надеюсь, что достать будет нетрудно и что стоит это недорого. Ну, а если мои предположения не соответствуют действительности, то бог с ним. Не помру и так. Это не «героические» средства, и я не в таком тяжёлом положении.

Мы с Л.Я. Вас приветствуем, желаем наилучшего исхода всех Ваших жизненных проблем, надеемся увидеться с Вами в Москве, если соберётесь.

Ваш Мих. Лифшиц

2 ноября 1969 г.[128]

Дорогой Владимир!

Прежде всего — поздравляю Вас с великим праздником Октября и пользуюсь случаем, чтобы пожелать наилучшего здоровья, чего, как видно, Вам особенно не хватает. Затем хочу Вам сказать, что мы оба с Лидией Яковлевной были необычайно рады, получив от Вас весточку, что Вы живы, здоровы, хотя и относительно, снова работаете там, откуда Вас вытеснили Ваши слишком «передовые» сограждане. Я не получил Вашего первого письма и не ответил на второе только потому, что не знал, как в этой чёртовой заварухе поступить — будет ли эта переписка уместна и хороша для Вас, прежде всего. «В случае колебания — воздерживайся», сказал великий полководец Кутузов.

Ваш друг меня не нашёл, а мне его искать в СЭВе неудобно. Предпочитаю пользоваться почтой.

Из Вашего второго письма я составил себе ясное представление о том, как Вам жилось в период расцвета пражского либерализма. Я рад, что Вы остались верны знамени коммунистической демократии, не на западный лад. Впрочем, я в этом и не сомневался. Рад был бы повидать Вас в будущем и надеюсь на Ваш приезд в Москву.

Спасибо за то, что хлопочете о переводе моих статей. По Вашей просьбе сообщаю транскрипцию имён в моей статье «Феноменология консервной банки» («Коммунист» №12 за 1966). Указываю выходные данные, чтобы цензура зря не ломала голову над нижеследующим списком имён художников и критиков, упоминаемых в моей статье:

1. Калианис — так и пишите.
2. *Minujin*
3. *Charlotte Moorman*
4. Дино Бадзати* — это имя я взял из какого-то советского источника. Возможно, что *Buzzati* прочли на английский лад и получилось «Бадзати». Но в итальянском корень «*bazza*» встречается очень часто. Писателя я не знаю, пишите так, как Вы находите нужным.
5. Скал — *Scull*
6. Нильс фон Гольст — *Niels von Holst*
7. Лоуренс Элоуэ — *Lawrence Alloway*
8. Дженис — *Janis*
9. Пьер Шнейдер — *Pierre Schneider*
10. *Baby Jane, Nico, Ingrid*

* Традиционное написание в советских изданиях — Будзати Дино.

11. Сиджвик — не нашёл. Подозреваю, что пишется так: *Sedgewick*

12. *Ywen Randreph*

13. *Matthew Beigel*

14. *Jaques Ellule*. Кажется, так. Журнал я не нашёл, а в моих словарях этого социолога нет. Найду, пожалуй, книгу его в библиотеке, и если нужно писать иначе, то я Вам об этом напишу. Если не написал, то верно.

15. *Ivan Karp*

Том «Антологии», в котором помещена Ваша статья[129], я постараюсь для Вас достать или потребовать, чтобы издательство выслало. Есть ли у Вас «Эстетика» Гегеля в моём издании[130]? Если нет, то пришлю. Обращаю внимание на мою вступительную статейку. Она была также напечатана в «Вопросах философии» за прошлый год[131]. Там же, в № 1 заключительная ракета по Дымшицу[132]. В «Коммунисте» за прошлый год напечатана моя статья «Карл Маркс и современная культура»[133], а в ближайшем номере (есть уже чистые листы) — «Модернизм как явление современной буржуазной идеологии»[134]. Последнее — это мой доклад на симпозиуме в Потсдаме весной этого года. Об авангардизме Маркузе я ещё не писал, но может случиться.

В настоящее время страшно занят капитальным ремонтом комментария к моей старой книжке о Марксе[135]. Погружён в тридцатые-сороковые годы прошлого века. Жертвую ради этого готовыми набросками статей о Ленине и темой Гегеля, тоже юбилейной. Что делать? Хочу подмести за собой прошлое, а если после этого ещё останется время — буду строить мой собственный дом в «системном разрезе», как теперь любят говорить или, вернее, болтать. Болтовни в мире столько, что уши вянут. «Новые времена — новые песни, может быть, они нравились бы мне, будь у меня новые уши». Это стихи Гейне в прозаическом переводе. Уши у меня старые, поэтому болят от всего этого вздора. С трудом приучаю себя к спокойствию.

Привет от Л.Я.

Мы оба обнимаем Вас.

Мих. Лифшиц

16 февраля 1970 г.

Дорогой Владимир!

Я только что вернулся из Кисловодска, где пользовался своим правом на отдых, что удаётся мне не часто. Перед отъездом был страшный аврал, множество всяких работ, подавляющих меня с юных лет — хотя, казалось бы, и не «семеро под лавкой» (по крайней мере, теперь), и не лежат на мне государственные обязанности. Просто у каждого свой профиль, своя манера жить.

Вот почему не помню — ответил ли я Вам на Ваше первое письмо или нет, но кажется мне, что писал. По приезде я нашёл у себя ещё два Ваших послания, и так как они носят деловой характер, то в первый же день московской жизни спешу ответить. Вы сообщаете, что статья «Почему я не модернист?»[136] была отвергнута Гаеком. Не огорчайтесь, дорогой друг! Модернизм мы статьями не победим, он рождается от фактов, а не от теоретических понятий. Мне, конечно, жаль Ваших усилий, но не беспокойтесь — рано или поздно они не пропадут. Что касается Иржи Гаека, то не удивляюсь тому, что мои идеи ему не по вкусу.

Перейдём к ответам на Ваши запросы:

1) «школа практического сердцеведения» есть выражение Щедрина, род деликатного обозначения тех, кого древние греки называли «сикофантами»[137].

2) «Тля» — роман некоего Ивана Шевцова, как говорится, осуждённый всей советской общественностью[138]. Даже в центральной прессе были, кажется, отрицательные статьи о нём. Написавший же предисловие к нему художник Лактионов поспешил отречься от своего участия в этом деле. Содержание романа — мутная бурда на охотнорядской подкладке под видом ортодоксии. Мои нелестные замечания были необходимы только для обозначения известного направления. Шевцов ответил мне в журнале «Октябрь» по-евангельски — положительной рецензией на «Кризис безобразия»[139]. В ней выражалось только сожаление о том, что я недостаточно последователен. Ход конём! Эти мудрецы, наверно, долго думали, прежде чем изобрести такую стратегию. Но результаты были не велики — хотя я получил одну анонимную телеграмму от какого-то либерала-модерниста (от дурака Копелева, может быть) с поздравлением по поводу этой рецензии. Я обращаю на всю эту возню, эту великую битву между «тори» и «вигами»[140] не много внимания.

3) На мою статью «Почему я не модернист?» были отклики в «Фигаро» и по радио «Свободной Европы». Ругали меня шибко. В «Фигаро» сравнивали с Шарлем Моррасом[141]. У нас что-то тоже было, но я не уследил. Да, впрочем, вот Щербина[142] ругал меня в журнале «Знамя» (кажется, №2 за прошлый год)[143]. Что касается откликов, не вошедших в печать, то их было много, слишком много, но о них я писать не буду.

Как видите, ещё не истребили меня модернисты, хотя ненавидят отчаянно. Обычная критика их не пугает, даже радует — это им на пользу. А здесь дело другое.

4) Нашу книгу «Кризис безобразия» встретил заговор молчания. «Новый мир» не поместил рецензию, написанную Э. Ильенковым, говорят, хорошую. Единственный мне известный отклик — статья Овсянникова в журнале «Художник»[144], мало читаемом в столицах. Когда это было — не помню, рецензия безусловно положительная. Да, кстати, вспомнил, что на «Почему я не модернист?» был ещё пасквиль Ю. Давыдова в «Вопросах литературы»[145]. Сей автор заслужил того, чтобы я сделал из него второго Разумного[146], но пока воздерживаюсь. Педантская его статья в стиле «практического сердцеведения» напечатана в В.Л., 1967, № 8. Кроме огнём пышущей ненависти завистливого педанта, в ней ничего понять нельзя. До сих пор он только и делал, что разводил своей учёной водой вычитанные у меня обрывки идей. Теперь желает быть лидером молодого поколения и при случае далеко пойдёт — совести нет, а жадность ненасытная. Извините, что пустился в характеристики — дураку делают рекламу, а больше всего, конечно, он сам себе её делает, и без стеснения.

5) Хлебниковские, как Вы пишете, операции над словом «безобразие» вполне возможны, но в моём тексте их нет и такой смысл не имеется в виду, по крайней мере, в данном случае. Я взял слова «кризис безобразия» у Плеханова, который сам заимствовал их у теоретика французского импрессионизма — Камилла Моклера[147].

6) «Гудошники» — что-то вроде жонглёров русского средневековья. У меня в статье о Мариэтте Ша-

гинян (Н.М., 1954, 2) упомянуты гудошники, или гудочники (то есть играющие на гудках весёлые ребята) из оперы Бородина «Князь Игорь», где два таких шекспировских персонажа служат и нашим, и вашим. Они бьют в колокол с пением: «Бим-бом! Сыты будем, с хлебом будем» и т.д. Я вернулся к этому образу по поводу Дымшица. Словом, это «трепачи»-паразиты в противовес людям производительного труда.

Теперь по поводу моей книжки о Марксе. Я не делал для немцев второго переработанного издания, это пустой слух. Не менял и предисловия, хотя, возможно, что в нём несколько фраз можно было бы теперь опустить. Что касается нового русского издания, то по моей вине оно задержалось, хотя были уже книжные объявления. Я работаю над ним, исправляю немного даже текст, но больше всего — ненапечатанный до сих пор большой комментарий историко-марксистского содержания, который увеличит книжку более чем вдвое. Этому комментарию в основном уже тоже тридцать лет, а так как литература неизмеримо выросла, то я делаю глупость и пытаюсь совершить капитальный ремонт, не меняя основного содержания. Работа канительная. Пока ничего послать Вам не могу, постоянно наваливаются другие обязанности, которые сбивают меня с толку. Если перевод уже сделан, то лучше, пожалуй, издать так, как есть. Но можно было бы прибавить кое-что — как запланировано в новом русском издании, а именно мои статьи: 1) к хрестоматии[148] 2) «Карл Маркс и современная культура» (частично напечатана в «Коммунисте»[149] 3) «Марксизм и эстетическое воспитание» (журнал «Художник», 1968, 5, 7)[150] — отчасти повторяющая предыдущее, так что в ней большой надобности нет 4) статья к юбилею Энгельса «Ветер истории» («Советская культура», в случае надобности год и номер сообщу)[151]. Что касается обращения к немецкому изданию, то оно оправдано тем, что в нём хорошо сделана последняя глава книжки — я перередактировал мою статью к пятидесятилетию Маркса, напечатанную в «Вопросах искусства и философии» 1935 года[152].

Уф! Устал даже от всей этой музыки. Приезжайте к нам в Советский Союз погостить. Мы давно не виделись. Я по-прежнему одинок. Встречался за это время с Лукачем. Внешне дружба сохранилась полностью, но он постарел, не физически, а морально — очень много говорит и полон своего всемирного тщеславия. А в общем, невзирая на это, по-прежнему умён и доброжелателен.

Лидия Яковлевна и Мариша Вам кланяются. Гегеля я Вам вышлю при первой же возможности[153], а также постараюсь где-нибудь купить антологию[154], раз эти поросята не знают правил.

Будьте здоровы.
Ваш Мих. Лифшиц

8 июля 1970 г.

Дорогой Владимир!

Мне очень совестно перед Вами за то, что до сих пор не ответил и не исполнил Ваши просьбы. А Вы, будучи серьёзно больным человеком, находите время заботиться о моих изданиях! Единственное, что меня оправдывает, это тоже своего рода болезнь — полная невозможность высунуть голову из обрушивающихся

на меня всякого рода срочных, неотложных и т.п. работ. Всё, что я делаю, возвращается потом ко мне, как бумеранг, и больно бьёт по голове. А голова уже не та, что была — нет прежней выдержки и работоспособности, терпения. Нет и благоприобретённой сообразительности, которая должна была бы сделать меня непроницаемым для всякого рода просьб и нажимов, а также для собственного нерасчётливого отношения к своим силам.

Никаких экземпляров журнала «Художник» (№ 5–6) я у себя не обнаружил. Придётся перепечатать на машинке. То же самое относится к статье «Маркс и современная культура».

Четверостишие Рильке[155] взято из Das Stundenbuch «Ich weiß, du bist der Rätselhafte…», Sämtliche Werke, Inselverlag, Fr. a/M., 1955 (1962), Bd. I, s. 284.

Что касается русского текста статьи «К пятидесятилетию со дня смерти Маркса», то я её уже отредактировал заново, и, как только машинистка перепечатает, я вышлю её Вам. Готовой автобиографии у меня под руками нет, писать её очень не хочется — я ненавижу это дело. Но если уж очень нужно будет — напишите, я постараюсь.

Последний вопрос из Ваших писем — «структурализм». Он действительно развёлся… Я даже делал уже доклад в Институте[156] на тему о понятии «структура» и теории отражения. Моя позиция, как Вы понимаете, вполне отрицательная, хотя это не имеет отношения к историческому исследованию культур и типов сознания, топики всякого рода, которые давно уже дают богатый материал для марксистского обобщения — я имею в виду *труды* школы Лавджоя[157], книгу Курциуса[158] о средневековой литературе, разработку многих этнографических мотивов в громадной полезной литературе. Леви-Строса я всего одолеть не мог. Несколько глав «Структуральной антропологии»[159] и ещё кое-что прочёл. Это, разумеется, явление не вполне чистое, скорее, спекулятивное. Все эти схемы и математически расположенные рубрики, тёмная терминология, придающая всему будто бы точный оттенок, на деле не играют никакой полезной роли у почтенного автора. Когда дело доходит до чего-то большего, чем учёные ужимки и прыжки, он обращается к традиционным догадкам в духе Фрейда и Юнга. Тогда проглядывает что-то похожее на мысль, но она может существовать и без «структурализма». Кроме того, если обнаружить структуру всего этого структурализма, то останется род этнологического функционализма, то есть возвращение к понятиям общечеловеческого абстрактного типа, объединяющим современное буржуазное общество с первобытным миром. К этому сводится вся атака против диахронического рассмотрения фактов. Буржуазное сознание всегда было «системой», выступающей против историзма. Ново (конечно, весьма относительно ново) здесь лишь модное отвращение к недавно модному субъективизму и релятивизму. Периоды экспрессионистической выразительности и строгой систематики в духе конструктивизма двадцатых годов постоянно сменяются в этом «мифе двадцатого столетия». Статью Жолковского[160] я не читал, поищу номер журнала и потом Вам скажу моё мнение.

Я собираю сборник статей, написанных после 1953 г. по настоящее время[161]. Здесь и «Мариэтта»[162], и «В мире эстетики»[163], и прочее (включая статьи против Видмара, которые, кажется, у вас публиковались)[164],

возможно, есть что-нибудь Вам неизвестное, вроде статьи о Вольтере (1953)[165].

Жизнь моя незавидная — главным образом потому, что я не в силах заняться хоть чем-нибудь серьёзным. Даже работа по переизданию Маркса стоит[166]. А занят я мелкими поделками, которые неизбежны и потом дважды или трижды возвращаются ко мне.

Я слышал, что Вы очень больны. И это весьма беспокоит меня. Хороши ли у Вас врачи? Привет Марише я передал.

Л.Я. кланяется Вам. Мы оба желаем крепкого здоровья!

Ваш Мих. Лифшиц

16 ноября 1970 г.

Дорогой Владимир!

Ужасно мне неприятно, что Вам предстоит больница и операция. Бог даст — всё пройдёт благополучно, но удовольствия, конечно, в этом никакого нет. Тем более мне совестно, что я заставил Вас так долго ждать, не отвечая ни слова, и что Вам придётся тратить время на мои сочинения перед тем, как заняться более серьёзными делами Вашего здоровья.

Что я могу сказать в своё оправдание? Только то, что моё сердце тоже подверглось всяким операциям, правда, в фигуральном смысле. Главное дело — был у меня спешный, безысходный труд, который я с мучением завершил. Усталость страшная, сна нет, нервы никуда. Вдобавок большой веры в практическое значение моей мазни не имею, нет этой веры в себя. Работаю по инерции.

Весь этот поток «жалких слов» имеет, конечно, целью доказать, что я не мог Вам ответить раньше. Не было у меня и внутренней ясности по поводу статьи, которую Вы хотите переводить. И вот результат, к которому я пришёл теперь, когда имею больше времени думать. По-моему, в нынешней ситуации было бы правильнее напечатать статью в том виде, в каком она была опубликована у нас в журнале «Коммунист». Конечно, жалко те части, которые вошли в книгу, изданную у нас в издательстве «Прогресс» на немецком и английском языках. Но думаю, что для настоящего момента, судя по содержанию тех вопросов, которые затронуты в распространённом варианте статьи, лучше остановиться на тексте «Коммуниста»[167].

Мы с Л.Я. горячо желаем Вам здоровья и будем думать о Вас.

Ваш Мих. Лифшиц

2 декабря 1970 г.

Дорогой Владимир!

Мне как-то совестно, что в таком физическом состоянии, да ещё перед операцией, Вы должны заниматься моими делами. Но, раз Вы требуете, — вот что я могу сообщить.

По первому вопросу. Подбор статей для сборника «Вопросы искусства и философии» неплохой, но... Мне жаль, что исключена моя статья «Литературное наследство Гегеля», в которой до Лукача и, кажется, не хуже, чем у него, хотя и кратко, изображён молодой Гегель. Я ценю эту мою раннюю работу. С литератур-

ной стороны она у меня теперь отредактирована, как и статья «Эстетика Гегеля»[168], и, если нужно, тексты я могу быстро прислать. Мне жаль также, что в сборник не вошли две мои статьи тридцатых годов, имеющие принципиальное значение. Это — «Джамбаттиста Вико»[169] и «Чернышевский»[170]. Что касается статьи о Винкельмане[171], то я её ещё не редактировал, и потому прошу Вас по собственному соображению удалить все чрезмерные резкости, особенно по отношению к таким фигурам, как Буркгардт[172], и вообще немного сбавить тон, столь характерный для условностей тридцатых годов и обязательный в печати тех лет. «Художественный метод Бальзака»[173] перевести можно (хотя у меня есть другая статья на тему о Бальзаке, напечатанная в своё время в «Литературной газете»[174], статья более общего характера). Что касается «Художественного метода», то история такова. Гриб умер в 1940 г., не успев закончить главу, заказанную ему для «Истории французской литературы» Академии наук. По просьбе В.М. Жирмунского я отредактировал биографическую часть, написанную Грибом, и дополнил статью изложением художественного метода Бальзака. Чтобы увековечить память Гриба, статья была напечатана в журнале «Литературный критик» с примечанием, что она обработана и дополнена мною. Оригинал статьи сохранился в моём архиве. В «Истории французской литературы» она напечатана не была, что уже, вероятно, не зависело от Жирмунского, который прислал мне в своё время лестный отзыв.

По второму вопросу, я предпочёл бы, чтобы мои отношения с Лукачем рассматривались уже после нашей смерти, но почему-то они не дают покоя нашим противникам, или как там их прикажете называть.

Мне до смерти надоело читать, что я «ученик Лукача». Дело это носит сикофантский[175] характер, но, с другой стороны, просто хотят досадить и уязвить. Судя по тому вниманию, которое без всякого повода уделяется моей малости во всяких исторических и не исторических статьях, я мог бы в самом деле возомнить о себе бог весть что. Обычно я молчу — с полным презрением, но уже дважды всё же пришлось ответить (в статье «Либерализм и демократия», Вопросы философии № I, кажется, за 1968 г., и в дискуссии о мнимой статье Маркса, Вопросы литературы, № 6, 1969 г.[176]). Я привык к тому, что мне противопоставляют моих учеников и подражателей, не умру и от того, что меня самого будут изображать учеником Лукача, но предпочитаю всё же «мёртвое замалчивание», как говорят немцы. Это гораздо приятнее.

После всего сказанного я не удивился Вашему сообщению о том, что некоторые Ваши соотечественники считают меня учеником Лукача. Мне уже приходилось читать что-то на эту тему в зарубежной литературе. Не стану, конечно, заниматься опровержениями, чтобы не попасть в положение труса, слишком заботящегося о своей репутации, тем более что сейчас не те времена, когда такие наветы были бы для меня опасны. Переживу! Я был бы также в смешном положении, если бы стал особенно настаивать на своей оригинальности — дуракам и сикофантам ничего не объяснишь, а умные люди со временем сами разберутся. Если же не разберутся — тоже не так страшно! «Сочтёмся славою», как говорит поэт. «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм»[177].

Вы просите у меня конкретных сведений на этот счёт. Вот выдержка из письма Лукача от 17.VI текуще-

го года. Старик пишет: «Я всегда с большой радостью думаю о нашей встрече в 1930 г. Это первый и до сих пор единственный случай в моей долгой жизни, когда я сошёлся с гораздо более молодым исследователем без того, чтобы при этом возникала мысль хотя бы о простой возможности отношения между учителем и учеником. Мы работали тогда совместно над выработкой специфической эстетики марксизма, в противовес «плехановской ортодоксии» в Советском Союзе, «меринговской ортодоксии» в Германии и т.п. Тот факт, что это моё впечатление не было субъективным, показывают наши последующие произведения. Без сомнения, Ваше исследование о развитии молодого Маркса имеет более общее и более принципиальное значение, чем моё изложение так называемой дискуссии о Зиккингене. Поэтому тот, кто говорит здесь об отношении ученика к учителю, говорит чистую глупость, совершенно не соответствующую фактам».

Я ответил на это следующее (16.XI.70): «К сказанному Вами о наших отношениях я мог бы прибавить, что многому научился у Вас. Мне повезло — в течение почти десяти лет я имел такого собеседника, который был для меня лучшей книгой. Ваше громадное знание всей мировой жизни, особенно жизни духа, заменило мне до некоторой степени те источники развития, которых я был лишён. Надеюсь, что и соприкосновение с моим малым опытом не прошло для Вас бесследно. Был ли этот обмен эквивалентным, я не знаю, но самолюбие в этом отношении не играет для меня никакой роли»[178].

Наша дружба в тридцатых годах была очень тесной, и жаль, что разговоры тех лет, в которых были затронуты все возможные темы истории и современности,

не были записаны. Об этом часто жалела покойная жена Лукача, милая Гертруд Яноши. Моя жизнь, однако, не исчерпывалась этим соприкосновением, у меня было много других друзей, более молодых или более старых, которые признавали моё влияние и следовали за мной в теоретических вопросах. К ним следует причислить в первую очередь таких умных, талантливых и честных людей, как Елена Усиевич, Игорь Сац, В.Б. Александров[179], В. Гриб, и не только они. Никто среди нас не занимался дурацким вопросом о субординации, мы были просто товарищами, но никто и не сомневался в том, что центральная роль, по крайней мере в создании новых идей, принадлежит Вашему покорному слуге. И мы действительно пересоздали весь образ мысли тогдашнего марксизма, и до сих пор в самых различных областях, например, в трактовке истории литературы вообще или в таких специальных областях, как шекспироведение, действуют ещё, правда, в достаточно эклектическом и часто испорченном виде, идеи, выдвинутые мною в начале тридцатых годов. Как это ни странно, даже мои Зоилы[180] во многом — мои ученики.

Не стану всё это описывать, не могу и не хочу. Скажу только, что и Лукач не сомневался в наших истинных отношениях. Вот его собственные слова, в дарственной надписи, сделанной им на его книге «К истории реализма» (Москва, 1939 г.), он пишет мне следующее: «Прошло уже десять лет со времени нашей первой встречи, которая не совсем случайно совпадает с началом нового периода моей творческой деятельности. По поводу всего, что возникает при этом, у меня есть такое чувство, которое можно выразить словами одного из современников Шекспира:

«Я хотел бы, чтобы всё написанное мною было бы прочитано в Вашем свете...» Примите благосклонно и это моё создание, которое возникло не без Вашего участия. Москва. 26.VI.39. Георг Лукач».

Автор этих слов не преувеличил моей роли в его литературном творчестве тридцатых годов. Наша встреча была для него началом нового периода жизни, своего рода возрождением. Свои прошлые теоретические слабости Лукач искренне осуждал, он, собственно, только развивался в сторону ленинизма. И я могу без всякого колебания сказать, что не только увлёк его в сторону занятий эстетикой марксизма, в сторону выработки марксистского гуманизма вообще, но и научил его ленинской теории отражения. Много моих идей воплощено в его трудах, написанных в тридцатые годы и переведённых теперь на все языки мира. Сам Лукач в письме, сопровождающем его двухтомную эстетику[181], пишет мне, что он изложил основы этой науки, выработанные нами совместно в тридцатых годах.

Впрочем, это ещё требует проверки. При первом беглом знакомстве с его громадным трудом я вижу, что далеко не всё могу в нем одобрить. Лукач — человек громадных конкретных знаний, но в теоретической марксистской мысли он, на мой взгляд, не всегда достаточно требователен. Здесь между нами большая разница. Я не в состоянии заполнить недостающие звенья научной логики общими фразами и не признаю такого метода. Мы разные натуры. Лукач чрезвычайно продуктивен в литературном отношении, я продуктивен только в сфере мысли. Он не был знаком со всеми моими выводами, так как я больше читал лекции, чем писал. На это были свои причины,

да и натура моя более склонна к размышлению и, во всяком случае, не терпит ничего, выраженного наполовину и в неадекватной форме. Лукач называл меня «эпикурейцем». Возможно, что он был прав, если прибавить к этому, что Ваш эпикуреец с молодых лет не знает отдыха.

Должен, однако, признать, что я преклоняюсь перед производительностью Лукача, перед его уверенностью в том, что всё, написанное им, необходимо и принесёт пользу даже при неполноте или слабости развития мысли, не говоря уже о литературных достоинствах. Его продуктивность плюс общие условия сделали то, что мир узнал некоторую часть наших идей тридцатых годов из уст Лукача, и теперь уже трудно, если не просто невозможно, восстановить действительное положение вещей. Под влиянием своей мировой славы и сам Лукач смотрит теперь на себя, вероятно, иначе, чем в 1939 г. Отсюда естественная иллюзия насчёт «школы Лукача» в Советском Союзе, тем более, что эта иллюзия сознательно поддерживается заинтересованными лицами. Но вопрос имеет и другую сторону. Я уже говорил о том, что Лукач блестяще применил наши общие идеи к истории западной культуры, но сделал это, разумеется, с некоторыми особенностями, принадлежащими ему лично. Полного выражения этих идей, в моём понимании, я у него не нахожу. Кроме того, прошло уже четверть века с тех пор, как мы расстались. За это время каждый из нас проделал свой путь, и наши пути в некоторых отношениях разошлись. Как я вижу из его «Эстетики» и особенно из его статей, излагающих содержание его будущей «Онтологии»[182], старик пошёл в сторону тех философских настроений, которые модны сейчас на Западе, отчасти

возвращаясь к взглядам своей молодости. Он подчёркивает теперь не объективную диалектику познания, исходящую из теории отражения, а субъективно-действенный момент. Конечно, это даровито, интересно, но, с моей точки зрения, автор слишком самонадеянно берётся за обобщение первых принципов социальной философии. Не примите это за манию величия, это просто память о прежнем опыте — если бы мы продолжали наше теоретическое общение, он шёл бы в более верном направлении. Разумеется, за то, что происходит на таком большом расстоянии от меня, я не отвечаю. Самое забавное состоит в том, что сам Лукач приближается теперь к точке зрения гонителей «школы Лукача» (например, во Франции, и не только), переодевающих обыкновенный субъективизм двадцатого века в марксистские фразы.

Вот всё, что я могу ответить на Ваш сложный вопрос. Пишите в своём предисловии, что хотите, но остерегитесь, пожалуйста, чтобы старик не был задет. За мою «славу» не беспокойтесь. Если у меня будет время и возможность, если я сумею опубликовать хотя бы некоторую часть моего эпикурейского запаса идей, дело о моей мнимой зависимости от Лукача будет, как говорится, пересмотрено. А если даже этого не случится, то личные обиды, при всей их болезненности для нас, не являются последним нравственным рубежом, на котором стоит сражаться.

Вы пишете, что мои работы нужны Вашему обществу для возобновления или даже основания марксистской традиции. Хотелось бы думать, что это так... Во всяком случае, «Кризис безобразия» вышел сейчас на болгарском языке, выходит и по-немецки в Дрездене[183]. Признаться, я не думал, что эта книжка, состоящая из отдельных статей, довольно случайных, может иметь такой отклик, даже у нас. Отклик весьма различный, но он есть. Поживём — увидим.

Мы с Л.Я. очень обеспокоены Вашим здоровьем, и сердцем мы с Вами. Надеюсь, что все испытания поведут к добру.

Искренне Ваш Мих. Лифшиц

14 февраля 1971 г.

Дорогой друг!

Мы с Л.Я. думали, что Вы уже переступили порог клиники, и надеялись получить известие от победившего болезнь, здорового Владимира. Но оказывается, что медицинские боги всё ещё мучают Вас тяжким ожиданием. Знайте, во всяком случае, что два сердца здесь бьются за Вас.

Я рад, что работа над моим сборником поддерживает Вашу бодрость; меня самого такие дела не избавляют от уныния. За долгую жизнь сделано так удивительно мало, и всё это какие-то побочные продукты, сочинения по случаю, заметки на полях. Удивительно мало открыто из невидимой части льдины. Наверно, в этом я сам виноват. Елена Феликсовна когда-то смеялась надо мной, что я всё стремлюсь к «адэкватной форме», а покойный Гриб имел обыкновение говорить, что мы создаём себе условия для работы, пока за этим занятием не пройдёт вся жизнь. Хорошо, что какие-то отклики в чьих-то душах всё же возникают, несмотря на магнитные бури нашего времени, создающие то, что моряки называют «девиацией компаса».

Мне нужно оправдаться перед Вами. Некоторые Ваши упрёки справедливы — я действительно не послал Вам статей о Гегеле и ещё кое-чего из того, что Вы упоминаете в своём письме, но это не от лености. Вы спрашиваете, так ли это трудно? Да, не совсем и легко. Ведь рукописи, даже копирующие то, что было уже в печати, суть всё-таки рукописи. Удобно ли их посылать — не знаю. Кажется, я посылал Вам отредактированный текст моей статьи «К пятидесятилетию со дня смерти Маркса», но Вы говорите, что не получали её. Кстати, я послал Вам по Вашей просьбе два тома «Эстетики» Гегеля, послал заказной бандеролью. А Вы получили их? Судя по Вашему молчанию — нет. Из всего этого видно, что наш век менее приспособлен к таким коммуникациям, чем времена дилижансов. Вот почему я и не берусь посылать Вам мои рукописи. Это не по правилам. Пошлю вот ещё раз немецкий текст последней статьи о Марксе, напечатанный у нас в Москве, хотя, кажется, один раз я Вам его уже посылал.

Вы спрашиваете меня, что я имел в виду, говоря о влиянии моих взглядов на «шекспироведение». Отвечу на это, что в моих статьях против вульгарной социологии, как иллюстрация, приводилась трактовка Шекспира, в которой я видел художника, чьё творчество было отражением трагедии «старой весёлой Англии» с её мелким, независимым крестьянским землевладением, «йоменри». Эту народную в своих истоках позицию Шекспира мы выдвигали как нечто противоположное тем общественным силам елизаветинской поры, которые представляли слияние старого феодального зла с новым — капиталистическим. Такой взгляд решительно отличался от точки зрения

всех тогдашних авторов, которые писали о Шекспире, делая его выразителем интересов «капитализирующегося дворянства» и «новой знати». Специально о Шекспире я ничего не писал, хотя выступал не раз с докладами, в том числе, помнится, в Театре революции, когда там собирались ставить «Ромео и Джульетту» в постановке покойного режиссёра Попова. Мой взгляд был довольно точно изложен В. Кеменовым в журнале «Литературный критик» и даже, если память мне не изменяет, в «Правде»[184]. С тех пор общая трактовка Шекспира, как и Сервантеса и других сложных фигур истории литературы, стала другой. У меня эту перспективу заимствовал также наш специалист по Шекспиру Аникст, который признаётся в этом, делая надпись на книге, но, разумеется, не публично. Да, поворот в эту сторону был общий, хотя существо дела, к сожалению, мало изменилось. Приняли больше внешнюю сторону.

Что касается Лукача, то его анализ переписки Маркса и Энгельса с Лассалем — прекрасная работа. Но, если память мне не изменяет, небольшой оттенок различия в подходе у нас был. Из моего отношения к Шекспиру не вытекает, что его позиция есть защита старины, патриархальных ценностей. Я думаю, скорее, что все великие художники прошлого представляют определённый тип единства старого и нового, имеющий столь же определённую связь с крестьянской народностью и самой глубокой ветвью гуманизма эпохи Возрождения (такой, например, как у Монтеня и Шекспира, кстати, и у Рабле). Другой тип представлен именно рыцарями первоначального накопления, союзом феодального рабства с беспощадной, оправданной римским правом, буржуазной част-

ной собственностью. Этот взгляд я, конечно, вывел из различия между двумя типами прогресса, двумя типами единства добра и зла в истории, двумя лагерями классовой борьбы у Ленина.

Модный у нас теперь Пинский, которому всё это досталось не из первоисточника, а через посредство В. Гриба, изложил фактически оттенок мысли Лукача, превратив его в совершенную односторонность. В его изображении Шекспир не представитель гуманистической культуры, имеющий свою высокую, хотя и трагическую версию будущего, а человек, оплакивающий упадок феодально-патриархальных средневековых отношений. Это клонит, конечно, к модной теперь идеализации средневековья и ложному сдвигу во всей системе исторической ориентации.

Что касается работ Берковского[185] о Шекспире, то я их никогда не читал и подозреваю, что это не серьёзно. Прочёл однажды весьма хвалимый нашими интеллигентами очерк о Леонардо и нашёл, что всё это очень далеко от действительного содержания дела. Сегодня Берковский — лауреат общественного мнения, наряду с Бахтиным, Лосевым и tutti quanti*. Нравятся такие фантазии, лишь бы всё это было подальше от исторической реальности. Говорят, что Берковский сильно постарел и болен. В старину, то есть тридцать лет назад, у нас были с ним добрые отношения. Он писал тогда лучше, хотя с оттенком обычного в те времена социологизирования. Не знаю, имел ли я на него какое-нибудь влияние, но, во всяком случае, это была только дружба, без полного единства взглядов. Из независимых умов тех времён, которые в чём-то были близки нашему направлению, следует отметить ленинградского испаниста Кржевского[186], давно уже покойного. Я привлёк к литературной работе и чем-то, видимо, повлиял на старика Ю. Спасского[187], который тоже сотрудничал в «Литературном критике». Это был очень интересный человек, участник Октября, экономист. Умер он во время войны профессором истории западной литературы в ГИТИСе. Стоит когда-нибудь отыскать и перечесть его старые работы.

* И всякие другие; и прочее и прочее; поголовно все (*итал.*).

Кстати, недавно я открыл, что у меня был верный и серьёзный ученик в области античной литературы и философии (в те времена, впрочем, все античники более или менее сочувствовали нам). Это — Игорь Ильин, тоже покойный, большой чудак, но талантливый автор. Я даже не подозревал, что он был так близок к нашему направлению. Сейчас мне приводится заниматься изданием его неопубликованных работ, и года два назад я написал о нём большую статью под названием «Человек тридцатых годов». По некоторым причинам чисто внутреннего характера, мне придётся её немного переработать, но, бог даст, когда-нибудь этот странный фрегат, состоящий из его плавающей части и моих парусов, будет спущен на воду.

Перехожу теперь к Вашим конкретным вопросам:

1. «Салеризованный» — термин современной западной экономической литературы, от salary — заработная плата, точнее — жалованье.

2. «Тюлер», Tewler, главное действующее лицо одного из романов Уэллса, но как он называется — хоть убей, не помню[188]. Транскрипция имени совершенно точная.

3. Произведение Шумана — Der Aufschwung («Порыв»).

4. Стих «беззаконная комета» — из Пушкина, «Портрет», 1928 г.

5. «Мистер Кон» пишется Cohn.

6. «Халат, офицер, писец, поп...» Это старинное словоупотребление, а может быть, даже и нечто придуманное Герценом, который любил создавать термины. Возможно, имеется в виду маленький человек, живущий на ничтожный доход и прикрывающий наготу свою домашним халатом, вроде типов Достоевского. Но словарь Даля даёт и другое значение — «Крестьянский кафтан без перехвата, зипун, армяк». Можно перевести как «мелкая бестия».

Книга моя по эстетическому воспитанию, которую Вы упоминаете, лежит в дальнем углу, и я даже не думаю о ней. Может быть, дурно, что я не разрешил её издать, но я заботился о чести марксизма. Одно дело — вступительная историческая часть к коллективному труду Института философии, другое дело — самостоятельная монография. Одну из более оригинальных частей этой работы — главу об английском Просвещении XVIII века — я имею в виду издать отдельной брошюрой.

Чем я занимаюсь? Продвижением в печать сборника моих полемических статей против модернизма[189] с большими дополнениями на тему о фашизме в его отношении к искусству и о том, как можно и как нельзя «дифференцировать» современных художников (с иллюстрациями). Всё, что напишешь, становится потом отчуждённой силой, которая обрушивается на тебя самого. Занимаюсь, кроме того, подготовкой к печати моих старых работ о Марксе, занимаюсь также переработкой статьи «Человек тридцатых годов». А самое интересное для меня и отчасти даже написанное — работа на тему «Обратные силы»[190], некоторое расширение исторического материализма за счёт

его собственных возможностей, анализ современной «агрессии» и «бескорыстного зла». Но это лежит, потому что нельзя поднять голову из-за тех работ, которые я перечислил сначала.

Так оно и бывает на этом свете, я гибну под тяжестью этого «отчуждения». Нужно было бы раздвоиться, иметь вторую личность или, по крайней мере, механического робота.

Бедный милый Владимир, желаем Вам успеха во всех Ваших борениях с каверзами природы и недостатками современной медицины!

Ваш Мих. Лифшиц

15 февраля 1971 г.

Ещё одно письмо вдогонку к тому, которое отправил вчера. У нас в издательстве «Искусство» собрались издавать двухтомник Мукаржовского[191], лидера ваших чешских структуралистов. Как Вы смотрите на полезность этого издания вообще и в частности — в свете всего, что происходило в ваших краях? Я читал у Мукаржовского только какие-то отрывки и части статей, не помню уж, в каких переводах. Сильно опасаюсь, что появление этой книги у нас не будет полезно нашему духовному здравию с точки зрения марксизма. А впрочем, может быть, я слишком догматически смотрю на этот вопрос? Мне хотелось бы знать Ваше мнение.

С искренним горячим пожеланием здоровья и успеха во всех медицинских делах

Ваш Мих. Лифшиц

20 марта 1971 г.

Дорогой Владимир!

Мы с Л.Я. были страшно рады узнать, что самое трудное у Вас уже позади. Надеемся на успешное и более быстрое, чем в начале, выздоровление. Если здоровье позволит, конечно, приезжайте в Москву. Мы Вас тут можем устроить у себя, а можно и хлопотать, чтобы Вам дали комнату в Переделкино или Голицыно — как Вам будет удобнее.

Большое спасибо за совет относительно Мукаржовского. Я так и думал, но мне нужно было подтверждение. У нас тут структуралисты пляшут «буги-вуги», но думаю, что в данной ситуации задержать слишком поспешное издание Мукаржовского возможно. Они и так с бешеной активностью всех подобных сектантов (активность эта в нашем веке, по крайней мере, обратно пропорциональна реальному содержанию) проделали большую дыру, через которую течёт всякое дерьмо. «Чумазый»! Вы, наверное, не знаете, что это такое. Как-нибудь расскажу — это из Щедрина (и из Ленина). Чумазый нынче уже не в каких-нибудь идеологических облачениях, а в собственном обличье прёт. Впрочем, очень может казаться лощёным на западный лад.

Л.Я. и мои дети шлют Вам горячий привет и лучшие пожелания. Выздоравливайте — ça ira*!

* Ça ira (*франц.*) — «Дело пойдёт», одна из самых популярных песен Великой французской революции.

23 мая 1971 г.

Дорогой Владимир!

Простите, что я так долго Вам не писал. Моя жизнь — постоянный аврал или Чаплин на конвейере. Последнее сравнение, пожалуй, больше подходит. «Сроки» преследуют меня, так что я давно уже вспоминаю с грустью те времена, когда спросу на меня не было. Не то чтобы я так уж процветал, да и склонности к этому особенной у меня нет. Но те небольшие цели, которые я себе вынужден ставить, подталкиваемый к тому же другими, поглощают всё моё время, лишают меня сна и требуют работы на износ. Всё это я хорошо понимаю, так же, как и то, что изменить ничего не могу.

Поэтому прошу Вас не думать, что я забыл Вас или небрежен в переписке. За всё это время вот сегодня только выдался какой-то квазиперерыв во всяких спешностях, потому что одно дело я кончил, а ко второму ещё не вернулся. Всё, что человек делает, обращается против него самого, всё, что у него есть, делает его зависимым и несвободным. Каждая статья, которую я пишу, возвращается ко мне несколько раз в разных аспектах и мешает идти вперёд. Кажется, это называется «отчуждением».

Вы говорите, что у Вас есть желание написать обо мне. Спасибо, дорогой Владимир, за дружбу. Библиографию, которую Вы просите, я Вам пришлю — это не трудно, тем более, что в Институте философии её как раз составили для одной надобности. Но весь этот набор случайных статей весьма мало значит по сравнению с грузом того, что я не сделал. Груз этот меня тяготит и, видимо, останется в виде громадной кучи

всякой бумажной канители, мало понятной кому бы то ни было, кроме самого автора. Хотелось бы оставить это такому человеку, как Вы.

Не знаю, был ли я «вундеркиндом», как Вы говорите, в те времена, когда я писал свои первые работы — между собраниями, педагогикой, поездками на заводы и в деревню. Но знаю точно, что в моей амальгаме не хватает какого-то элемента. Девяносто процентов времени у меня уходит на чисто флоберовскую работу, и, увы, это не «Мадам Бовари», а какая-нибудь мелкая поделка, если не просто внутренняя рецензия. Между тем, моя сильная сторона в другом, и вот почему я всегда в глубине души не весел. Завидую тем авторам, которые получают удовольствие от литературного творчества, хотя, по словам Делакруа, удовольствие, вообще говоря, можно получить только от живописи, литература же — это тяжёлый труд, не вознаграждающий нас за это счастливым состоянием духа.

По Вашей рекомендации я прочёл статью Книпович[192], точнее — те места, которые относятся к Вам и Миначу[193]. Всё остальное читать трудно, по-моему, это просто набор слов. Вас я очень хорошо понял, мне кажется в большей своей части верным и то, что написал Минач. Не знаю его, но вижу, что всё это идёт от души и от действительного положения дел. А старая шлюха, конечно, должна была заметить правду и восстать против неё. Ведь это она и ей подобные разделяют ответственность за разложение интеллигенции, о котором Вы пишете, — они поощряли весь этот сдвиг к модернизму и западничеству. Но не принимайте близко к сердцу её слова — надеюсь, что они не дойдут до ваших ревизионистов и не послужат им поощрением.

Более огорчительно то, что Вы медленно поправляетесь после операции и не сможете в этом году приехать в Москву, не надо перегружать себя работой, даже той, которая, по Вашим словам, доставляет Вам удовольствие. Мы с Лидой мысленно с Вами и надеемся на свидание в будущем году.

Вы спрашиваете, какие у меня новости, имея, очевидно, в виду мою работу. Брошюру, куда вошёл и раздел «Искусство и фашизм»[194], я начерно сдал, но не имею времени даже осведомиться, каково её дальнейшее движение. Работаю, если не говорить об отвлекающих моментах, над текстом той самой книжечки о Марксе, которую Вы хвалите. Пришлось учесть варианты и дополнения, сделанные тоже уже тридцать лет назад, внести некоторые литературные исправления. Раз Вы уже закончили свой перевод, не стоит Вам создавать себе дополнительные хлопоты, хотя, когда весь текст будет готов (вероятно, в начале июня), я мог бы прислать Вам один экземпляр (правда, не самый лучший). От комментария мы решили отказаться — работы с ним так много, что и не видно, когда я его успею кончить. Не знаю даже, сумею ли написать толковое предисловие — Вы знаете, как всегда торопят издатели, а тут они и без того ждут три года. Кроме того, у меня ещё на руках вёрстка большой статьи по истории идеи эстетического воспитания — античность, средние века, эпоха Возрождения, которая является вступительной статьёй к выходящей у нас антологии[195]. Лежит и дожидается очереди на переработку другая большая статья, почти книга под названием «Человек тридцатых годов». Это вступление к сборнику работ одного моего покойного ученика и товарища, большого чудака, но талантливого человека — Игоря Ильина[196]. И так далее в том же роде.

Весь вид на будущее загорожен начатыми работами, не могу даже читать. Меня же самого больше всего интересует сейчас современная «пляска Диониса», всевозможные бунтарские и агрессивные движения наших дней, их причины и возможности. Об этом я делал в прошлом году доклад, и текст его был принят даже к напечатанию в «Вопросах философии», но я забрал обратно на переработку и...

Между прочим, недавно пришёл из Венгрии философский журнал, в котором есть статья о Вашем покорном слуге. Называется, судя по французскому переводу, «Воинствующая эстетика имярек». Под строками довольно большая библиография, но прочесть по-венгерски я, конечно, не могу.

Марине в данный момент передать Ваш привет не сумею, так как она уехала в ГДР. Лидочка у меня болеет, радикулит её одолел. Нам с ней трудновато приходится — хозяйство у нас большое (я имею в виду книги, рукописи, текущую работу и хозяйство в собственном смысле слова), а вспомогательную силу найти негде. И с годами это растёт. «Отчуждение»!

Ещё раз — мы оба горячо желаем Вам скорейшего и полного выздоровления. Обнимаем Вас и ждём в гости в будущем году.

Ваш Мих. Лифшиц

4 июля 1971 г.

Дорогой Владимир!

Тучи над моей головой, тучи неисполненных к сроку работ всё время сгущаются, а сна и прочих резервов личности всё меньше и меньше. Жаловаться на это и прочие обстоятельства не буду, хотя бы потому, что эти жалобы мне самому смертельно надоели, но Вы должны понять причины задержки в исполнении Ваших просьб, которые кажутся такими простыми. Не забудьте, что я всё должен делать сам. Секретарей у меня нет, и одни только дела с машинистками и почтой удручают до крайности. Некоторым моим корреспондентам я не отвечаю по году и живу под давлением нечистой совести.

Но оставим это. Прежде всего я хочу Вас поздравить с Верой. Будьте оба счастливы, и вера да пребудет с Вами. То, что Вера врач, тоже неплохо. Надеюсь, что Ваше здоровье в верных руках. Судя по письмам, оно улучшается. Можно заметить прилив энергии, но, ради бога, будьте осторожнее. Шут с ним, с полным собранием моих сочинений! Человечеству это не поможет, несмотря на Ваши добрые иллюзии. Усилия мысли несоизмеримы с движением стихий. Глядя на то, как поднимает голову неофашизм (например, в Италии), я вижу, что авангардистские идеи передовых людей не остаются безнаказанными, но от этого не легче. Ведь по закону круговой поруки, установленному Герценом[197], отвечают невинные.

Я послал Вам на днях перепечатку моей статьи к пятидесятилетию со дня смерти Маркса из сборника 1935 г., как Вы просили[198]. Послал также недавно вышедшее немецкое издание «Кризиса». Посылаю одно-

временно с этим письмом русский текст для переводчика. У меня есть согласие издательства на второе дополненное русское издание, но нет времени его подготовить, а Л.Я. совсем вышла из строя — у неё уже больше двух месяцев сильный радикулит. Библиографический список я также послал. Возможно, что некоторые указания в нём не точны, но самую малость.

Брошюра, в которую входит тема об искусстве и фашизме, пока застряла, вследствие моей неуступчивости, комментарий к Марксу я оставил, ибо мировая литература за последние тридцать лет так выросла, что невозможно в короткий срок с этим совладать, пойдёт пока без комментария. Но текст я переработал, по крайней мере, в литературном отношении, и перенёс кое-что из комментария. В итоге получилась большая рукопись размером более трёхсот страниц. Прислать её Вам я пока не могу, сделаю это при удобном случае. Буду писать к ней ещё предисловие на тему о прогрессе. Вся книга, включающая и другие работы о Марксе, будет называться «Карл Маркс. Прогресс и пути искусства»[199].

Что касается «Эстетического воспитания», то я сейчас работаю над вёрсткой того предисловия, о котором идёт речь[200]. Оно будет мною несколько переработано, ибо в некоторых частях слишком догматично, если не по существу, то по форме. Статья же, служившая предисловием к пятому тому «Антологии»[201], исправлена и перепечатана мною. Её я в ближайшее время отошлю Вам. Другие части моей работы об эстетическом воспитании прислать пока не могу. Во-первых, они ещё не печатались у нас. Во-вторых, я также должен над ними работать.

Полный текст статьи «Маркс и трагедия современной культуры»[202] перепечатывается машинисткой; отошлю, как только будет готово. Я Вам абсолютно доверяю во всём, в том числе и в издании моих «текстов», но смотрите сами — подходит ли эта статья для публикации в настоящее время. Во всех текстах, посылаемых Вам, указываются тома сочинений Маркса и Энгельса на русском языке, большей частью в скобках — том и страница. Что касается немецких текстов, то эту работу я в настоящее время исполнить не могу за недостатком времени. Но те места, которые вошли в собрание сочинений, переводчик может легко найти в многотомном издании Маркса и Энгельса, вышедшем в ГДР.

Моя книжка о Марксе была напечатана в Дрездене первым изданием в 1960 г.[203] Если она Вам нужна, я могу прислать экземпляр. Могу также прислать Вам текст моей старой, ранней статьи об эстетических взглядах, напечатанной гектографическим способом в журнале ВХУТЕИНа за 1927 год[204], её я в качестве приложения думаю включить в «Прогресс и пути искусства». Что касается второй части «Трубного гласа»[205], то эта брошюра на русский язык не переводилась. Некоторые части из неё я хотел опубликовать в хрестоматии[206], но дело не пошло. Перевод их был, была даже вёрстка, но я её затерял.

Уф! Кажется, все Ваши деловые вопросы. Насчёт старой дуры я с Вами совершенно согласен, но писали Вы, кажется, не туда. Что касается истории «школы», то — дудки! Не имею возможности пускаться в такие исторические экскурсии, главным образом по недостатку времени. Напомните мне об этом позднее — может быть, я сочиню что-нибудь ad usum delphini*.

* Ad usum Delphini (*лат.*), «для использования дофином» — учебная библиотека греческой и латинской классики, предназначенная для воспитания Людовика Великого Дофина, сына Людовика XIV. Здесь употребляется для обозначения занимательного, необременительного чтения.

Вы спрашиваете, что у меня нового? Ничего, кроме тучи всяких дел. После того, как я покончу с вёрсткой древности, средних веков и Возрождения[207], мне придётся написать предисловие к «Прогрессу». Потом меня ждёт написанная два года назад статья «Человек тридцатых годов» — предисловие к сборнику работ покойного И. Ильина. Статья большая — листов девять печатных, а может она стать ещё больше. И уже пора браться за выполнение плана Института — в этом году я должен написать листа три о Герцене. Все эти дела не дают мне никакого удовлетворения, меня тянет к некоторым актуальным вопросам, хотя не знаю, удастся ли выразить моё кредо, которое в настоящее время звучит приблизительно так — «В защиту обывателя!». А пока я занимаюсь собственной палеонтологией.

Лидии Яковлевне и Марине Ваши приветы передал. Все мы хором поздравляем Вас и Веру[208] с вступлением в новую жизнь. Желаем здоровья (как основы счастья), а затем и прочих человеческих благ quantum satis*.

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. Нет ли в Праге немецкого лекарства Adumbran? Бессонница замучила, помогает только нембутал, а он очень вреден.

* Вдоволь, сколько нужно, сколько хочется (*лат.*).

10 августа 1971 г.

Дорогой Владимир!

Пишу Вам сегодня кратко и от руки. Писать на машинке не могу — переутомил сердце. Как-никак недавно мне исполнилось 66 лет, а я, не обращая внимания на возраст, позволяю себе слишком много, особенно насчёт работы. Все правила, нам внушаемые, нарушаются.

Подробности о «школе» тридцатых годов я Вам как-нибудь напишу, но позже. Что касается работы об идеале[209], которую Вы обнаружили в библиографии, то речь идёт о груде давно написанного хлама в разных версиях, сокращениях, развитиях. Послать это и даже разобраться в этом в настоящее время нет возможности. Виной всему планы разных институтов, которые провоцировали меня на эти писания. Часть из них образует та статья «Античность. Средние века. Ренессанс»[210], которую я должен в близком будущем привести в божеский вид, да и то это не будет, как говорят в таких случаях, сахар.

Нью-йоркское издание 1938 г. — это моя книжка о Марксе[211], кот<орая> вошла в «Вопросы искусства и философии». Издание было скромное, но оно читалось, как я вижу из большого письма ко мне английского искусствоведа, покойного Клингендера (Klingender)[212], полученного в 1942 г., и особенно из книги John'a Somerville'a «Soviet Philosophy»[213], вышедшей первым изданием в 40-х годах. Текст статьи 1927 г.[214] я Вам пришлю и всё остальное, как только схлынут всякие неотложности.

Буду рад увидеться с Коларом и охотно познакомлю его с нашими издателями, насколько я сам с ними

знаком. Более трудный вопрос — рекомендовать то, что заслуживает издания, но, полагаю, что это будет сделано без меня.

Ваш восторженный отзыв о статье «О культуре и её пороках»[215] мне не был неприятен, но сам я не знаю, что с ней делать. Переиздать её в прежнем виде не могу — с точки зрения литературной она мне активно не нравится, да и условности времени раздражают. Я попробовал её редактировать, дошёл до середины. Получается гладко, но боюсь, что теряется документальность.

Жаль, что возле меня в Москве нет Достала, нет — трёх Досталов. Это было бы впору. Хотелось бы, однако, чтобы один, имеющийся в Праге, был, по крайней мере, вполне здоров. Не переутомляйтесь работой, соблюдайте все указания врача Веры!

Привет от Л.Я.

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. В Будапеште на квартире Лукача создан музей.

Без числа. 1971 г.
<открытка>

Дорогой Владимир! Я еду на месяц в Венгрию и потому, к сожалению, не могу написать Вам более подробно. Главная мысль этого письма состоит в том, чтобы Вы не перегружали своё сердце работой — иначе не справитесь с тридцат<ыми> годами. Относительно «Лит<ературного> обозрения» кратко сообщаю следующее. Нас было мало, поэтому важно было создать впечатление потока, заменив

численность энергией. Все писали под псевдонимами и привлекали множество людей, кот<орые> либо перестраивались на ходу, либо охотно подвергались редакц<ионной> обработке в нашем духе — т.е. с изгнанием вульг<арной> социологии и формализма. Главным деятельным духом редакции был И.А. Сац. О конкретных лицах могу сообщить: И. Иванов — Ваш покорный слуга. Стена эта стояла в центре дискуссии о вульг<арной> социологии и стоила мне много крови за пределами всяких дискуссий. Юрий Арсеньевич Спасский — интереснейший человек, старый революционер-большевик, большой оригинал, в летах, историк литературы. Умер проректором ГИТИСа во время войны. Мой личный друг, которого я извергнул из экономики в литературу. С. Кржижановский[216] — стороннее для нас, но реальное лицо, специалист по стиховедению, близкий в прошлом к формализму, но перестроившийся (не без помощи Саца) в нашем духе. Наумов — Верцман[217], Человеков — Андрей Платонов. Я в сатире не участвовал, это только мой дух. Расшифровать всё может Игорь Александр<ович> Сац (Москва Т-2 Арбат, 54, кв. 189). Обнимаю. Привет Вере. Ваш М. Л.

11 октября 1971 г.
<открытка>

Дорогой Владимир!

Мы вернулись из страны чардаша и гуляша, где славно погуляли, хотя в течение последней недели у меня была большая «программа». Я даже читал лекцию

для преподавателей философии. Это была венгерская рапсодия на онтологические темы, которая продолжалась три часа (правда, с переводом). Были интересные встречи. Побывал я прежде всего на могиле Юри-бачи и в его квартире, которая превращается в музей и архив, а сейчас читаю набросок его автобиографии, точнее — конспект её. Жизнь интересная, богатая впечатлениями и событиями, совсем далёкая по своему Urphenomen'у* от моей. Я знаю уже, что Вы писали Игорю Александровичу и получили от него путный ответ. Прошу Вас — составьте мне небольшую шпаргалку — что именно я должен Вам послать и сделать, ибо я потерял непосредственные воспоминания о нашей ближайшей переписке. Вернувшись, мы с Лидой героически боремся со стихией всякой нечисти, особенно бумажной, которая почти захлестнула наше жильё.

Кланяемся Вере. Надеюсь, что здоровье улучшается. Осторожнее! Ваш М. Л.

25 декабря 1971 г.

Дорогой Владимир!

Поздравляю Вас и Веру с наступающим Новым годом. Пусть он будет для Вас годом окончательного выздоровления.

Спасибо за письмо, за одобрение. Это — «положительная эмоция», а таковые, говорят, необходимы.

* Первичное впечатление, переживание (*нем.*) — термин Ф. Гундольфа, представителя феноменологического течения в духовно-историческом методе XX в.

Мне в настоящее время — особенно. Ибо никогда, кажется, я не был в таком плохом состоянии, как сейчас, и не предполагал за собой таких возможностей.

Чувствуя за спиной какое-то «дело», я не в силах его тянуть из-за недостатка времени и сна, откуда, видимо, и отвращение к самой работе. Мне нужно было бы какое-то сверхсильное напряжение, чтобы заставить забыть это чувство, а такого призыва нет.

Похоронил недавно Твардовского[218] — целая страница жизни, отчасти и моей.

Ну, не обращайте внимания на эту старческую болтовню. Ça ira!

Обнимаю Вас.

Ваш М. Лифшиц

P. S. Поздравления от нас обоих.

4 апреля 1972 г.

Дорогой Владимир!

Извините, что так долго не писал. Нет никакой возможности поддерживать переписку. Я в полном истощении сил и в постоянной спешке, связанной с типографией и другими отчуждёнными силами. Колар на сей раз не имел времени зайти, письмо Ваше он опустил в ящик. Посылаю Вам текст моего выступления на конференции, именуемой: «Международная научная сессия, состоявшаяся в Москве 12–15 апреля 1967 г. Ленинизм и некоторые проблемы рабочего движения», напечатано в книге «Проблемы рабочего движения». Издательство «Мысль». Москва, 1968. Академия наук СССР, Институт международного ра-

бочего движения. Уф! Стр. 430–438 («Интеллигенция и народ»[219])*.

Чего ещё не хватает? Не сочтите за труд повторить.

Большое спасибо за статью из Актов Чешской академии наук, я с интересом её прочёл и вижу, что при всей глупости конечного вывода («Бахтин всё-таки лучше») автор не мог уклониться от признания, что в тридцатых годах было течение, лишённое малейшего оттенка приспособленчества, тогда как даже его уважаемый Бахтин вынужден был задним числом убрать из своей книги о Достоевском вульгарную социологию. Смешно, что автор причисляет к нашей школе Асмуса — видимо, лишь потому, что у последнего есть всё же что-то честное и некоторая научная культура, а может быть, потому, что он однажды — в начале существования журнала — поместил там не слишком глубокую статью о нормативной эстетике. Что касается Лукача в качестве «будущего главы школы», то пусть их — надоели! Мещанское воображение не переборешь, и, возражая против этого, можно только попасть в смешное положение.

Вы спрашиваете, не нужно ли мне чего-нибудь в Чехословакии. Вот оказалось что нужно. Я по-прежнему дико страдаю от бессонницы. Теперь, говорят, есть такие чешские средства из трав — «Пассит» и «Валоседан», что-то для меня, а что-то для моего внука, который тоже обнаруживает некоторую повышенную нервозность. Достать эти лекарства у нас почти невозможно, надеюсь, что это не обойдётся Вам слишком

* Конференция была посвящена Грамши, поэтому пришлось и мне подстроиться к этому её направлению. Я старался выбрать у этого автора наиболее благоприятное для ленинизма и мудрое. (*Прим. — Лифшиц М.А.*)

дорого. Нельзя ли всё-таки получить для этого какую-нибудь мелочь в виде гонорара за статью? Спасибо, что прислали журнал. А если будете посылать лекарства, то с кем-нибудь.

Я сегодня лаконичен, как спартанец. По закону мне писать так поздно на машинке уже нельзя, но другого времени не выберешь. Я Вас обнимаю. Шлю привет Вере и присоединяю приветы от моей жены.

Ваш Мих. Лифшиц

27 апреля 1972 г.

Дорогой Владимир!

Поздравляю Вас с праздником 1 Мая! Позвольте пожелать Вам и Вере здоровья и счастья. Напишите, пожалуйста, как Ваши «сердечные» дела, старайтесь всё же не изнуряться, ибо, как говорят, работа не волк — в лес не убежит.

Всё ли я Вам дослал? Не сочтите за труд повторять в каждом письме, что именно Вам нужно. Надеюсь, что в этом году мне удастся послать Вам книгу «Карл Маркс. Искусство и обществ<енный> идеал», т.е. сборник моих статей с 1927 по 1967 г.

А я хочу попросить Вас узнать, можно ли без особых затрат купить мне в Праге Syntostigmin (Spota) или какое-нибудь более современное заменяющее его лекарство. Есть ещё японские средства Gorizon и Ubregit, но вряд ли они у вас есть; у нас их не найти.

Л.Я. присоединяется к моим поздравлениям.

Ваш М. Лифшиц

30 апреля 1972 г.
<открытка>

Дорогой Владимир!

Вы меня не вполне поняли, видимо, я выразился слишком витиевато: это были не просто извинения, а *сожаления*, вызванные самыми добрыми чувствами. Не сомневаюсь в том, что у Вас есть достаточно возможностей. Букинистич<еский> каталог меня действительно разочаровал; поэтому не стоит записываться, я уже понял, что здесь поживы не будет, да и никаких денег в Праге у меня пока нет. Боюсь, что задал Вам хлопот с бумагой etc. А я-то ведь, увы, не очень-то располагаю временем для рисования! «Сангина» это *sanguine*, красноватый камешек, мелок, «кровавик». Привет жене, спасибо за внимание. М. Л.

5 мая 1972 г.

Дорогой Владимир!

Пользуюсь тем, что у меня сегодня раскалывается голова от бессонницы (обычно этого не бывает), и обращаю свои слабые силы на переписку. Прежде всего, хочу поблагодарить Вас за Валоседан, кот<орый> хорош тем, что он состоит из невредных трав. Прочие снотворные и успокаивающие у нас есть, но все они оставляют вредный след и расслабление организма, что мне не показано, а для работы и вредно. Единственная сильная и не расслабляющая на другой день штука — это нембутал, но штука очень вредная.

Извещаю Вас, что мы с Л.Я. 10-го мая уезжаем в Крым до 3 июня. Если думаете приехать (если здоровье позволяет), сообразите это обстоятельство. Я в очень больших и, кажется, безнадёжных приступах спешки. Как выберусь из Москвы 10-ого — сам не знаю! Поэтому до июля я ничего не могу сделать для изготовления каких-нибудь новых «произведений». Что касается ст<атьи> «Капитализм и культура»[220], то у меня только папки с выброшенными и недописанными частями, а более полного текста нет. Пусть будет этот. Хочу надеяться, что в этом году всё же выйдет здесь моя книга «Карл Маркс. Искусство и общ<ественный> идеал», т.е. сборник статей, и я сумею её Вам передать, а впрочем — иншаллах! У меня сейчас под руками не лишённые интереса теории, но за недостатком времени опять ничего не выйдет или выйдет ублюдок.

Кланяемся Вере. Обнимаю Вас и желаю здоровья. Не работайте слишком много!

Ваш М. Л.

8 августа 1972 г.
<открытка>

Дорогой Владимир!

Давно не имел от Вас ничего и беспокоюсь. Черкните чего-нибудь. Знаю, что я должен писать Вам статьи, но положение моё таково, что нет никакой возможности отвлекаться на другие дела. Получили ли Вы «Литер<атурное> наследство» (Луначарский)[221]? Подтверждения не было. Сообщаю Вам также, что я выпил весь Ваш валоседан и прошу ещё. Средство оказалось неплохое. В Москве и окрестностях стоит

страшная жара. Работать трудно, но отдыхать некогда. Обязанности всё прибывают и прибывают. Мы с Лидой кланяемся Вере, желаем вам обоим здоровья и счастья.

Ваш М. Лифшиц

22 января 1973 г.

Дорогой Владимир!

Спасибо за «сувениры», как говорит Колар. Благодаря Вашим сувенирам штаны у меня теперь держатся крепко. А что ещё нужно интеллигенции, если верить нашему юмористу Аркадию Райкину? Ленту я ещё не пробовал, но внешность её возбуждает самые лучшие надежды[222]. Что касается красок, то время подождать у меня есть. Дни мои проходят в других занятиях, не столь художественных. Всё же, если «акрила» появятся, я хотел бы их иметь, для начала хотя бы самый простой набор. Знаю их только по рекламе. Так как я склонен ко всякой водянистой живописи, напр<имер> к темпере, то они меня соблазняют. Что думает о них Ваш друг-художник?

Большое спасибо за очки. Цейсовские стёкла очень хороши, оправа тоже. Что касается зелёных, то оставим это. Речь идёт, конечно, не об очках зелёных в обычном смысле. Мне велели носить специальные ярко-зелёные стекла, и у меня есть такие, но площадь стёкол очень мала. Я думаю, однако, что всё это вздор, хотя глаукома у меня немного растёт. Одно время я испугался растущей близорукости другого глаза, но

в последнее время как-то страдаю от невидимости меньше. Mehr Licht! — как сказал Гёте[223].

Перехожу к следующему вопросу. Л.Я. благодарит за память и сообщает свои desiderata*: тёмно-каштановый, *можно* с проседью! Размер её головы — 58 снтм. Другие цефалометрические данные, кажется, значения не имеют. Animal errores suos non repetens** — великолепно, хотя и является чистейшей лестью нашему роду.

Спасибо переводчице. Книжку я ей обязательно пришлю, а вот ещё 4–5 — не знаю, где наскрести[224]. Пока что с тиражом оказалось плохо. В Москве её расхватали моментально. Я остался на бобах (знаете Вы это выражение?), ибо заказанные мною 100 экз. были срезаны каким-то издательским начальством. Сейчас все мои родные и знакомые мобилизованы на поиски книжки в периферийных магазинах.

Перехожу к Вашим заповедям:

1) Golay, Paul — швейцарский социал-демократ, редактор социал<истической> газеты «Le Grutléen» в Лозанне. В начале войны выступал против соц<иал>-шовинизма, но впоследствии занял центристскую позицию, в Циммервальдской конференции не участвовал[225].

Что касается Бендианидзе[226], то пока никаких данных нет; розыски продолжаются.

Что касается издательства «Искусство», то я говорил с директором, кот<орый> просит Вас прислать предложение и приблизительный план. Заявка Ваша будет принята. Адрес: Москва, Цветной бульвар, 25, издательство «Искусство», директору изд-ва Е.И. Севостьянову.

* Пожелания (*лат.*).
** Животное, не повторяющее своих ошибок (*лат.*).

Лида свою рукопись пришлёт Марине. Я о возможности посетить Вас сказал, но для неё, по условиям работы, это не так просто. Она скоро будет в Москве, я снова поговорю с ней.

Вот, кажется, и все 10 заповедей.

Работа идёт медленно. То и дело накапливаются посторонние обязанности. Написал недавно на 2 печ<атных> листа отзыв на книгу Недошивина[227].

И можете себе представить, что я не пожалел красок, писал impasto*, в густой манере. И всё же портрет далёк от оригинала. Он между прочим говорит и о 30-х гг. и врёт по силе возможности.

Сейчас занимаюсь Гегелем. Должен срочно написать введение к IV тому, кот<орый> состоит из сочинений и фрагментов по эстетике, начиная с девяностых годов XVIII века[228].

От Колара я узнал, что Вы успели ещё раз переболеть гриппом. Объявляю Вам выговор. Вере кланяемся, но Вы не написали, признаёт ли она янтарь.

Надеемся увидеть вас обоих в счастливые дни весны.

А пока мороз градусов на 25. *Будьте здоровы*.

Ваш М. Л.

7 февраля 1973 г.

Дорогой Владимир!

Вот представьте себе состояние моей головы. Я написал Вам открытку, но не помню — опустил ли в ящик или нет. В Прагу направляется В.П. Шестаков[229]. Я пользуюсь случаем и прошу его занести Вам

* Тесто (дословно), густое, сочное накладывание красок (*итал.*).

мою записку. Это вполне благопристойный человек. Если что-нибудь Вы хотите мне написать — можно передать с ним.

1) Прошу Вас точно сообщить ещё раз имя и адрес переводчицы. Я потерял Вашу записку (спрятал слишком хорошо). Пошлю ей книгу. Что касается ещё нескольких книг, то придётся подождать. Их ищут, но купить невозможно.

2) Бендианидзе — рабочий, соц<иал>-демократ, обратился к Каутскому с просьбой высказать своё мнение о философских спорах, происходивших в среде русских с<оциал>-д<емократов>. Ответ Каутского напечатан в июльской книжке австрийского журнала «2-й <нрзб.>»[230], русский пер<евод> в меньшевистском журнале «Возрождение» №5–6 за 1909 г. Вот всё, что я знаю.

3) Директор издатель<ства> «*Искусство*» Евгений Иванович Севостьянов просит Вас прислать Ваше предложение об издании антологии чешских критиков. Всё будет принято. Адрес изд-ва: Москва, Цветной бул<ьвар>, 25.

Пылкий привет Вере от нас обоих. Не болейте!

Ваш Лифшиц

1 марта 1973 г.
<открытка>

Дорогая Вера! Мы с Л.Я. поздравляем Вас с праздником женщин, желаем Вам и Владимиру здоровья и счастья. А теперь несколько слов о наших делах. В.П.[231], несомненно, образованный парень, но страш-

но <нрзб.>, куда деть всю эту энергию <нрзб.>. Я сделаю ему выговор, но это вряд ли поможет. Новое издание книги Александрова вышлю[232]. Статью Л.Я. высылали. Рецензия на Недошивина — внутренняя, пока не вышла из печати, но, м<ожет> б<ыть>, тоже пошлю её Вам. С экземплярами моей книги плохо. Спасибо за оптимизм насчёт моей славы, но тут бабушка надвое сказала. Qui vivra verra*! В.П. напугал меня Вашей болезнью. Будьте осторожны, ради бога!

Ваш М. Л.

P. S. Об очках больше не думайте, спасибо.

23 марта 1973 г.

Дорогой Владимир!

Постараюсь не упустить ни одного пункта из затронутых Вами, а если что-нибудь забуду, то не сочтите за труд мне напомнить.

Итак. 1. Книга Вере Юнгмангивой[233] послана.

2. Philosophia perennis** есть воображаемый свод всех основных философских идей, особенно в области морали. Терминология эта была возрождена известным английским писателем, жившим на склоне лет в США, Олдосом Хаксли (Aldous Huxley, 1894–1963). Под конец жизни он ударился в литературно-религиозный мистицизм, стараясь создать своего рода западно-восточный синкретизм. Сочинение его

* Поживём — увидим, будущее покажет (*франц.*).

** Philosophia perennis (*лат.*) — вечная философия; непреходящая основа философии, сохраняющаяся во всех учениях.

на эту тему называется The Perennial Philosophy — 1945[234].

3. Транскрипция имени Сизеран — Robert de la Siseranne[235].

4. Шестаков оправдывается тем, что их срочно перебросили в другой город (вообще говоря, он, конечно, вовсе легкомысленный playboy). Однако насчёт моих очков Вы не огорчайтесь — у меня так быстро прогрессирует близорукость, что уже присланные Вами прекрасные очки слишком слабы. Что касается зелёных, глаукомных, то без них вполне можно обойтись.

5. Заявка Ваша в издательстве получена и уже принята. Меня спрашивали, хочу ли я проконсультировать состав, все ли авторы того достойны — во всех смыслах слова — но я отвечал, что на Вас абсолютно можно положиться, а что касается деталей, то я погляжу, когда рукопись будет уже готова. Смотреть сейчас мне нет никакого смысла, ведь я *kenne mich* в этом деле *nicht aus**.

6. Насчёт «Вопросов литературы» ничего не могу сказать — не имею с ними дела. Давайте в «Вопросы философии», тут я могу посодействовать.

7. Ad vocem** социология искусства. У нас с Лукачем было единое мнение, что марксистская социология вообще есть внутреннее противоречие, бессмыслица. Почему? Социология возникла как буржуазная авангардистская псевдонаука и по существу — антинаука по отношению к марксистскому обществоведению (историческому материализму). В конце XIX

* Kenne ich mich nicht aus (*нем.*) — в этом деле я плохо разбираюсь.

** Ad vocem (*лат.*) — к слову (заметить), кстати сказать.

и нач<але> XX вв. она, конечно, сыграла в высшей степени вредную роль как средство развращения марксизма и превращения его в катедер-марксизм*. Суть всякой социологии состоит в отрешённой quasi-объективности.

Социология рассматривает общественный процесс в духе абстрактной, внеисторической закономерности, не знающей добра и зла, истины и лжи. Она является могущественным проводником псевдонаучного релятивизма, этой болезни века, учёной обывательщины. Как же быть с употреблением этого слова? В ранних произведениях Ленина, на горе наше, термин «социологический» употребляется. Это можно объяснить тем, что народничество находилось под влиянием позитивистской социологии, и Ленину в легальных, главным образом, полемических статьях приходилось пользоваться общеупотребительным термином. Из этого я делаю вывод, что общего противопоставления исторического материализма и социологии в настоящее время не получится. И, хотим мы этого или нет, терминологию придётся допустить, не допуская, однако, той ядовитой слизи, которая из всякой «социологической» постановки вопроса сочится. Поэтому я советую придерживаться критики содержания, оставляя вопрос о «социологической» терминологии в тумане. Чёрт с ним, дело не в словах! Вряд ли возможна в подобном смысле и «социология восприятия», ибо восприятие порождается в значит<ельной> степени творчеством, активным действием общественного духовного производства

* Катедер-марксизм (от Katheder (*нем.*) — кафедра) — обезвреженный марксизм, приемлемый для буржуазного мышления.

вообще, а не растёт из каких-то социальных очагов само по себе как не детерминированный продукт, как следствие определённой Ortsbestimmung*. Всякого рода анкеты и обследования можно, конечно, называть социологией, но по существу это расширенная и модернизированная статистика, «счёт носов», как говорят американцы.

8. Люсьен Гольдман[236], мне кажется, — типичный представитель «социологии знания» в духе Мангейма[237] и К°. В этом смысле он опирался на раннюю работу Лукача «История и классовое сознание»[238], которая даёт материал для этого и, несомненно, послужила одним из питательных источников всей «социологии знания».

9. Моя статья «Античный мир, мифология, эстетическое воспитание»[239] будет Вам, наверно, интересна. В ней небольшой трактат по философии истории и философии мифологии, а также полемика со всей нашей местной мифоманией. Я Вам её, конечно, пришлю, как только она появится, а равно и книгу «Искусство и современный мир»[240], которую можно ожидать месяца через два (к сожалению, тираж только 10 тысяч).

10. «Статья о книге Недошивина» — это моя внутренняя рецензия, «правда» размером в 2 печ<атных> листа. Если найду копию, то пришлю. Рецензия ограничивается, в общем, главными вопросами ленинизма, а написать там можно много чего.

11. Статья о «постмодернизме» высылается.

12. Расширенный сборник статей Александрова не выходил. Можно было бы самим добавить некоторые его напечатанные прекрасные статьи, но нет сил этим заниматься.

* Система координат (*нем.*).

13. Книги, которые Вы просите, буду искать, но найду ли — это маловероятно. По-моему, это «бестселлеры», а у нас теперь снова возгорелась жажда приобретения книг — видимо, всем остальным уже насытились.

14. Чешскую статейку о 30-х годах нашёл.

15. Насчёт славы, кот<орую> Вы мне пророчите — а) сомневаюсь б) слава, как известно, — дым и не заслуживает усилий в) славу чудака я уже имею.

Я получил письмо и книгу от старого итальянского коммуниста и профессора (живущего переизданием хрестоматии «М. и Э. об искусстве» в сокращённом виде). С точки зрения идей — боже мой, какое убожество! С таким марксизмом они далеко не уедут. Что делать?

Прошу прощения за то, что пишу сегодня от руки, а не на машинке. Надеюсь, что разберёте.

Нас с Л.Я. волнует то, что Вам снова пришлось лежать в больнице. Ради бога, будьте осторожны, не превышайте нормы работы.

Кланяемся Вере. Л.Я. благодарит её за информацию о Париже. Это не к спеху.

Будьте оба здоровы и счастливы.

Ваш Мих. Лифшиц

19 апреля 1973 г.

Дорогой Владимир!

Спасибо за прекрасные очки, если понадобятся новые стёкла, я обращусь к Вашей помощи. К сожалению, я не мог принять у себя дома тов. Михну[241], так как у меня его приход совпал с защитой диссертации. Да, под нажимом начальства и прочих обстоятельств я становлюсь доктором философии (новый признак истинного философа, сказал Фейербах, — не быть доктором философии). По той же причине я не успел ответить на вопросы переводчицы. Не могу также послать рецензию на Недошивина — у меня остался один экземпляр, а в ней 72 стр., перепечатаю при случае. Как Вы думаете приехать в июне — есть у Вас такая возможность, или Вы нуждаетесь с Верой в приглашении? Напишите.

Ограничиваюсь этой краткой запиской. Обнимаю и желаю здоровья. Кланяемся Вере.

М. Лифшиц

18 мая 1973 г.

Дорогой Владимир!

Спасибо за письмо. Что касается вопроса об эстетическом восприятии, то черкните мне, пожалуйста, о чём идёт речь. Я уже забыл, а копии нет.

Рецензию на книгу Недошивина посылаю. Ниже следуют также ответы на вопросительные знаки переводчицы, которой кланяюсь:

1. Цитата из Паскаля — Pensées*.

II, III (La grandeur de l'homme**). Но существует бездна различных изданий Паскаля, в кот<орых> всё расположено иначе.

* Мысли (*франц.*). Здесь — произведение Паскаля «Мысли» (1657–1658).

** Величие человека (*франц.*).

2. «На проклятые вопросы…»
Heine, Zum Lazarus, Gedichte 1853–54
Laß die heil'gen Parabolen,
Laß die frommen Hypothesen —
Suche die verdammten Fragen
Ohne Umschweif uns zu lösen.
3. «Хоть малый труд».
Пушкин, «Евгений Онегин», VIII, L.
4. Георге.

С этим хуже — у меня его нет, а в библиотеку пойти до отъезда Колара не могу — не здоров.

Цитата точна, но она может быть или из «Algabal», 1892 г., или из «Der Stern des Bundes», 1914, или даже из «Das Neue Reich», 1928 (вполне возможно, что оттуда).

5. Пётр Пустынник (Heremita), или Пётр Амьенский — вождь первого крестового похода. Родился ок<оло> 1050, ум<ер> — 1115 г.

6. Немецкая фамилия Эйхфельд может писаться только — Eichfeld.

7. «Неистовый галилеянин» — последователь Христа, враг античной культуры. Ср., напр.: Генрик Ибсен, «Кесарь и галилеянин».

Будьте здоровы, вина не пейте, пейте натуральные соки. Привет Вере. Перед приездом напишите мне или телеграфируйте. Мы можем быть на даче.

Ваш М. Л.

12 сентября 1973 г.

Дорогой Владимир!

Простите, что сразу не ответил на Ваше восторженное письмо. Неотложные дела, спешная работа, а вечером ничего делать не могу — бессонница всегда за спиной. Если в том, что Вы написали, и написали от всего сердца, одна треть соответствует действительности — мне нечего больше желать. Я, разумеется, не сомневаюсь в том, что всё, сказанное Вами, — правда, правда внутренняя, но не теряю из виду другие измерения, которые делают наши общие усилия не столь значительными. Пишу это лишь для того, чтобы в нашем общении, которое я очень ценю, всё было ясно, а не для того, чтобы Вы опровергали мои слова, поддерживая во мне оптимизм. Он сохраняется, несмотря на зримые пределы моих возможностей и незначительность сферы, ясно сознаваемую. Какое значение имеет для современного писателя ситуация, создающая для него пьедестал, Вы можете видеть на примере моего венгерского друга[242]. Но у меня другая жизненная позиция, другая судьба, и я смотрю на это достаточно трезво.

Посылаю Вам теперь статью о мифологии[243]. Это уже скорее чистая наука, чем прикладная. Надеюсь, что статья Вам понравится. Прошу только иметь в виду, что все концы обрезаны за недостатком места и времени, я подготовил более широкое и многообразное целое, но всем этим пришлось пожертвовать, ибо лучше, как говорит русская пословица, синица в руки, чем журавль в небе. Не знаю, сохранила ли эта статья в своём окончательном виде достаточно цельности.

Ещё раз — спасибо за доброе мнение, надеюсь, что слова о Ваших физических силах не таят в себе ниче-

го серьёзного. Прошу Вас написать мне об этом. Мы оба кланяемся Вере и ожидаем, что однажды Вы снова посетите Москву, на этот раз более удачно. Обнимаю Вас.

Ваш Мих. Лифшиц

Меня потрясла гибель Альенде[244]. Вот глубокая трагедия, подтверждающая истину ленинизма! Комментарии западной печати, этих защитников гуманности и свободы, лицемерны, омерзительны.

1 октября 1973 г.

Дорогой Владимир!

Ко мне едет Ваш друг Франтишек Колар с письмом, поэтому я решил срочно ликвидировать мой долг перед Вами и ответить на вопросы, висящие ещё с лета.

1. О художественном восприятии. Я ничего об этом не писал и не знаю марксистского исследования этой проблемы, хотя «расхожей» литературы на эту тему в нашей бизнес-эстетике, по-моему, немало. Что касается меня, то я всегда чуждался этой проблематики, игнорируя её намеренно — сил всё равно недостаёт на всевозможные изгибы обывательской квазитеории. Я игнорировал эту проблему не потому, что она вообще не существует, а потому, что в эстетике, опирающейся на идею практики, на перевес производства над потреблением, творчества над восприятием, как у Гегеля, Маркса, Ленина, как у всех русских революционных мыслителей прошлого века, эта проблема, естественно, по духу самой архитектоники, которая, по выражению Канта, является «искусством систем», занимает более скромное место. Потребность в большей мере производится производством, чем сама определяет его — в этом специфика исторической постановки вопроса, в отличие от чисто естественнонаучной. Но человек — историческое животное, и его природная основа, имеющая немаловажное значение, принимает исторические, следовательно, предметно-практические черты.

Гипертрофия идеи восприятия в современной социологической и всякой иной эстетике понятна. Эта гипертрофия даёт себя знать даже в обратном — чудовищном преувеличении идеи творчества. Кант, которого я уже раз цитировал, справедливо говорит, что искусство отличается от прочей деятельности тем, что оно производит «опус», тогда как общее воздействие — только «эффектус». Современное искусство и духовное творчество вообще (в тенденции и не только духовное) растворяет «опус», то есть всё связанное с формированием и обработкой предметного мира, с материальной основой творчества, сохраняя только выражение субъективной деятельности и суггестивное влияние её на другие сознания. При мастерском, технически совершенном «эффекте» вполне можно себе представить, что человеку суют в нос дерьмо, а он «воспринимает» это как запах фиалок.

Такая постановка вопроса даже больше подчеркнула бы важность творчества в современном смысле слова, то есть в смысле простого воздействия, минуя объективно существующий (в историческом смысле) «опус», произведение. Картина не имеет значения, имеет значение только выразившийся в ней субъективный дух, следовательно, и расшифровка его встречным сознанием. Итак, при такой постановке вопроса

крайний креационизм искусства сам переходит в чистое восприятие, практика современного искусства носит чисто созерцательный характер, что и выразило в настоящее время так называемое «концепционное искусство» — крайняя степень удаления от всякого мастерства в реальном, ремесленном смысле слова, которое теперь уже не нужно абстракции творческого сознания, тождественно с сознанием воспринимающим. Аналогии в практическом мире — производство абсолютно ненужных, даже вредных предметов, приближающееся к чисто эфемерному удовлетворению потребности. Абстракция общественного труда, удалённого от его природного покрытия, от реальной основы, ведёт к бездеятельности телесно-чувственного субъекта. Предел — истребление всего человеческого продуктами обезумевшего производства, оторванного от простой реальной полезности. Практика современного творчества — чистое созерцание.

Извините, что так далеко отъехал в сторону. Я хотел сказать, что восприятие не случайно вышло на первое место в современной буржуазной, то есть немарксистской, эстетике. Опус больше не важен, важен эффект, воздействие. Изучают функционирование, оторванное от реального содержания и его измерений — правды, красоты, добра, справедливости общественной. При функционировании ради функционирования, как при производстве ради производства, развивается и потребление ради потребления. Это есть у Маркса где-то уже в 1844 г.

Разумеется, изучать реакцию зрителя, воспринимающего субъекта, можно и даже нужно — например, так же, как изучать общественное мнение. Но что же? Вы будете руководствоваться большинством голосов?

Изучать мнения и вкусы полезно лишь в том случае, если у Вас есть прочный объективный критерий для определения того, каковы должны быть истинные мнения, хороший вкус. Как есть разница между «общественной волей» и «волей всех», по терминологии Руссо, так есть и разница между общезначимым требованием вкуса и фактическим, распространённым в обществе — вернее, дурно созданным вкусом толпы. Народ — это, по выражению Дидро, «идеальная публика», толпа — это зверь, которым управляют дрессировщики, сами звери. Когда социология или формализм (вроде русского) изучает воздействие литературных произведений на читателя, она рассматривает эти произведения не как «опусы», имеющие своё содержание, а как внешние вещи или силы, воздействующие на невменяемое и безответственное, чисто фактическое сознание. Таким образом, современная постановка вопроса об изучении восприятия не есть действительное конкретное его изучение, а есть род философии, замаскированной тем, что американцы называют «счёт носов», и всяческой «квантификацией», но, по существу, доказывающей, что истины нет, что всё слепо, всё зависит от организации, давления, технических средств и ловкости мастеров, управляющих общественным сознанием. Может быть, это в какой-то мере отражает реальное положение вещей, но вместе с тем и возвеличивает его, закрывая от нашей мысли тот факт, что, по русской поговорке, «сколько верёвочка ни вейся, а конец будет». Я не говорю уже о том, что всякая подобная социология или психология, теоретически говоря, впадает в противоречие, двусмысленность, «амфиболию рефлексивных понятий» (см. того же Канта), а именно, доказывая

невменяемость воспринимающего сознания, которое только реагирует, своё собственное понимающее исключает из этого правила, выносит за скобки общей слепоты.

Колар приехал, так что письмо я написать не успел, но он уезжает только в субботу — итак, продолжим.

На мои книги пока никаких откликов не было, кроме дружественного отзыва Ванслова в журнале «Художник»[245], где я сам член редколлегии. Вот как! Лекции мои я пока не восстанавливаю[246] — подавлен различной неотложной деятельностью. Об эстетике Гегеля я не знаю никаких работ, кроме моей статьи 1932 г.[247], конечно, весьма не полно характеризующей этот предмет. Что касается экзистенциализма, то имеется сносная, не плохая, но и не безусловная статья молодого нашего гения — Эрика Соловьёва. Она печаталась в «Вопросах философии», но когда — честное слово, не помню[248]. Если хотите, я могу при встрече сказать ему, чтобы он послал Вам оттиски.

Пьер Франкастель, насколько я могу судить, представляет собой обыкновенного вульгарного социолога наших двадцатых годов[249], вроде Фриче. Это у Франкастеля Гароди заимствовал свой гениальный взгляд на искусство Возрождения как буржуазное и, следовательно, — устаревшее. Мотивируется это тем, что «натурализм» прямой перспективы был необходим итальянской буржуазии для её частных интересов.

На прочие вопросы отвечу в следующем письме. А пока вот что — как можно быстрее пришлите план Вашей книги статей и вышедшую книгу о Фучике. Мне обещали включить Вашу книгу в план издательства «Прогресс», которое издаёт у нас зарубежную

литературу. Важнее им показалась книга статей, назовите её только так, чтобы — по возможности, конечно, — в заголовке стояло слово «эстетика».

Мы с Лидой обдумываем вопрос, не приехать ли нам как-нибудь отдыхать в Прагу. Кстати, Колар обещал мне даже выдать деньги-кроны, но и без этого люди, едущие по частному приглашению, хорошо обеспечиваются деньгами при отъезде из Москвы. В Праге, говорят, можно снять комнату в частном доме с благословения государства, а я в Ваших краях никогда не был. Что Вы скажете на это? Если да, то пригласите ли Вы нас, и какое время лучше выбрать для такого путешествия?

На этом пока прерываю мои коммуникации. Будьте здоровы, остатки здоровья можно хорошо закрепить на многие и многие годы — будьте только осторожны в расходовании наличных средств природы! Я считаю, что это Ваш долг — в том числе и передо мной, ведь Ваши силы необходимы и для меня, не так ли?

Кланяемся Вере и надеемся на близкую встречу, сначала у нас, потом у Вас.

Ваш

15 января 1974 г.

Дорогой Владимир!

Давно Вам не писал, так как мой конвейер становится всё более и более текучим. Но не буду жаловаться — может быть, сам виноват, а может быть, разнообразие моих работ и обязанностей требует другого

порядка жизни, создать который я для себя не в силах. Вот мой покойный друг, дядя Юри, всё успевал. Правда — не завидую переводчикам, которые сейчас должны перекладывать его на русский язык. Очень уж неаккуратно и мутно писал, а если хочешь избежать этого, становишься пожирателем собственного времени.

Мы, натурально, очень обрадовались, узнав о вашем намерении прибыть вдвоём весной в столицу нашей Родины. Будем вас ждать, а пока отправляемся в отпуск и едем далеко — в Азию. Я еду лечиться, а Л.Я. сопровождает меня, как жены декабристов сопровождали их в Сибирь. Поскольку весной Вы будете в Москве, мне, разумеется, в Прагу ехать нет никакого смысла; отложим это путешествие до другого времени. Что касается моей соотечественницы, некогда очень красивой девушки по имени Ира, то должен сообщить Вам, что она полная идиотка, и сожалею, что не имел возможности предупредить Вас об этом. Не принимайте её за типичную представительницу нашего женского пола и её благородного семейства. Это — исключение. Впрочем, мы с ней в добрых отношениях, которые скрашиваются воспоминаниями.

Вскоре должен выйти четвёртый том «Эстетики» Гегеля, и у меня будет для Вас экземпляр, но что касается третьего тома, то до сих пор мне не удалось найти его для Вас, хотя я предпринимал шаги для этого даже в издательстве, или, по-вашему, «накладательстве». К сожалению, нет даже на складе. У нас сейчас книжный бум, напоминающий то, что было вскоре после окончания войны, всё очень быстро раскупается.

В настоящее время я силюсь превратить ту грамоту об одном нашем искусствоведе, которую я Вам посылал, в статью под названием «В мире эстетики», часть

вторая. Хочу поместить её в журнале «Наш современник»[250]. Они немного заигрывают со мной, поскольку в лице западного модернизма у нас общий враг. Какова их позиция, Вы можете увидеть из забавной рецензии на моё сочинение «Искусство и современный мир» в их 12 номере (декабрь) за прошлый год[251]. Была ещё прекрасная рецензия в «Молодом коммунисте»[252]. А новые выходки Дымшица в «Вопросах литературы» Вы читали[253]? Сообщаю Вам также, что я стал присяжным участником «круглых столов» в журнале «Вопросы философии» (см. № 6 или 7 за прошлый год[254] и № 1 за текущий[255]). Одним словом, разменялся на медные пятаки.

В феврале должна выйти ещё наша с Л.Я. общая книжка «Незаменимая традиция»[256]. Я буду иметь для Вас экземпляр. Что касается моего соавтора, то есть Лиды, то она вышла на передовую в деле борьбы с модернизмом. Появилось новое издание сборника «Модернизм»[257], в котором помещены, кажется, четыре её статьи. Семья героев! А между тем всё идёт своим чередом.

Был у меня в гостях заведующий кафедрой эстетики Будапештского университета Золтаи, ученик Лукача. Он написал неплохую книгу, вышедшую на немецком языке, — «Этос и аффект. История философской музыкальной эстетики» (1970)[258]. У нас он прославился участием в университетской конференции по поводу Франкфуртской школы, и доклад его читали также на симпозиуме наших философов с чешскими, каковой недавно состоялся в Москве, но я в ней участия не принимал. А Франкфуртская школа у нас нынче в моде. Золтаи докладывал о Вальтере Беньямине, который, впрочем, ещё мало известен.

Ну, что ж — пора «закругляться». Я не сумел найти Вашего последнего письма (оно, конечно, сохранилось, но не попадается), поэтому, если у Вас были какие-нибудь практические вопросы, а я их забыл, то не сочтите за труд их повторить.

Низкий поклон Вере от нас обоих.

Обнимаю Вас и желаю здоровья

Ваш Мих. Лифшиц

24 апреля 1974 г.

Дорогой Владимир!

Давно Вам не писал в надежде, что Вы вот-вот приедете. Но время идёт, и Ваше прибытие, как видно, задерживается. Скорее всего, здесь элементарный бюрократизм, связанный с тем, что нет никаких сил, живо заинтересованных в Вашем приезде. Я в счёт не иду. Во-первых, влияние моё в Академии наук равно нулю, а тем более в той сфере, где я в служебном смысле не работаю. Во-вторых, если бы я пытался вмешаться в ход этих дел, то, безусловно, вышло бы хуже. Как в литературных институтах, так и в аппарате президиума я — персона нон грата. А если бы о моём желании увидеться с Вами проведал Дымшиц или Храпченко[259], то дело Ваше было бы табак. Боюсь, что и так без их участия в этом не обошлось. Но как можно предположить, дело это для них слишком мелкое, чтобы они предпринимали чрезвычайные меры. В конце концов, в качестве движущей силы остаётся только Ира[260], и она, кажется, нажимает, а женщина она, вообще говоря, пробойная.

Моя статья (продолжение «В мире эстетики») сдаётся только в набор с тем, чтобы появиться в августе. Речь идёт уже о серии статей. Но братья-славянофилы в организационном и техническом отношении стоят на уровне эпохи царя Алексея Михайловича, так что полной уверенности в том, что статья появится, у меня нет[261]. Нет также уверенности в том, что в случае появления это будет к лучшему. Многие молодые мои советчики умоляют меня не путаться с этой котерией*. Но так как противоположная не лучше, а журнал всё-таки государственный, советский, то попробуем. Риск, конечно, в том, что это послужит ещё одним поводом для запутывания голов. Ведь третьего не должно быть.

Что касается В.Б. Александрова, то его биографические данные содержатся в новом издании «Литературной энциклопедии»[262], а с Юрием Арсеньевичем Спасским дело обстоит хуже. Не исключено, что в отделе творческих кадров ССП есть о нём какие-то материалы. Но времени нет это изучать. Сам же я могу рассказать о нём только следующее. Он был старым революционером-эмигрантом, с какого времени примыкал к большевикам — не помню. Не был ли сначала левым эсэром, тоже сказать не могу. Участвовал в штурме Кремля в октябре 1917 г. Человек образованнейший, из выморочного, опустившегося дворянского рода. Помню, что рассказывал мне семейные истории, к сожалению, мною забытые, но хорошо помню, что щедринские «Господа Головлёвы» казались ему верным слепком с его фамилии. В двадцатых годах он занимался экономикой, так называемой

* Котерия (от *франц.* coterie) — кружок, сплочённая группа лиц, преследующих какие-либо своекорыстные цели.

тогда «экономической политикой» — я познакомился с ним по работе кафедры общественных наук Вхутеина. Во второй половине двадцатых годов Спасский был «проработанным» экономистом, так как его имя, рядом с именем другого экономиста — Богушевского[263], фигурировало в качестве примера защиты бухаринского лозунга: «Обогащайтесь!» по отношению к крестьянам. Но сам он относился к этому обвинению шутливо, полагая, что оно не основательно. Во всяком случае, такая неудача была одной из причин, толкнувших его в сторону занятий историей литературы. Я привлёк его к работе Института искусства и литературы Комакадемии, а позднее — секции литературы и искусства Института философии КА (после смерти Луначарского и слияния двух институтов)[264]. Позднее он преподавал в ГИТИСе (театральном институте) историю литературы. Библиография его, к сожалению, не собрана. Это был умный, тонкий человек, марксист-эпикуреец. Может быть, его уход в сторону от экономических занятий и осторожное, хотя и определённое участие в передовом литературном движении 30<-х> годов способствовали благополучному окончанию его жизненной карьеры, которое последовало уже во время войны. Последний раз я встретился с ним в ресторане Дома писателей примерно в 1943 г. Он был уже очень слаб, чему, увы, способствовала женитьба на молоденькой девице, слушательнице ГИТИСа. «Она такая милая», — сказал он мне голосом, звучавшим уже с того света.

Очень жалею, что не могу помочь Вам разысканием статей Спасского и более точных биографических данных. Я очень занят и от того, что безнадёжно перегружен срочной работой, занимаюсь иногда — по

закону обратных сил — отвлечёнными вопросами, вроде вопроса о происхождении ритма и прочих формальных закономерностей искусства. На днях я должен читать на тему об условности в Отделе культуры ЦК, прочёл уже на эту тему лекцию в Академии художеств. У нас здесь, как Вы знаете, полное засилье лживой эклектики, ведущей, по существу, к «конвергенции». Хотят отделаться от демократических и культурных требований, отдав на растерзание марксизм. В этом секрет Сучковых[265], Храпченко и всей компании, их необходимость. Пусть старый спор возобновится. На победу я не рассчитываю, но хотел бы воспользоваться положением в пользу того же марксизма. Дело в том, что ведь и отказаться от него нельзя, не можем — это было бы принятие программы Солженицыных и Сахаровых.

На этом закончу моё послание, ибо надеюсь всё же увидеть Вас в начале лета. А если Вы приедете, то напоминаю мою просьбу насчёт красок «Акрила». И ещё — это уже более доступно. У меня нет цветной бумаги цвета тёмной охры и умбры (или близких цветов). Но не надо так много, как в прошлый раз. Ещё прошу Вас привезти мне набор карандашей «Экспрессо» и коробку *резинок для снятия тушёвки* (пропитанных специальным составом, они выделываются у вас, а у нас их, к сожалению, теперь нет).

Наш с Л.Я. привет Вере. Надеюсь, что приезд Ваш скоро состоится. «Са ира!»

Ваш Мих. Лифшиц

28 июля 1974 г.
Москва — Успенское

Дорогой Владимир!

Я послал новую книжку Вам первому — должно быть, не дошла. Отправил вторую (всё заказной бандеролью, eingeschrieben*), но уже после того, как отправил, сделал открытие — оказывается, Вы втихомолку переменили адрес, цифры совсем другие. Может быть, поэтому и не доходит? Ради бога, черкните, получена ли вторая книжка.

Надеюсь, что Вы здоровы и, хотя потерпели поражение с Вашей поездкой в Москву, но не теряете из-за этого доброго расположения духа. Я вот тоже не могу одобрить всё, что со мной случается, но, по правде, большую часть вины должен взять на себя. Из моих походов против модернизации марксизма мало что получается, а между тем я убил на эти потуги целый год, вместо того, чтобы поехать лечиться, как предполагал. И продолжаю в том же духе, без всякого расчёта и смысла, а главное — без отдыха. Второго такого дурака трудно найти в наших широтах (насчёт Африки не скажу, не знаю). Чем сейчас занимаюсь, тоже писать не буду, чтобы не сглазить. Это у меня запросто бывает.

Во всяком случае — август я в Москве, сентябрь, наверно, тоже. Пишите! Надеюсь, что приедете в будущем году. К великому сожалению, я ничем не мог Вам посодействовать, а может быть, и, помимо моей воли, даже помешал.

Л.Я. сейчас в ГДР, приедет в начале августа. У нас мокрое лето. Не задумал ли господь бог новый потоп?

* Заказной, зарегистрированной (*нем.*).

Что касается Ваших дел в Москве, то простите, что я так мало мог сделать — сейчас летний период, не торопятся, в разъездах. Поэтому общие слова остаются словами. Надеюсь, однако, что в следующем письме я сумею сказать Вам что-то определённое.

Вы не можете себе представить, в каком конвейере неотложных дел я живу. На письма, видите, не отвечаю. Фридлендер[266] и Македонов[267] прислали мне разгромные «внутренние рецензии» на нашу «Традицию»[268]. Более простому народу нравится, ленинградская интеллигенция кривит рожу. Ох, надоела мне эта публика, но их не тронь. Должен был сдать в Гослит сборник статей и не сдал из-за отсутствия времени.

Извините за беспорядочное письмо.

Большой привет Вере.

Обнимаю. Ваш М. Л.

4 октября 1974 г.

Дорогой Владимир!

Из Вашего письма я узнал, что за мною большой эпистолярный долг. Это в самом деле нехорошо, но так как я уже давно объявил себя злостным банкротом, то взять с меня больше, чем тридцать копеек с рубля, нельзя. Большое спасибо за Ваши труды по распространению истины, согласно которой «Алла иль Алла, Мухамед рассуль Алла». Я получил из пражского «накладательства», что по-русски звучит очень смешно, два экземпляра моей книги и чувствую себя именинником[269]. Вчера мне сообщили (из соответствующей официальной инстанции), что итальян-

ское издательство «Эйнауди» просит разрешения издать мою большую статью о мифологии, которая Вам известна. Таким образом, есть основание думать, что через некоторое время моя известность достигнет уровня Ойзермана[270] или Сучкова. В книге, изданной пражским издательством, меня особенно порадовала статья о Мариэтте Шагиняновой*. Посмотрим, какое впечатление она произведёт, особенно на оригинал. Надеюсь, что благоприятное.

Что касается Ваших издательских дел в Москве, то в издательстве «Прогресс» Вас победила необходимость издать Штолла[271] — Вы, конечно, понимаете, что шансы неравные. Приходится довольствоваться тем, что Вы будете в пятилетнем плане, который теперь составляется. В издательстве «Искусство» мне все обещают, но так как у меня кадров нет, то обещания пока остаются на бумаге, а жаловаться на то, что «зажимают чешского академика», у нас слишком далеко. Так что получилось «накладательство» в русском смысле этого слова. Но если у Вас есть что-нибудь готовое, Вы мне пришлите для сборника Академии художеств, в котором будут и общие вопросы. Это уже, мне кажется, можно обеспечить. Чем «идеологичнее» будет этот материал, тем лучше, не понимая это, конечно, в слишком прямолинейном смысле слова.

Вы видите, что мой электромагнитный потенциал меньше Вашего. Но ведь и поле более широкое. Отчаиваться не будем, дело всё-таки пойдёт, хотя и с некоторым замедлением.

Что касается моих дел, то они подвигаются медленно, единственно по моей собственной вине. Я не в силах подготовить к печати то, что от меня требуется.

* Именно так написано в письме Мих. Лифшица.

Статью о «Человеке тридцатых годов» я ещё не переделал, но не ждите от неё слишком большого — название шире содержания, или, вернее, его нужно понимать буквально — об одном человеке тридцатых годов[272]. Этим летом мне пришлось заниматься Гегелем для участия в международном конгрессе. А так как всякое такое дело вырастает у меня во что-то громоздкое по материалу, хотя и краткое по изложению, то я целиком отключился от всего остального. Доклад я сделал и перевёл его сам на немецкий язык. Слушали хорошо, но для печати его необходимо немного расширить, и это тоже оказалось обманчиво, как всё у меня; скажем прямо, я приготовил материал для целой книги, а напишу всего страниц двадцать-тридцать. Остальное (из материалов) завещаю Вам, постарайтесь быть здоровым и крепким, чтобы иметь возможность издавать моё литературное наследство — больше я никого вокруг себя не вижу. Соприкасания с людьми, конечно, есть, особенно хорош один мальчик лет 25–27[273], но в большинстве это соприкасания и только, с одной какой-то стороны. Так что Вы у меня — единственный прямой наследник пророка, да святится имя его. Хотел бы я иметь небольшую часть той веры в важность моих писаний, которая есть у Вас. Гёте где-то хорошо сказал — о заблуждениях можно болтать без конца, что же касается истины, то нужно её выразить тотчас же, как только что-нибудь понял, иначе всё это остывает, исчезает бесследно. Так что всё это в прошлом — что не сделано вовремя, то уже не восстановишь.

Я очень схожусь с Вами в оценке Воровского[274] — он действительно полностью ещё далеко не понят, не оценён. По всей вероятности, именно потому, что всё у него — по поводу, всё публицистика, за которой, ко-

нечно, стоит нечто большее, глубокое миропонимание. Это — оригинальный марксист, что не так часто бывает.

У нас с Лидой есть план поехать вскоре отдохнуть в Венгрию. Приглашение, которое мы получили, уже оформлено, остаётся только разделаться с неотложными делами. Среди них — сильная боль в ногах, но надеюсь, что это болезнь конъюнктурная, а не структурная. Хуже с глазами, но на операцию по поводу катаракты я пока ещё не решился, не знаю, что выбрать, у кого делать. Есть осложняющие обстоятельства. А пока ни черта не вижу. Живу больше по догадке, чем согласно чувству зрения, которое, как известно, необходимо даже для ума. Лучше бы мне оглохнуть — тут ещё был бы шанс, что я напишу Девятую симфонию. Но нет, слышу я очень хорошо —

И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье,

поэтому надежды на совершенное музыкальное творчество никакой нет.

Обнимаю Вас, шлю низкий поклон Вере. Л.Я. передаёт вам обоим привет, и мы надеемся, что весной вы приедете в Москву.

Ваш искренний друг Мих. Лифшиц

23 ноября 1974 г.
Будапешт
<открытка>

Дорогой Владимир!

Привет из Будапешта. Не знаю, был ли у Вас мой сын, может быть, ещё появится. Сообщаю Вам, что «Прогресс» и «Искусство» включили Ваши работы в свой план. На «Искусство» я буду нажимать, что касается «Прогресса» — пусть действует Колар. Мы здесь с Л.Я. уже 2 недели, но пробудем до середины января, так как мне будут делать здесь операцию по глазам. Надеюсь, что прозрею, ибо в настоящее время правым глазом совсем ничего не вижу. Отношение Ваше ко мне более чем дружеское. Книжку дописал. Желаю Вам здоровья и большой привет Вере от меня и Л.Я.
Ваш Мих. Лифшиц

Письма Мих. Лифшица
В. Арсланову

1968–1978

Арсланов Виктор Григорьевич (р. 1947), кандидат философских наук, доктор искусствоведения, профессор. Ведущий научный сотрудник НИИ Российской академии художеств.

В. Арслановым были составлены и опубликованы книги из архивного наследия Мих. Лифшица: Очерки русской культуры. Из неизданного (1995); Диалог с Эвальдом Ильенковым. Проблема идеального (2003); Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина» (2004); Либерализм и демократия. Философские памфлеты (2007); Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика (2009); Varia (2010); Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка (2011).

Из 34 писем, посланных Мих. Лифшицем В. Арсланову, публикуются 23. Опущенные в данном издании письма отражают главным образом проблемы, связанные с защитой Арслановым кандидатской диссертации и его переездом в Москву.

6 марта 1968 г.

Дорогой Виктор!

К сожалению, не могу Вам ответить таким же подробным письмом[275]. Не потому, что теплота Вашего не дошла до меня, а просто потому, что не могу. Мне очень понятно, что Ваш путь к марксизму был, может быть, более труден, чем у какого-нибудь молодого человека за рубежом, и очень труден будет Ваш путь впереди. Самое трудное состоит в том, что Ваши товарищи, люди одного с Вами поколения не поймут Вас или, во всяком случае, могут не понять. В наши дни человеку нашего с Вами мировоззрения нужно решиться на известную дозу христианской самоотверженности: «Прости им, господи, ибо не ведают, что творят». Конечно, есть и другая сторона дела. Один мой друг, умный человек, утверждает[276], что у него другая молитва: «Не прощай им, господи, ибо ведают, что творят». И это тоже справедливо, как и первое. Решать же приходится по ходу дела, в меру той изогнутости, которую в данный момент и в данном конкретном случае принимает эта кривая.

Я верю в то, что такие люди, как Вы, — посев нового поколения, начало движения всего потока в другую сторону. Когда Вы будете в Москве и навестите меня, я расскажу Вам что-нибудь из прошлого марксистской мысли в нашей стране. Пока же советую Вам приобрести себе хороший базис марксистской культуры, захватывая её более широко, чем то, что кажется нужным для литературы и эстетики. В особенности необходимо хорошо знать Ленина и приучить себя к тому, что теория величайшей ценности заложена здесь в самой «невидной», практической форме. Я надеюсь,

что теоретическим снобом (их сейчас немало среди молодых людей, даже считающих себя марксистами) Вы не будете.

На Кафку я не покушаюсь, о модернизме поговорить ещё успеем[277]. Посылаю Вам книжку, написанную мною совместно с Лидией Яковлевной[278], сборник статей[279]. Не знаю, дошла ли она до Барнаула и можно ли было у вас её купить.

Учитесь, пока есть возможность, не надо нервничать, наше будущее требует людей, способных бороться с потоком обывательского сознания, заливающего сейчас весь мир. Конечно, под именем теории я понимаю не модничанье учёной «элиты» — Вам предстоит найти концы разорванной нити, а случаи для этого представятся.

Ваш Мих. Лифшиц

19 апреля 1968 г.

Дорогой Виктор!

Сообщите, пожалуйста, получена ли Вами книжка «Кризис безобразия», посланная мною Вам заказной бандеролью.

С тов. приветом

Мих. Лифшиц

29 мая 1968 г.

Дорогой Виктор!

Спасибо за обстоятельное письмо от 3.V.68. К сожалению, я не могу Вам ответить с такой же обстоятельностью — у меня, как Вы понимаете, гораздо меньше времени сейчас и впереди, чем у Вас. Более точно выражаясь, мне приходится туго под бременем всякой спешки и прочих хлопот да беспокойств, связанных с моим возрастом. Одних только смертей и болезней вокруг слишком много. Надеюсь, что Вы будете потому ко мне снисходительны.

Я напишу Вам только несколько строк нравоучительного характера, что также свойственно людям известного возрастного ценза. Во-первых, старайтесь не выделяться из общей среды, ибо этого не прощают, да и мудрость, не только житейская, говорит нам, что нужно быть таким же, как все. Вот из такого самоограничения и может выйти что-то серьёзное. Перед Вами громадная работа, изучение Маркса и Ленина — это даст Вам и самоудовлетворение, и пользу, которая достигается без эффекта и без особой демонстрации своего отношения к этой цели. Во-вторых, мне кажется, что Вам следует избегать того, что может дать злонамеренным людям повод обвинить Вас в кружковщине[280] и других подобных грехах. Нравы эти известны, они везде одинаковы, но особенно опасны в провинции. Не связывайтесь с начальством Вашего института, деканом и прочими. По-моему, Ваша задача сейчас — учиться, а за шишками охотиться не надо, их Вам достанется ещё много. Впрочем, если мои советы покажутся Вам мещанством, то поступайте по своей совести.

С товарищеским приветом

Мих. Лифшиц

31 декабря 1968 г.

Дорогой Виктор[281]!

Я был в отпуске, а после этого имел слишком много работы и мало сил, чтобы ответить на Ваше письмо. Всю переписку вообще запустил. Не обижайтесь.

В том, что Вы пишете, есть много верного[282]; стоите Вы, как мне кажется, на хорошем пути. Чем бы Вы ни стали заниматься — тема всё равно будет одна. Я желаю Вам всяческих успехов и надеюсь, что мне ещё удастся быть их живым свидетелем.

К сожалению, ответить на Ваше письмо более подробно мне не удастся, хотя это не значит, что я забыл Вас или отношусь к Вам невнимательно. Просто между улицей Строителей[283] и Тёмным переулком в Иваново физически слишком большое расстояние, а живём мы не в XVIII веке, когда люди имели время писать друг другу длинные письма. Вы, впрочем, пишите мне подробно, как это позволяют Вам Ваши обстоятельства, но не обижайтесь, если мои ответы будут кратки. Не пишите только так лихо, как в некоторых местах Вашего последнего письма.

Итак, дорогой Виктор, желаю Вам в наступающем году нового счастья и радости от своего развития, творческого труда, что, кажется, одна из больших, если не самая большая радость, доступная человеку. Л.Я. кланяется Вам.

Передайте, пожалуйста, наши поздравления и лучшие пожелания жене. Будьте счастливы и благополучны.

Ваш

Мих. Лифшиц

7 марта 1969 г.

Дорогой Виктор!

Поздравляю Вашу жену и Вас с большим праздником всего человеческого рода. Спасибо за добрые слова, они всегда служат утешением, но особенно в те минуты, когда кажется, что живёшь глупо. Труда слишком много (а слишком тоже не хорошо), и направляется он на вещи ничтожные или очень малые. Но сие от нас не зависит.

Благодарю за книгу[284]. Она у меня, впрочем, уже есть — подарил Сац. Если понадобится, присланная мне хранится для Вас.

Будьте здоровы и счастливы

Ваш М. Л.

8 мая 1969 г.

<телеграмма>

Дорогой Виктор!

Поздравляю Вас с Днём Победы. Передайте, пожалуйста, поздравления и лучшие пожелания Вашей жене от меня и Л.Я.

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. А в письмах всё-таки не шалите[285].

14 января 1970 г.

Дорогой Виктор!

Спасибо за поздравление[286] и за большое письмо. К сожалению, ответить на него я не могу — нет времени совершенно. Мы с Л.Я. после большого аврала едем в отпуск. Через несколько дней — иншаллах — я буду уже в Кисловодске. Что касается Ваших идей, то работайте! Но не торопитесь делать выводы, чтобы не говорить банальности, которые часто кажутся нам нашим оригинальным открытием. Время у Вас есть. Мы с Л.Я. желаем Вам и Вашей жене наилучшего 1970-го года.

Salut!

Ваш М. Л.

12 сентября 1970 г.

Дорогой Виктор!

Спасибо за поздравительную телеграмму[287] и за письмо. Прошу извинения — ответить вовремя не мог, не имел физической возможности. Тем более что Вы оставили мне Вашу работу[288], которую я всё собирался прочесть. Наконец, мне удалось взять её в руки, и теперь я могу дать Вам отчёт о моём впечатлении.

Её можно рассматривать как ступень в Вашем личном теоретическом развитии, как документ этого развития. В ней много хорошего: и порядочное уже знание Маркса, и широкая картина чтения разных книг, старых и новых, и общее направление мысли в самую лучшую сторону... Всё это несомненно. Однако я

живо представляю себе физиономию того рецензента из кафедры основ марксизма, который оставил на полях Вашей рукописи свои следы красным карандашом. Конечно, он — дуб, но, как это ни странно Вам будет узнать от человека, которому не раз приходилось выслушивать «суд глупца»[289], — дубовая изгородь не всегда только мешает свободному полёту мысли. Милый Виктор, церковные соборы решали, как надо писать лики святых, и отклонение от этих правил было ереси подобно. А между тем Вы, вероятно, как вся нынешняя интеллигенция, без ума от икон.

Могу только с отвращением вспоминать времена «четырёх черт диалектики»[290] и прочего в этом роде, но иногда я ясно ощущаю в себе большое преимущество по сравнению с нынешними манерными мальчиками — и это преимущество, по крайней мере отчасти, состоит в полученном мною «воспитании под Верденом»[291]. Боязнь ереси наносит несомненный ущерб свободной игре творческих сил, но дубовая ортодоксия есть всё же суррогат строгой мысли, а мысль должна быть строгой, а не только игра, пустое баловство, умственное почёсывание.

Отсюда следует не оправдание дубовой ограниченности, но призыв к разумному самоограничению действительным содержанием предмета, которое является важным элементом диалектики, как справедливо думали Гёте и Гегель. Вы помните новеллу Бальзака «Неведомый шедевр»? Свободный от необходимости зарабатывать деньги своим искусством, Френхоффер впадает в полную неопределённость «художественных поисков» и создаёт нелепое произведение, которое представляется ему совершенством, Золя сделал из этой темы целый роман[292]. Но только ли деньги

играют такую роль? Нет, всякая внешняя граница, причиняя нам боль, является (по принципу «нет худа без добра») субституцией нашей собственной внутренней зрелости.

Вы сейчас находитесь в той стадии жизни, когда хочется что-нибудь открыть своё и притом свободное, вольное. Это хорошо. Что же плохо? То, что, например, Ваше открытие насчёт иррациональности искусства оказалось чем-то совсем не оригинальным — позднее Вы поймёте даже, в какой степени. Ваша последняя работа не содержит таких открытий, но в ней тоже есть элемент неоригинальной оригинальности. Вы открыли для себя «отчуждение». На Западе от него буквально стон стоит. Да и у нас Давыдовы, Шрагины, Пажитновы[293] и прочие, имя же им легион, уже прожужжали публике уши своей борьбой против отчуждения и разделения труда. В связи с этим они то отменяли искусство, то возрождали его, и так далее. В таких конструкциях есть какая-то фальшь, и Вы её, несомненно, почувствуете.

Не потому, что основная мысль ложна — нет, она совершенно справедлива. Но ложной может быть не только мысль. Абстрактность формы делает мысль ложной. Возьмите пример из Вашей собственной рукописи. Вы всё время противопоставляете два начала — отчуждение и борьбу против него творческих Дон-Кихотов. Но, милый Виктор, главный недостаток принятой в настоящее время марксологической теории отчуждения состоит именно в том, что она излагает не идею Маркса, а идею его противников. В самом деле — что такое «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса, если не полемика против творческого самосознания немецких философов, философских

Дон-Кихотов, которые возвели свой конфликт с «отчуждением» или «субстанцией» в принцип?

Особенность марксовской точки зрения состояла в том, что он привёл «элитарный» нонконформизм братьев Бауэр и Штирнера к его реальной основе — анархическому сознанию взбунтовавшегося мелкого буржуа, немецкого обывателя, парвеню[294], «чумазого»[295]. Удивительно, что эта суть полемики Маркса до сих пор не понята. Другими словами, ультралевые восстания творческого меньшинства против однообразия отчуждённого мира и даже против его «буржуазности» в *идейном отношении* враждебны марксизму. Здесь, может быть, таится самый опасный враг его, ибо из этого источника получается в дальнейшем всё, до дубовой ортодоксии включительно. В своей плебейской форме отчуждённый бунт против отчуждения может принять и более страшный облик.

Поэтому мне больше всего понравилось то место в Вашей статье (имеющее, однако, вид оговорки), где Вы указываете на то, что чрезмерное отрицание «отчуждения» — тоже не выход. Применить эту мысль ко всему материалу Вашей работы Вы не могли — не хватило конкретно-выработанной системы диалектических понятий. Это нелегко и сейчас Вам не может быть доступно. Мне кажется, что при нынешнем Вашем знании экономических трудов Маркса Вам просто необходимо обратиться к Ленину, читая его том за томом и придавая своему уму шлифовку конкретной мысли.

Возвращаясь к исходному пункту, ещё раз хочу повторить, что мой строгий разбор не отменяет Ваших успехов в обретении теоретической мудрости. Не вдавайтесь только, ради бога, в самоудовлетворение, не

торопитесь с обнародованием своих открытий, приучите себя к сдержанности — потому что всё должно получить адекватную форму. Меня часто упрекали в избытке подобной сдержанности, но я не жалею о ней, хотя это создало мне странное положение — мне часто противопоставляют моих же собственных учеников или спутников, которые пользовались моими идеями с моего согласия или без него, но далеко не всегда с реальным успехом. Меня раздражало в этом хищническое обращение с мыслью, отсутствие собственной разработки частностей, живого, конкретного материала. Ибо только в работе над специальной темой можно сделать что-нибудь реальное, и это полезно даже для общего мировоззрения. Самые лучшие концепции, изложенные в неадекватной и потому часто сомнительной форме, производят на меня отталкивающее впечатление.

Всё это я говорю для того, чтобы посоветовать Вам уже сейчас приниматься за какое-нибудь конкретное, за историческое исследование, за частную тему и, притом — не из самых философских, всеохватывающих тем. Обработка нового материала — лучшая школа. Нужно писать так, чтобы концы идей не торчали грубо во все стороны и чтобы мысль чувствовалась только в движении самого материала. Поверьте, что это и с точки зрения Ваших успехов в жизни будет наилучшим путём.

Однако время кончать. Энергия, почерпнутая из чашки чёрного кофе, приходит к концу, а дел ещё много. Сегодня пишу письма. Желаю здоровья и всяких радостей Вам, жене Вашей и всему семейству.

Привет от Л.Я.

Ваш <письмо без подписи, было передано лично в руки В. Арсланову, а не послано по почте>

26 декабря 1970 г.
<телеграмма>

Дорогой Виктор!

Сердечно поздравляю с Новым годом, желаю здоровья, счастья, успехов! Ваше пожелание насчёт московской аспирантуры[296] принято во внимание.

М. Л.

Привет от меня и Л.Я. Вашей жене. Будьте здоровы и счастливы.

4 июля 1971 г.

Дорогой Виктор!

Извините, что сразу не ответил на Ваше письмо, но так как Вы — и, кажется, справедливо — решили остаться на месте, то спешить с ответом было нечего. Если я не ошибаюсь, аспиранты имеют право проводить некоторое время в московских библиотеках. Вот этого права Вы должны добиться. Что касается общества здешних молодых людей, то большого обогащения от них Вы не получите. Все они пишут «опровержение Корана». Под таким названием в Риме, центре католического богословия, был когда-то издан Коран[297].

Впрочем, и наставники хороши. Недавно я (по глупости, конечно) вступил в спор с Ойзерманом, который процвёл в период 1946–1953 гг., а теперь большой либерал[298]. Он укорял меня за непризнание заслуг неопозитивизма. «Ленин и Плеханов писали давно». Я сказал ему, что Маркс и Энгельс писали ещё раньше. Но их не убедишь, потому что дело не

в идеях. Сикофанты[299] каждого времени имеют свой код, свои масонские знаки, объединяющие их. А где речь идёт об интересах, там спорить нечего. Недавно, впрочем, я совершил один умный поступок (на моём счету их не так много). Придя на совещание в редакцию одного печатного органа и увидя разные хари, я сказал себе словами Белинского — «умный человек не ходит в кабак проповедовать трезвость»[300]. После чего и ушёл.

Я рад, что Вы так хорошо вработались в Ленина. Если в качестве параллели Вы станете так же, том за томом, читать собрание сочинений Плеханова, у Вас будет превосходная школа, которая даст Вам громадное преимущество над многими Вашими современниками. Но «умножающий знания, умножает и скорбь»[301]. В связи с Вашими новыми планами хочу напомнить Вам также приведённые слова Белинского.

Лукач умер, и я почти осиротел[302]. Из старых друзей у меня остался один Сац[303]. С Твардовским я был близок уже после распада старого «течения», вернее, после того, как сие «течение» по независящим обстоятельствам прекратило течение своё...[304] Но и Твардовский умирает[305]. Недавно был у него и плакал потом как ребёнок.

Лукач умер, однако влияние его повсюду очень выросло за последние годы. Мировой отклик на смерть этого замечательного человека был громадным. Я рад, что Вы уже овладели немецким языком и можете читать его весьма учёно изложенные труды. Читали ли Вы то, что опубликовано на русском языке? У Лукача были два прекрасных этюда о Марксе, перепечатанные в его книге «Марксизм и литературные теории

XIX века»[306]. Кроме того, у него вышел в 1939 г. очень хороший сборник статей «К истории реализма»[307].

Поздравляю Вас с новосельем. Желаю Вам и всей Вашей семье здоровья и счастья.

Ваш

Мих. Лифшиц

9 декабря 1971 г.

Дорогой Виктор!

К сожалению, мне в полном смысле этого слова некогда Вам писать, а тем более составлять библиографию[308].

Могу сказать только, что «ложное сознание» занимало внимание Лукача. В двадцатых годах в «Под знаменем марксизма»[309] была переведена часть его книги «История и классовое сознание»[310]. Конечно, он сам считал это произведение устаревшим и во многом неправильным (см. предисловие к последнему изданию «Geschichte und Klassenbewusstsein», 1968). Литература на эту тему огромна — в частности, литература т<ак> наз<ываемой> Франкфуртской школы. Для начала см. антологию Ideologie, Ideologiekritik und Wissenssoziologie. Hrsgb. von Kurt Lenk, 1961. 2 Aufl. 1964. Сообщаю Вам название статьи, которая, возможно, содержит что-нибудь последнее: Gerhard Funke, Gutes Gewissen, Falsches Bewusstsein, Richtende Vernunft в Zeitschrift fuer philosophische Forschung, Bd. 25, Heft 2, 1971.

Классическая литература: «Немецкая идеология», «Что делать?» Есть у нас какой-то сборник «Социоло-

гия и идеология», но что там — не знаю. Нужно Вам, наверное, просмотреть каталог диссертаций на тему «Идеология».

Привет жене

Мих. Лифшиц

18 марта 1973 г.

Дорогой Виктор!

Статью[311] Вашу прочёл. Она написана «густо», как говорил Твардовский, мысли хороши и верны. Но, с точки зрения дуралеев, сидящих в редакции[312], а, м<ожет> б<ыть>, и по существу дела, имеются некоторые недостатки изложения, кот<орые> могут выглядеть как основание для самого простого из всех ответов. Поэтому я должен кое-что исправить[313]. Если Вы мне полномочия даёте, то, по исправлении, я Вам, конечно, статью отошлю на окончат<ельную> резолюцию и для того, чтобы правка была Ваша. Отмечаю прежде всего — пришлите 18 стр., кот<орую> Вы забыли вложить.

Спасибо за письмо с высокой оценкой моих трудов, кот<орые>, разумеется, слишком абстрактны, но другой возможности не вижу, и если кто-нибудь скажет конкретнее, то я тотчас же буду его цитировать.

Ваш М. Л.

Большой привет от Л.Я. Кланяйтесь, пожалуйста, жене.

21 января 1974 г.

Дорогой Виктор!

К сожалению, дело с «Философскими науками» окончилось неудачно — вот видите, какой я оказался немощный. Но я договорился с редакцией журнала «Наш современник»[314]. Они заинтересованы в Вашем сотрудничестве[315] по вопросам критики буржуазной идеологии вообще. Но тут нужно всё сделать иначе — нужно написать просто, ясно, всё рассказать, всё объяснить, предполагая неосведомлённость читателя. Отвечайте быстро, лучше по телефону, а то могу уехать.

Обнимаю Вас, привет семье.

Ваш М. Л.

4 марта 1974 г.

Дорогой Виктор!

Поздравляю Вашу жену, имя которой Вы мне, увы, не сказали, с международным женским праздником. Поздравляю заодно и Вас — насчёт одной из Ваших статей Вы должны были уже получить известие от редакции[316]. Насчёт второй дело будет выяснено в ближайшее время. Содержание не дурно. Остальное при личной встрече.

Привет от Л.Я., благодарит за поздравление.

Ваш М. Л.

5 мая 1974 г.

Дорогой Виктор!

Все перечисленные Вами работы Гегеля у меня есть, но System der Sittlichkeit есть в издании 80-х гг. прошлого века, а говорят, что из неё что-то ушло в другие произведения ранних лет при новом издании[317]. Поэтому я просил бы Вас всё-таки книгу прислать (не в подарок, я потом её Вам верну).

Надеюсь, что у Вас всё в порядке. Привет от Л.Я.

Ваш Мих. Лифшиц.

7 июня 1974 г.

Дорогой Виктор!

Весьма печально, что так получилось с Вашими статьями. Боюсь, что мой союз со славянофилами[318] закончится тем же — всё одна вошь. Можете утешить себя тем, что Замошкина выгнали из «Вопросов». Будет ли лучше? Я рекомендовал Вас в качестве автора в «Молодую гвардию»[319]. Попробуйте с ними. Кроме того, произвёл какие-то действия с целью передвижения Вас[320], хотя и не знаю, хотите ли. Но до дела ещё далеко.

Поскольку статья о Франкфурт<ской> школе не напечатана, значит ли это, что защита затягивается? Я очень рад, что параллельно с Вашими общими занятиями Вы будете уделять время эстетике[321]. Тут мы Вас быстро притянем к делу. Таковы возможности, и с ними нужно считаться. Но это ещё не так худо. Пишите о Гегеле — тоже красиво. Жаль, что Вы не близко. Вы бы мне помогали.

Привет жене и дочери от меня и Л.Я.

Ваш Мих. Лифшиц

[без даты]

Дорогой Виктор!

Спасибо за поздравление. Мы с Л.Я. в свою очередь желаем Вам и Вашему семейству всего наилучшего. Будьте здоровы и счастливы. Я не был в Москве целый месяц, но целый же месяц и сидел за машинкой, а всё не кончил свой запечатленный труд[322] и живу, как обычно, под давлением в тысячу атмосфер. Как дела с защитой? Между прочим, получил я из Германии «Эстетическую теорию» Адорно[323]. Ну и чтение! Но если бы сказать проще, то и «теории» бы не было. Однако человек образованный и весь в оттенках, иногда неясных, должно быть, ему самому. Должен бесконечно нравиться нашим засранцам.

Всего доброго. Ваш Мих. Лифшиц

1 апреля 1976 г.

Дорогой Витя!

Поздравляю Вас пока только с первым шагом к цели[324]. Не сомневаюсь в том, что Вы оправдаете мою веру в Вас, а что касается благодарностей, то давайте эти слова исключим из нашего обихода. О потоке жизни, весьма однообразном, поговорим, когда приедете. Начинается весна, она исполнила своё обещание: «ще вернется весна». Дальше идут у Шевченко грустные строки о молодости, которые я не хочу Вам эгоистически совать в нос. Старые воображают, что их вздохи должны быть другим интересны, а раньше, небось, сами смотрели на это вчуже весьма объективно. Лидия Яковлевна тоже рада за Вас. Привет семье. Ваш М. Л.

16 ноября 1976 г.

Дорогой Витя!

Извините, что до сих пор не ответил на Ваши письма. Они получены мною задним числом — ведь я был в санатории. К сожалению, Сибиряков отвечал нам и продолжает отвечать в том же роде, что и Вам. Главный[325] *за*, но повыше сомневаются в необходимости расширения моск<овской> эстетики[326]. Хлопоты продолжаются. К сожалению, я тут бессилен, но думаю, что толцыте и отверзется[327]. Нам бы этого, конечно, очень хотелось, А иначе — кто же будет снимать Л.Я. чемоданы? Что касается меня, то, судя по всему, я от этого дела отставлен. Меня продолжают держать на бюллетене в соответствии с моей стенокардией и кардиограммой. Надеюсь, что это не сказка про белого бычка; в крайнем случае перейду на положение Николая Островского. Я немного работаю на издательства; но больше читаю — Декарта, Спинозу и т<ому> под<обных> авторов, не членов Союза писателей. Общие мои дела развиваются по принципу «шаг вперёд, два шага назад», но я к этому уже давно привык. А теперь, когда я принимаю два снотворных и запиваю одним успокаивающим, мне вообще море по колено.

Кланяйтесь Вашей милой Анечке, Вашим сёстрам, Вашей belle-mere* и Вашей дочери. Салют!

М. Л.

* Тёща (*франц.*).

19 мая 1977 г.

Дорогой Витя!

Дела обстоят так. По мнению Кеменова, для Комитета по делам печати или для нашего института[328] Вам всё равно не миновать характеристики — так что придётся рискнуть. Конкурс же он считает более благонадёжным средством, чем различные операции с кадрами Комитета, которые я предлагал. Уверяет, что Академия с помощью нашего Президента Томского будет настойчиво хлопотать о прописке. Он проявляет себя *заинтересованным*, но насколько хлопоты, о которых идёт речь, возымеют силу, сказать не могу. Сейчас будут объявлять о конкурсе, и, по их предположениям, напечатание в газете и сам конкурс падёт на послелетние месяцы. О внутреннем деле Академии нам беспокоиться нечего[329], это будет в порядке. Удастся ли внешняя акция, гарантии дать не могу, но будем стараться.

Я завтра еду в санаторий, последствия последнего приступа почти прошли — остальное в руце божией. Буду в Москве в середине июня и тогда выясню, как идут дела. До этого времени, думаю, Вам ещё беспокоиться нечего.

Привет Ане и всей семье.

Ваш

Мих. Лифшиц.

23 декабря 1977 г.

Дорогой Виктор!

Мы с Лидией Яковлевной искренне поздравляем Вас и всю Вашу фамилию с Новым годом. Надеемся, что для Вас он будет благополучен и благоприятен. Что касается конкурса, то он ещё не проводился[330]. Очевидно, будет перенесён на начало нового года.

С этой точки зрения позиции у Вас крепкие, но как пойдёт дальнейшее «перебазирование», ручательство дать не могу. Надеюсь поэтому, что тыл Ваш будет обеспечен переходом в область химии[331]. Преподавание, конечно, — адов труд, хотя я всю жизнь старался преподавать, потому что связывать свою научную работу с безумными планами и сроками, которые образуют главное содержание жизни всяких научных институций — это ужасно! Но у меня к этому особая идиосинкразия, и не стану распространять действие её на других. В моей жизни было громадное количество слушателей самых различных специальностей и занятий, и были всегда с ними длительные дружеские отношения, но где всё это, где эти люди!? Устное слово божие уходит в песок, а если и остаётся какой-то след, то поручиться за его глубину нельзя, поэтому будем стараться сделать всё возможное, чтобы облегчить Вам переход на научную работу. В наступающем году желаю Вам новых успехов и самого лучшего будущего!

Ваш

<В конце письма от руки:> Дорогие Аня и Виктор, Михаил Александрович 23-го лёг в больницу[332] и не успел подписать письмо. Отправляю его без подписи. Поздравляю с Новым годом. Самые лучшие пожелания!

Ваша Лидия Рейнгардт.

16 апреля 1978 г.

Дорогой Витя!

Статья Ваша пригодится[333]. Но — не скрою — придётся сильно редактировать. Надобно мне отучить Вас от подражания моей малости. Выработайте собственную схему изложения — с установкой на полную ясность, договорённость всего до конца (не жалея слов на повторения), без тропизмов и намёков. В таком жанре не получается или становится хуже. По содержанию — не худо, изложение местами тоже достаточно гладко. Но в следующий раз — ещё усилие, ещё раз прописывайте, устраняя всякие неразжёванные куски, которые не лезут в рот.

Я постараюсь как-нибудь поладить с Вашей рукописью, а Вас прошу только дополнить её в двух, кажется, местах, где Вы в цитатах ставите /.../. Я принципиальный враг этих вошедших в обычай усечений приводимого текста, создающих впечатление «препарирования» его. Если почему-либо текст не лезет — прервите его кавычками и соедините <нрзб.> две цитаты своими словами.

Хорошо было бы в двух-трёх местах подтвердить для читателя приверженность этих господ-товарищей к авангардизму примером их вкуса (кроме Кафки, что достаточно ясно).

А в целом — спасибо за работу, статья очень уместная. Я постараюсь прибавить две-три фразы на тему de te fabula narrātur[334]. Привет Ане. О дальнейших делах сообщу после 19–20.IV. Ваш Мих. Лифшиц.

30 июня 1978 г.

Дорогой Витя!

Дубов[335] уже начал принимать дела и выразил желание — если Вы будете в Москве — встретиться с Вами. У него семь ставок, а кандидатов пока никаких, так что с этой точки зрения шансы есть.

Я Вам желаю всего наилучшего в сей бренной жизни. Привет Ане. У нас болезни — больше ничего достойного замечания.

Мих. Лифшиц

Письма Мих. Лифшица М. Михайлову

1973–1983

Михайлов (Пичужкин) Михаил Григорьевич (1922–1991) родился в Иркутской области в семье чекиста (отца расстреляли в 1941 г.). С 16 лет стал жить самостоятельно. Ушёл добровольцем на фронт, но в декабре 1941 г. был арестован как «сын врага народа». В лагере объявил голодовку и добился отправки на фронт. В 1947 г. демобилизовался. Работал в качестве литсотрудника, внештатного корреспондента, по договорам с различными областными и столичными газетами и журналами. Член Союза журналистов СССР (1960). С 1974 г. был лишён возможности печататься. Вынужденно переехал в Ульяновск. Работал в котельной Ульяновской областной больницы до перевода на инвалидность в связи с фронтовыми ранениями.

О знакомстве с Мих. Лифшицем рассказывают короткие воспоминания, написанные Михаилом Григорьевичем после смерти Лифшица по просьбе Л.Я. Рейнгардт, вдовы Михаила Александровича. Приводим эти воспоминания в качестве вступления к письмам.

В настоящем издании публикуются все сохранившиеся письма Лифшица Михайлову (31). Письма находятся в Архиве Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына и в Архиве РАН.

К публикации письма были подготовлены А.П. Ботвиным. Также он оказал помощь при подготовке примечаний и составлении биографической справки о М.Г. Михайлове.

Воспоминания М.Г. Михайлова о М.А. Лифшице

В начале октября 1983 года, возвращаясь через Москву домой, я, созвонившись с Лидией Яковлевной, зашёл к ней. Вся атмосфера вещей в квартире и состояние самой Лидии Яковлевны говорили, что новая жизнь — жизнь без Михаила Александровича — здесь ещё не началась. Не было уже жизни с ним, но ещё не было и жизни без него[336].

Лидия Яковлевна говорила тихо, будто опасаясь разбудить спящего больного. Она поила меня чаем и рассказывала об обстоятельствах смерти, провела в другую комнату, где на маленьком столике сняла белое покрывало, и я увидел маску, гипсовую маску. Почему-то эта голова мне показалась меньше действительной головы покойного. И уж совсем несвойственное ему, каким я его знал, — едва уловимый штришок обиды в уголках губ. А потом она провела меня в первую комнату и обратила внимание на то, чего я сам, увлёкшись чаем, не заметил: со стены, из портретной рамы смотрел на меня сплошным, яростным излучением молодости, лукавства, доброты и света живой Михаил Александрович, каким я его видел и знал. Я не мог оторваться от этого портрета, от этого свидания с живым в его лучшую минуту.

Оторвавшись, наконец, от портрета, отвернувшись от него, я опять упёрся взглядом в картины на противоположной стене. Меня и при первой встрече с М.А. удивило присутствие этих портретов и пейзажей на стене в квартире философа, но — «я люблю Вас за то, что Вы не задаёте вопросов», — говорил мне один писатель. Не задал тогда я вопроса и о картинах. А сейчас почему-то не мог не задать.

— Что это за картины, почему они здесь?

— Это работы Михаила Александровича.

Портрет молодого Твардовского, Маршака, портрет автора «Дикой собаки Динго»[337] и пейзажи.

Расспросив о моих делах, Л.Я., прощаясь со мной, отдала мне «на память» добротные валенки М.А. и так и не успевшую «побыть в деле», новую «спецодежду живописца» — чёрную куртку.

Да, существенным моментом нашей встречи была просьба Лидии Яковлевны сделать ей копии писем Мих. Ал. ко мне и написать свои воспоминания о нём[338].

Как свела меня судьба с ним?

Э.В. Ильенков, прочитав мою рукопись, сказал, что мне надо прочесть недавно вышедшую книгу Лифшица «Маркс об искусстве и общественном идеале»[339] и тогда, после прочтения, познакомиться с ним.

Я уехал к себе в Орёл, раздобыл книгу и ушёл в неё, буквально ушёл. Читал страшно медленно и потому довольно долго для этой не очень большой книги. Прочитав, написал ему письмо — не меньше 10 страниц. В ответ получил празднично-остроумное письмо на двух страницах, приглашавшее меня навестить автора. Письмо не сохранилось*, сейчас помню лишь некоторые фразы: о необходимости напряжённой работы по осмыслению действительности в её связи со всей культурой человечества, «чтобы всегда быть в состоянии готовности номер один». Я писал в первом письме, что читал книгу очень медленно, но зато продвинулся от своего первобытного состояния далеко вперёд, но что этого завоевания мне не удержать: жизнь давит в

* В настоящем издании это письмо (от 1 октября 1973 г.) печатается по черновику, обнаруженному в архиве М.А. Лифшица.

противоположном направлении, и я боюсь, что под её давлением не устою, «упаду назад». Он отвечал: «если Вы действительно продвинулись вперёд, то опасности упасть назад не существует. Судя по горячности Вашей головы, боюсь, как бы Вы не упали *вперёд*».

Я засел за статью «Социалистов великая ересь» (заглавие взято из Маяковского: «днесь сбывается небывалою былью социалистов великая ересь»[340]) и внутренне стал готовиться к встрече как к вступлению в новую жизнь, как к началу новой её страницы.

Недели через две — открытка от М.А. — ещё раз приглашает приехать. Не помню, ответил ли я, но выехать раньше окончания статьи не мог.

В Москву я поехал на неделю. Свидание было неприятным для меня. Прежде всего, тем, что М.А. принимал меня не один, а вместе с сорокалетним сыном своим от первого брака[341]. А во-вторых, — мне пришлось рассказать свою биографию, так сказать, подробно перечислить её факты — занятие для меня всегда тягостнейшее (из-за того, что биография моя — сплошная цепь тягостнейших фактов и результатов). Тягостное и какое-то (как мне показалось) кошмарно-отрезвляющее впечатление она произвела и на моих слушателей.

— Вы умудрились прожить жизнь, ничего не сделав для себя, — сказал М.А. после довольно долгого «всеобщего молчания».

Он забрал у меня рукопись и обещал возвратить через три дня (в рукописи было страниц 40 через один интервал).

Второе наше свидание (через три дня) уже не было для меня столь невыносимо-тягостным и неинтересным.

— Прочёл. Вы человек несомненно одарённый. По существу дела возразить написанному ничего не

могу. Хотя настроение у меня после её прочтения стало очень-очень грустным. Беспросветно-грустным. Но тут не Ваша вина. Просто Вы не позволяете своему читателю забывать о действительности такой, какова она есть.

Дальнейший разговор был более живым.

— Опасность для социализма Вы видите в том, что главным содержанием взаимоотношений внутри общества является жёсткая разделённость общества на управляющих и управляемых. Сообщаю: пропагандировать Вам эту идею никто не даст. Чтобы пропагандировать её, существует только одна возможность: нападать на эту идею в трудах Богданова. Но вряд ли Вас соблазнит эта возня с Богдановым: судя по Вашему внутреннему темпераменту, Вы не любитель «показывать через ухо» (я и сейчас не понимаю этого выражения, хотя, помнится, встречал его у Чехова).

Свидание не было пятиминутным, *не могло* быть, потому что, помню, мы беседовали, распивая чай, но весь остальной разговор был для меня несущественен и я ничего из него не запомнил.

Помню, прощаясь, он мне сказал:

— Ваше письмо ко мне — это идея в предельно-накалённом состоянии. Поэтому оно заставило меня отозваться.

Что так взволновало меня в книге М.А., если я написал ему столь страстное письмо?

Вот книга, которую я тогда прочёл в Орле, и я приведу из неё строчки, тогда мной подчёркнутые.

<Далее идут только выписки, и воспоминания М.Г. Михайлова о М.А. Лифшице обрываются.>

1 октября 1973 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Получив Ваше письмо, я немедленно вынул из машинки заложенный в неё лист бумаги с очередной писаниной и отвечаю Вам. Мне, разумеется, случалось получать письма читателей, да и теперь я их получаю, в том числе и весьма одобрительные. Автору это приятно. Что же ещё может поддерживать его в тех затруднениях, которые он встречает каждый день? Литература есть «море треволненное, в нём же гадов несть числа»[342], писал Белинский одному из своих корреспондентов. Но такое письмо, как Ваше, приходит не каждый день. В нём много не только ума и начитанности — это ценный товар, но не всё. В нём есть самое ценное — страдающая душа. Манерные страдальцы представляют коммунистически мыслящего человека прямолинейным, а он между тем по внутреннему драматизму не уступит ни блаженному Августину, ни Кьеркегору, не говоря о слащавых Бердяевых нашего времени. С этого дня Вы занимаете место в моём сердце рядом с немногими другими отзывчивыми душами, проживающими в разных географических точках нашей советской планеты.

Отвечать Вам могу только словами благодарности. Пуститься в теоретические и практические рассуждения — нет. Из Вашего письма я вижу, что Вы посещаете иногда столицу нашей Родины. Буду рад Вас видеть у себя, напишите только заранее, чтобы я оказался на месте. Не знаю Ваших нравов — но если Вы не против «поллитры», то она будет обеспечена, хотя жена строго следит за моим поведением в этом смысле. Ведь я гораздо старше Вас, хотя и сохранил некоторое легкомыслие.

Нет, я не переоцениваю значение теоретических идеалов. Ваши сомнения прекрасно знакомы и мне. Никуда «назад» Вы, конечно, не упадёте, но легко упасть и *вперёд*. Этого также следует избежать. Ещё на исходе двадцатых годов я понял, что мои идеалы (как и Ваши) нужно мерить масштабом эпохи переселения народов и первоначального христианства. Ваши аналогии верны, но следует принимать их всерьёз. Насколько всерьёз — покажет будущее. А в настоящем такой взгляд — единственная почва для неисправимого и упорного оптимизма. «Быть может завтра, быть может никогда». Наше дело — сохранять «готовность номер раз», как говорят моряки, остальное приложится.

Посылаю Вам недавно вышедшую книжку[343]. Выходила она пять лет, но, опять-таки, «претерпевый до конца спасётся»[344].

С товарищеским приветом

5 декабря 1975 г.
<телеграмма>

Дорогие Михайловы поздравляем праздником Желаем здоровья Спасибо за подарки Не нужно ли чего купить Москве Лифшицы

14 февраля 1976 г.

Милая Зоя[345] и глубокоуважаемый Михаил Григорьевич!

Вы, наверно, думаете, что я не хочу с вами знаться. Нет, не писал вам потому, что был безумно занят, связан по рукам и ногам всякими сроками, от которых зависят другие люди, их работа, их заработок. Словом — не мог. Вот только неделя прошла, как немного отпустило. Я как бы в отпуске и должен был начать с рукописи двух врачей, которая лежит у меня уже полгода, а рукопись об «улыбке Джоконды»[346] и медики считают, что никто, как я, не может им дать компетентной консультации по этому вопросу. Написал об улыбке — теперь вам.

Во-первых, надеюсь, что последствия несчастного случая с машиной, которое происшествие я принял близко к сердцу, прошли бесследно. А сам боюсь, что моя шутливость не к месту. Во-вторых, спасибо за поздравление, я был очень тронут. Искренне желаю вашему семейству здоровья и устроения всех дел на доступном уровне.

Всё это время я не имел возможности прочесть статью М.Г.[347] Теперь прочёл, и вот мои заключения. Написано хорошо, горячо, цитаты встречаются превосходные. Но цели реальной — не вижу, сказать откровенно. На тему об «отчуждении» и «частичном человеке» написано уже много, даже слишком много. Что-нибудь новое здесь сказать трудно, а что касается остроты изложения, то как бы не получилось что-то вроде духовного алкоголизма, относящегося, в сущности, к тем же явлениям, которые Вы объясняете.

Насчёт философии жизни я написал Вам большое письмо, но его зачеркнул и выбросил — боюсь, что Вы меня можете понять неправильно, да и вообще дерзать на эту тему не хочу. Оставляю только практический совет — хорошо бы Вам взяться за какую-нибудь историко-литературную тему. Почему бы не написать, например, о Глебе Успенском? Писатель превосходный. Помню, когда я открыл его покойному А.Т. Твардовскому, он очень радовался. Хотел бы видеть такую Вашу книгу напечатанной и думаю, что это вполне возможно.

Зоя нездорова, у Вас, как Вы пишете, рукописи пропадают, и я наивно подумал — не связано ли это с Вашими служебными злоключениями? Гасить нужно бесплодный пламень души, ведущий к нездоровью, как физическому, так и духовному. Знаете народное присловье: «Пей, да пей в меру, сказал Джавахарлал Неру»?

Ну, будьте мудры, дорогой Михаил Григорьевич, примите мои обывательские наставления как должное, весь грех беру на себя, а возражений, надеюсь, у Вас нет, да если бы и были, то не будем спорить. С таким спорщиком, как я, Вам всё равно не справиться. «Смирись, гордый человек!»[348] Ваш моральный долг — прежде всего обратить внимание на то, что возле Вас, то есть позаботиться о Зое, которая Вам так предана.

Ещё раз желаю вам обоим здоровья всяческого, мира душевного. Вы ещё увидите небо в алмазах, как сказано у Чехова[349]. А пока позвольте неделикатный вопрос — не должен ли я помочь Вам деньгами? Эстетики Гегеля[350] лишнего экземпляра у меня нет, кроме четвёртого тома (рукописи и письма). Я его Вам пришлю, когда вернусь в Москву.

С товарищеским приветом и улыбкой Джоконды
Мих. Лифшиц

27 декабря 1976 г.

Дорогие Зоя Борисовна и Михаил Григорьевич!

Поздравляем вас и желаем исцеления от всех болезней, физических и умственных. После года Дракона наступает год Змеи, которая, как говорят, пророчит смертным большие события. Что касается меня, то я уже сыт событиями и предпочёл бы отсутствие оных, на что и надеюсь. Дракон взял с меня подать довольно безжалостно. После того, как вы меня посетили в больнице, и после пребывания в санатории со мной приключился ещё один инфаркт, и я лежал уже в другой больнице. Вернулся домой вот только несколько дней. Таким образом, я устроил Лиде «жёлтую жизнь». Вдобавок она заболела тяжёлым гриппом с высокой температурой и до сих пор ещё не вполне здорова. Таковы наши дела.

Я имею поручение от неё (кроме поздравлений и пожеланий) извиниться перед З.Б. за то, что она до сих пор не могла исполнить её поручение. Для начала требовался Игорь Иванович[351] со своим искусством. Он долго болел и не ехал. Наконец, прибыл с кусачками и работу выполнил отлично. Обещал сам написать вам обо всём, но, видимо, не написал. Лида, естественно, по причине медицинского напряжения со мной и своей болезни писать не могла. Ей очень неловко, говорит она и обещает выбрать день, чтобы постоять в очереди[352]. Ввиду всех наших передряг вы её, наверно, простите.

Не могу сказать, чтобы я вступал в новый год здоровым и богатым жизненными перспективами. Начался, видимо, период, когда жизнь требует больше стоицизма, чем эпикурейства. На последнее она, в

сущности, никогда не была щедра, но относительно всё же благосклонна. А теперь —

Смертный, силе нас гнетущей
Покоряйся и терпи,
Мёртвый в гробе мирно спи,
Жизнью пользуйся живущий[353].

Проблема наиболее рационального пользования резервом жизни не так проста во всех отношениях; дураком, конечно, умереть не хочется. Спасибо за доброе мнение о моих жалких поделках. Конечно, я должен был бы уже заканчивать то, чего я ещё не начал. Да и то ещё большой вопрос — можно ли относиться к этим возможностям, даже неосуществлённым, с полной верой и вполне серьёзно. Мои соседи думают, что я живу глупо — они пьют и развлекаются под грохот радиолы, а я «заимел большую квартиру и захламил её книгами». В этом есть доля истины.

Единственное оправдание — это столь громадное и разностороннее расширение горизонта, требующее многообразных знаний, при крайней ограниченности времени, пространства и других философских категорий личной жизни. С праздником! И пусть вас не кусает змея.

Мих. Лифшиц

12 апреля 1977 г.

Дорогие Михайловы!

Спасибо за трогательную заботу о моём здоровье. В настоящее время оно медленно идёт в гору, а будущее — в руце божией. Вести о ваших очередных несчастьях нас с Л.Я., конечно, огорчают, но отсюда не знаем даже, чем могли бы помочь. Надо же такое придумать, как эта кража!

Михаил Григорьевич, когда Вы книгу напишете, я постараюсь Вас связать с издательством «Художественная литература» (отдел литературоведения). Если не выйдет — попробуем в другом месте. Но заранее обеспечить Вам связь с издательством не могу. Вы не цензовый автор, работающий в научном институте или состоящий в Союзе писателей, и Ваше произведение — так называемый «самотёк». От вольного автора заявка может быть милостиво принята только, если она сопровождается готовой работой. Такова жизнь.

Что же касается содержания дела, то мой искренний совет — не превращайте книгу об Успенском в другое издание прежних Ваших неизданных сочинений. Горе тому писателю, который хочет сказать всё, пишет Вольтер, а он знал, где раки зимуют. Пишите скромно, мудро, плотно, ближе к фактам и авторскому тексту, обстоятельствам его жизни, и будет Вам благо. Да и другим тоже. Извините за совет.

Ещё раз очень-очень огорчительны ваши беды. Искренне желаем здоровья и успокоения всех зимних бурь, внешних и внутренних[354]. Л.Я. кланяется.

Ваш Мих. Лифшиц

3 ноября 1977 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Позвольте поздравить Вас и Зою (извините за неправильный порядок) с великой годовщиной[355]. Письмо Ваше получил, очень порадовался верному направ-

лению Вашей работы. Плеханов, конечно, написал только то, что нужно было ему для полемики с народничеством, хотя статья его об Успенском мне кажется первоклассной[356]. Но не надрывайтесь так в соперничестве с Плехановым, зачем такие пространные ночные бдения? Во время войны один умный человек мне сказал: «Вы что — очень хотите, чтоб Сурков[357] почтил Вашу память вставаньем?» Но там хоть было из-за чего умирать, а умирать, как Вы грозитесь, из-за того, чтобы поскорее написать книгу, не имея ни договора, ни срока, — ей-богу, не стоит. Будьте философом! Пусть мой печальный пример послужит Вам уроком: два с половиной инфаркта в год и опять ухудшение дела, опять требуют больницы, и всё из-за гонки к сроку. Но у меня хоть безвыходное положение было — директор издательства получит выговор, рабочие типографии останутся без премии — есть из-за чего спешить. А Вам зачем укорачивать себе век? Да и медицина у Вас не будет такой благоприятной, как у меня, если сорвётесь. Не надо! Насчёт книг, к сожалению, ничего пока сделать не могу. «Маркс и Энгельс»[358] давно весь раздарен, надо было Вам напомнить о себе раньше. Старое издание (1957 г.) можем поискать — издания, вообще говоря, стереотипные, разница только в статье, которая немного расширена. Больше у меня пока ничего не выходило, а когда выйдет, пришлю. Книга изд. «Прогресс», которую Вы упомянули, едва ли достанется и мне, они вообще в продажу не поступают. Что за книга, я не знаю, но подозреваю, что ужасная американская ерунда, которая в моде у наших снобов. Если появится в бюллетене для таких, как я, имеющих, подобно Левше у Лескова, мундир придворного певчего, я Вам её пожертвую[359].

Большой привет от Л.Я. Просим Зою больше не болеть, за тёплыми вещами следить, молим нашего марксистского бога, чтобы он оградил вас от разлива Волги и других возможных συμφορα*, как говорили древние греки.

С одра болезни писал собственноручно

Ваш Мих. Лифшиц

1 октября 1978 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

К сожалению, я получил Ваше письмо из Массандры[360] слишком поздно. Дело в том, что я в июле-августе лежал в больнице, а потом перешёл на жительство в близлежащий «Дом ветеранов кино», где мне и Л.Я. довольно удобно. Дома у нас, естественно, никого нет, так что телефонные звонки были бесполезны. Мы пробудем здесь до 16 октября. Если что нужно — пишите. Кстати, не помню, есть ли у Вас последний вариант нашего телефона — 130-71-42. «Инвариантов» в этом деле, к сожалению, не бывает, телефоны всё время меняются.

Надеюсь, что, несмотря на все трудности, Вы с Зоей хорошо отдохнули.

Привет от Л.Я.

Ваш Мих. Лифшиц

* Стихийных бедствий (*древнегр.*).

1 ноября 1978 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

С праздником! Извините, что не сразу ответил. По возвращении из мест более благорастворённых одолели меня сроки и текучка. Лежал по поводу миокарда, чувствую себя переменно, тем не менее тружусь — не ради денег, не ради славы, а ради обязанности, которая, впрочем, обладает и наркотическим действием. Поздравляю Вас с окончанием Вашего труда[361]. Что думаете с ним делать? (Это шутка.) Спасибо за доброе мнение о моей статье[362]. Если отдадите в переплёт, то обязательно чтобы было золотое тиснение. До выхода моей книги о Марксе 2 изданием[363] ещё далеко, а вот до выхода 2 изд. «Искусство и современный мир» ближе[364].

Картинка Вашего боя за колбасу написана в духе Успенского. Насчёт колбасы мы примем некоторые меры — тут вся задержка в том, что у Лиды не хватает времени. А вот с сустаком хуже. Он исчез; обещали достать немного из лучших мест.

Должен, однако, сообщить Вам, что мода на сустак в Москве упала. Что касается меня, то он не оказывает никакого действия, ни хорошего, ни плохого. Рецепт покойного Вотчела, которым я теперь пользуюсь: 1) капли Вотчела (готовый флакон) 2) полфлакона жидкого нитроглицерина 3) полфлакона жидкого валидола. Всё смешать; одна капля на язык. Надеюсь, что Вам лучше; поменьше пишите на машинке — это скверно. Книжку Твардовской[365] постараюсь достать. Зое большой, большой привет.

Ваш М. Л.

Л.Я. (как и я) желает вам обоим здоровья и — чёрт возьми! — счастья. Бывает же оно на свете!

23 декабря 1978 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

С Новым годом! Хотя и с помощью разных лекарств, надеемся с Вами всё-таки дотянуть. У меня тоже отрицательная динамика, и лечусь в горизонтальном положении. Жаль мне, конечно, что Вы так мало получаете по больничному листу, но кажется, я последовал бы совету Вашей Зои — не стоит «качать права», а то ещё рассердится на Вас кто-нибудь.

К сожалению, мои поиски сустака для Вас не увенчались успехом. Спросите Вашего врача, не нужен ли курантил или кордарон, а главное, конечно, нужно воздерживаться от физических усилий, в конце концов даже за счёт отказа от ремонта. От грязи теплее бывает, говорят в народе.

Зато могу Вас поздравить с окончанием книги о Глебе Успенском, и то, что Вы заняты сейчас мелкими улучшениями, это только к радости. Нет большего удовольствия на свете, сказал Карл Маркс после окончания первого тома «Капитала», чем облизывать своё детище[366].

Всего Вам доброго, больше всего здоровья!

Большой привет Зое и всему семейству от нас обоих.

Мих. Лифшиц

1 марта 1979 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Я давно уже получил от Вас два письма — одно, так сказать, рутинно-литературное, другое горько-ироническое, но не мог собраться ответить, ибо, по закону

моего «сплошного быта», через меня проходит масса всякой текущей работы, а также сношения с близкими и далёкими, иногда совсем ненужные, да что поделаешь, видно, характер такой, что создан служить. Прошу у Вас извинения за то, что не откликнулся сразу на трагическую смерть Вашей тёщи, которая указывает нам наше неизбежное будущее. Очень мне жаль Зою — при её болезненности это не только тяжкий удар моральный, но и физическое потрясение. Описание происходивших событий произвело и на меня сильное впечатление. Я ведь теперь даже в кино не хожу; живя в Доме ветеранов кинематографа, один только раз посмотрел итальянскую картину, обманутый тем, что это была «сатирическая комедия». И от этой сатиры я только и спасался, что нитроглицерином.

Завидую Вам (до некоторой степени) в том, что у Вас один ребёнок — Глеб Успенский, а я, как всегда, растрёпан между многими делами, которые начинаю и не довожу до конца. Сообщаю Вам на всякий случай, что в ЦГАЛИ есть фонд Успенского, в том числе и какие-то воспоминания о нём И.И. Успенского. Но для Вас это всё, мне кажется, и недостижимо, и неважно.

Спасибо за указание моей ошибки. На это я способен, память у меня проделывает фантастические трюки. Место я не нашёл, но, когда буду читать вёрстку, обязательно исправлю[367]. Насчёт колбасы постараемся что-нибудь сделать, а у Зои (когда она отойдёт) Лида просит написать в Азию относительно мумиё. Деньги тотчас же вышлет. По-моему, всё это ни к чему, но жена жаждет меня лечить — это её право и её обязанность. Вы спрашиваете, чем ознаменован для меня конец зимы? Только выходом второго издания моей

книги «Искусство и современный мир». Есть существенные дополнения, некоторые из них довольно острые. Тираж ещё не поступил, как только получу заказанные экземпляры, вышлю и Вам. К сожалению, сборник моих статей, который я сдал перед первым инфарктом в «Худ. лит.», только сейчас пошёл в производство и в другом издательстве. Пример моей жизни: в сборник вошли две статьи против Видмара[368], который в те времена был президентом югославского союза писателей. Тогда, в 1957 г., на меня сильно нападали за недостаточно острую критику ревизионизма, а в 1976 г. умники из «Худ. литературы» решили, что перепечатка этих статей может испортить наши отношения с Югославией. Наконец, три года спустя сборник сдаётся в набор. Теперь — лишь год нужно ждать до появления в печати[369]. А Видмар, когда приехал в Москву, пожелал встретиться только со мной, да я не пожелал, сказался больным. Начали меня теперь переводить в Италии, но сопроводили вступительной статьёй, весьма рекламной, в которой я выгляжу догматическим ихтиозавром[370]. Поди-ка разберись!

А между тем через три-четыре месяца мне будет уже 74 года. Я умудрился долго прожить, хотя ещё в тридцатых годах один писатель назвал меня селенитом, жителем Луны. И как-то я умудрился даже так расположить свои «даты», что захватил и начало века, и начало конца его. Целое столетие, за время которого было много перемен, но осталось что-то промежуточное. Я всё ещё живу событиями времён моей молодости и хотел бы досмотреть до конца этот фильм, хотя разум мне говорит, что это невозможно. До свидания!

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. Привет от Л.Я.

12 апреля 1979 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Спасибо за письма, спасибо за утешения. Не помню, что я Вам писал, но ясно, что говорил «жалкие слова», по выражению Захара[371]. На это можно просто наплевать. Человеку свойственно думать, что его слова могут компенсировать реальные недостачи, он и говорит, хотя, как сказал Боэций, «ты был бы философом, если бы молчал»[372]. На сценарий я вовсе не надеюсь — во всяком случае, несколько первых аккордов описываемой Вами симфонии достаточны, чтобы оглушить меня (особенно, если ещё в ход пойдут ударные). Посылаю Вам книгу[373], из которой видно, что я продолжаю по принципу: «поп своё, а чёрт — своё»; но, согласно моему же взгляду, главное во всяком деле — о *чём*, а не *как*. Отсюда и зависть по отношению ко всякому истинному философу, который следует правилу Боэция.

Теперь о делах. Справки в «В.Ф.» я навёл через секретаря редакции, который вызвал упомянутого Орешина[374] и выяснил следующее. Зоя, конечно, поторопилась показывать его письмо. В ближайших номерах Ваше произведение не будет опубликовано, так как в редакции его считают не лишённым интереса, но «не профессионально» написанным. Ведь это всё кретины вроде тех, которые описаны Толстым в «Плодах просвещения». Им нужен какой-то марксистский спиритизм с употреблением таких слов, как «релевантный», «корректный», «амбивалентный», поэтому из Вашей статьи они просто хотели взять кусок для обзора приношений из провинции. Я попробую ещё раз поговорить с Грековым[375] лично (первая разведка

была сделана через третье лицо), но не очень верю в успех. К тому же мне, может быть, в близком будущем предстоит вступить с их редакцией в литературный конфликт. Как видите, я мало способен рассеять Вашу «острую депрессию». Тут нужно просто настроиться на внутреннюю жизнь. Я Вам завидую, представьте, хотя, кажется, завидовать нечему. У меня бывали моменты полной невозможности чего бы то ни было, кроме внутренней жизни, и это были не самые худшие моменты моего бытия. Суета и забота, которые *посредине*, пожалуй, хуже…

Относительно Венеры. У меня таковой не оказалось, по крайней мере — на виду. Если всплывёт что-нибудь венерическое, то пошлю[376]. Консервов мясных действительно нет, есть какой-то горох с мясом, но его что-то не уважают. Можем послать корейку и тому под<обные> продукты, но это копчёность, как и колбаса. Куда ехать? Проблема, мне совершенно неясная. Хотите, напишу в одну станицу: степь, лиманы приморские, виноградная лоза? У меня там живёт бывший слушатель, пенсионер винодел, умный человек, литератор. Он не раз звал меня переселяться в дебри сей южно-украинской природы. Оно бы заманчиво, но я не справлюсь с физической стороной дела даже на лето. Да и Вам, кажется, жара не полезна. Насчёт Армении — это чистая фантазия. Там за каждое служебное место нужно деньги платить и часто немалые. Кроме того — народ делится на своих и чужих; Вы будете чужой[377].

Спасибо за мумиё. Фантазии моей жены. Лечить мне нужно нервы, от них и спазмы, а от спазмов — инфаркты. Нервы же, когда они истощились, ничем не вылечишь. Лечили меня всякими психофармаколо-

гическими средствами. Но я понял, что в кратчайший срок стану полным идиотом, и бежал от этого. Единственное моё спасение — нембутал, да и тот стал уже плохо действовать, не говоря о том, что его теперь получить в таблетках нельзя. Слава богу, что дают в рецептурном отделе на заказ. В данный момент я уложен (из бюрократизма или бюрократического гуманизма нашей медчасти) ввиду «отрицательной динамики», но не очень лежу.

Однако я Вам ещё не сообщил самой главной и очень печальной новости. Эвальд Ильенков[378], который привёл Вас ко мне, скончался — неожиданно, от сердечного приступа, 55 лет от роду. Похороны были очень тёплые. Я, увы, не был, единственно по причине полного единовластия моей жены, с которой сражаться не в силах. Жаль, очень жаль! Это был самый талантливый из всех наших «философов» послевоенной выделки, самый близкий мне из них человек. И развивался всё более в хорошую сторону — в сторону ленинизма. Жил тоже в постоянном конфликте с засильем модной прозападной философии, вошедшей в полный союз с провонявшейся старой ортодоксией митинского типа[379].

Правда, он много пил и курил. Остерегайтесь! А впрочем, я жалею, что не пью, то есть что Л.Я. меня от этого зелёного змия совершенно отлучила. Ваш Глеб Успенский был сильно грешен. Когда его возили по деревням его друзья-народники с целью «слияния с народом», он и сказал: «С вами не сольёшься, а сопьёшься».

Ну, буде! Сегодня погода плохая, вот я и раскис, а выйдет солнце — ещё захочется любви и жизни.

Ваш М. Л.

28 апреля 1979 г.
<открытка>

Дорогие Михайловы!

Спешу поздравить с праздником весны и труда. На сей раз с опозданием. Дел много (а толку чуть). Спасибо за медицинские указания — лечить меня надо возложением рук. Очень Вы, М.Г. (Михаил Григорьевич, Милостивый Государь), критически мыслящая личность. Оттого и горе. Если бы Вы мне раньше сказали, что спорите с Шахназаровым[380], я бы Вам отсоветовал.

Подробно напишу позднее.

Ваш М. Л.

27 мая 1979 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Что я написал Вам какое-то сердитое письмо — чистое Ваше мифотворчество. Вы, наверное, не так поняли мою шутку насчёт Вашей доверчивости в отношениях с редакцией журнала. И ещё насчёт желания критиковать Шахназарова. Если он на деле оказался таким внимательным и не самолюбивым человеком, очень рад, а то ведь я подумал, грешным делом, что из-за влиятельности этого лица редакционные работники и решили придержать Ваш опус. Впрочем, может быть, речь идёт о разных лицах. Но я всё же думаю, что Вы сплеча берётесь за темы, которые не так просто привести в ясность.

Что мне удалось узнать? Отв<етственный> секретарь журнала Л.И. Греков утверждает, что ред<ак-

ционный> работник, занимавшийся Вашей статьёй, к Вам расположен, но он не имел в виду публикацию её иначе, как в общем обзоре; это не считается у них «дискриминацией», и он приводил имена лиц «вполне уважаемых», кои печатались именно таким способом. Сам Греков, будто бы, читал Вашу статью, но нашёл её слабоватой. Он обещал мне ещё раз заняться ею и постараться, чтобы она так или иначе увидела свет. Над ней, говорит, нужно работать, а они не справляются в смысле времени.

Вот Вам совершенно точный отчёт о моих переговорах. Статью я не знаю, предмет, как я уже сказал, внушает мне трепет, сердито писать Вам у меня не было никаких оснований, а если получилось ворчливо, то прошу извинения. Вообще же говоря, литературные выступления на темы дня — лотерея, как я это знаю по собственному опыту. Что Глеб Успенский?

Поскольку Вы выражали интерес к южным районам нашей родины, я посылаю Вам для ознакомления письмо одного моего приятеля, бывшего слушателя тридцатых годов. Некоторые его письма бывали более поэтичны, но и это не дурно. Прошу мне письмо вернуть, у меня их целая серия, и от них веет каким-то другим, приятным мне миром. Но вот книг там маловато!

Мы с Л.Я. кланяемся Вам и Зое; желаем здоровья и хороших надежд.

P. S. Что последнее в жизни? — спросили Сократа (рассказано у Диогена Лаэрция). — *Надежда*, ответил старый хрен. Будем надеяться. Prinzip Hoffnung*, как говорит один западный «неомарксист»[381].

Мих. Лифшиц

* Принцип надежды (*нем.*).

19 июня 1979 г.
Матвеевская

Дорогой Михаил Григорьевич!

Опять Вы скажете, что я написал Вам сердитое письмо, хотя оно будет скорее увещевательное.

1. Оказывается, Вы ещё не разучились «качать права» и пишете жалобы в ЦК, чтобы не обижали рабочих-философов. Ну что Вам с того, что накажут беднягу Орешина (говорят, не плохой парень, выпивоха) за то, что он хотел вдохновить Вас «нас возвышающим обманом»[382]? Повлияет ли это на помещение Вашей статьи, я не знаю.

2. Статью я прочёл. Она не «слабенькая», но и сильной я бы её не назвал. В ней, конечно, есть много верного и чувствуется горячее сердце искателя правды. Но что Вы конкретно можете сказать, взявшись за эту тему, даже с помощью Вашего Грамши[383]? По существу, Вы присоединяетесь к нашим моралистам, воюющим против потребительских интересов населения, и только придаёте моральным требованиям более аскетический, более острый характер. У Вас даже справедливо намеченное требование, чтобы трудящийся чувствовал себя хозяином жизни, обращается в какое-то требование морали. Я не согласен ни с Вами, ни с Шахназаровым в противопоставлении духовных занятий — стремлению удовлетворить свои материальные потребности более утончённым способом. Духовные занятия могут быть поисками внутреннего комфорта, почище, чем физический труд, а «душевный покой есть подлость»[384]. Не вижу, почему чтение «Науки логики» нужно противопоставлять модным штанам. В них может быть больше «духа»,

чем в чтении «Науки логики». Смотря какое чтение и смотря как достаются штаны. Главная беда в том, что штаны достаются по блату, на нечестно полученные деньги, что их получение является не естественным следствием количества и качества затраченного труда, а «экономическим чудом», следствием положения папы и мамы или собственной ловкости. Одностороннее влечение к модным штанам является также следствием психологии кочевого быта, неверия в то, что существуют более прочные и, так сказать, оседлые удовлетворения материальных потребностей. Например, что хорошо было бы достигнуть прочного положения на работе, потому что при недобросовестном труде можно вылететь и получить «волчий билет» без права поступления на другую квалифицированную работу; что хорошо было бы достигнуть положения инженера, потому что инженер получает гораздо, гораздо больше, чем квалифицированный рабочий, и может жить пообстоятельнее, и жена у него не работает, а домашним хозяйством занимается; что хорошо было бы купить дорогое фортепиано и учить детей музыке, приобрести вторую машину для жены, поехать будущим летом в Норвегию и т.д. Всё это — материальные потребности или семейные, или «престижные», они могут быть сколь угодно утончёнными, изысканными, и это всё же будет связано с духовным подъёмом людей, поскольку требует честной борьбы за повышение своего статуса в обществе, а не погони за тем, что бы такое своровать и выпить — сегодня, а завтра пусть будет всё, что угодно. Такое «потребительское общество», как я нарисовал Вам, было бы и будет громадным шагом к коммунизму, а нравственные требования ограничить свои ненасытные потребности до необходимого уровня — это «усладительные речи», не более. Да и где у Вас мера того, что действительно необходимо и что является «изощрённым»? Одно и то же может быть и необходимостью, и пустой приманкой в зависимости от того, *как* оно достигается. Ну, а уж Ваши с Грамши прожекты насчёт научно-исследовательских институтов для рабочих дали бы только пищу журналистам и всяким разносчикам «сладенького комвранья», как говорил Ленин. Нет, Михаил Григорьевич, извините, но если взять существо Вашей статьи, а не побочные элементы её содержания (которые не дурны), то едва ли стоит так бороться за её публикацию. Как избавить реальный социализм от тех недостатков, о которых Вы упоминаете, я не знаю, сказать не могу, а потому статей на эти темы и не пишу. Шахназаров *пишет*, это соответствует занимаемому им положению. А Вам зачем? Пишите лучше книгу о Глебе Успенском и по возможности без затей.

Хотел бы я ещё высказаться о некоторых вольностях Ваших писем, но соображаю, что во всяком деле, како и в усовещеваниях, должна быть мера. Мой летний телефон, во всяком случае до середины июля, — 442-28-32, у Л.Я. — 442-29-32, это Дом ветеранов кино, на окраине Москвы. Адрес: 119501 Москва, Нежинская, д. 5, кв. 91. (Домашний телефон у меня теперь 130-71-42, переменили.)

Мой станичник много пережил, тяжело болен, как и мы с Вами. Настроения у него бывают разные, как у всякого человека после семидесяти. Его адрес: 353853 с. Петровская, Краснод. края, Рабфаковская ул., 16. Александр Трофимович Рубайло[385]. Но, ради бога, пишите ему в духе действительной необходимости,

а не «изощрённости», словом — озираясь на благоразумие. Низкий поклон Зое. Искренне желаем здоровья вам обоим. Не обижайтесь за критику.

Ваш Мих. Лифшиц

29 июля 1979 г.
Матвеевская

Дорогие Зоя и М.Г.!

Большое спасибо за то, что не забыли моё тезоименитство. Событие, конечно, из ряда вон выходящее. Спасибо за поздравления, пожелания, красивую книжку, за добрые слова. Последние я принимаю, естественно, с надлежащими сокращениями, кавычками и прочими признаками иронии. Разве что на безрыбье и рак — рыба. Какие лекарства нужны Зое? Напишите, будем искать.

Михаил Григорьевич, я не писал, что Ваша статья «неправильная». Просто хотел напомнить Вам басню Крылова: «Какой-то повар, грамотей…»[386] Мне не нравится моралистическое направление нашей критики потребительского общества. Когда у людей жизнь не наполнена никаким серьёзным содержанием, они компенсируют этот недостаток бешеной страстью к потреблению, «сексуальной революцией» и ещё хорошо, что не хулиганством и терроризмом. Чего с них спрашивать? Не с того конца… Сама по себе голубая плитка ничего плохого в себе не заключает. Почему я могу интересоваться столом красного дерева, а он не может голубой плиткой? Если бы удалось жажду лучшего потребления сделать стимулом

честного труда — вот это и был бы шаг к коммунизму. А то ведь люди предпочитают лапу сосать. И это мировое явление. На заводах «Дженерал моторз», где, разумеется, всё рассчитано, 10% неявки на работу по неуважительным причинам. Но вместо того, чтобы соперничать с Шахназаровым в анализе причин этого явления, я Вам советую писать о Глебе Успенском.

Не подумайте, конечно, что я такой бесчувственный. Однако, во-первых, из Вашего явного неблагополучия нужно сделать не аскетический вывод о низости потребительских благ, а совсем другой — нужно найти какой-нибудь честный способ покончить с несправедливым и ненужным неблагополучием. Надеюсь, что литературная работа на темы менее нравоучительные и проблемные может сдвинуть это дело с места. А во-вторых, то же самое, что во-первых.

Остальное, как писал Пушкин, в руце божией.

Большой привет от Л.Я. Статью отсылаю.

Ваш Мих. Лифшиц

9 февраля 1980 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Я не только Вас не поздравил, но и не ответил на Ваше поздравление. Теперь заблаговременно поздравляю Зоечку с Международным женским днём. Дело в том, что я перед Новым годом заболел гриппом с высокой температурой и с переходом на пневмонию и опасностью третьего инфаркта. В связи с этим пришлось лечь в больницу, где я и пролежал в тоске месяц, теперь же собираюсь «реабилитироваться» в са-

натории, а потом буду делать глазную операцию. За это время у меня была большая потеря — скончался Игорь Александрович Сац, человек близкий мне в течение полувека. Были и другие потери и «стрессы». А в остальном, прекрасная маркиза, сами знаете. Надеюсь, что у Вас лучше. Я наелся лекарств и теперь собираюсь перейти на новый метод лечения — но пока сообщу Вам о входящем в моду столичном средстве. Это Natrium nitrosium (имеется в справочнике Машковского[387]). Лекарство, в сущности, очень старое, но потом забытое. У меня это простое средство впервые начало предупреждать стенокардию движения; эмоциональные приступы не предупреждает. Попробуйте! Если нет в аптеках, то есть в любой химической лаборатории. Однопроцентный раствор требует десертной ложки за 20 минут до выхода, действует три часа. Это во всяком случае гораздо лучше всяких югославских сустаков, а сущность та же.

Ну и письмо! Одни болезни, смерти и лекарства. Что касается девушек, то придётся уж помолчать. Вся надежда на санаторий, а то слабость в коленках — это не способствует широкой жизни. Я написал большой памфлет, в духе статей о Шагинян и Разумном[388]. Все читают, похваливают, но печатать не хотят — слишком острое блюдо, хотя и в защиту ортодоксии[389].

Наш общий с Лидой большой привет и поздравления Зое.

Ваш Мих. Лифшиц

22 февраля 1980 г.
6 ч. вечера

Дорогой Михаил Григорьевич!

Только что 22-ого в 6 вечера прибыло Ваше письмо, и досадно то, что завтра в 9 утра мы уезжаем в санаторий под Загорск. Сейчас, к сожалению, уже ничего сделать нельзя, нам осталось только в мыле собрать свои шмутки. По крайней мере, напишите за этот месяц, что можно Зое, — Вы пишете только, чего нельзя. Можно ли консервы? Имеется в виду — рыбные, на мясные надежды нет.

Относительно памфлета на наших идеологических обывателей могу Вам сообщить, что он не окончен, за исключением одной части, которая сама по себе составляет сто страниц. Однако спроса на мой жанр нет, редакции похваливают, но не хотят ничего беспокойного даже в защиту ортодоксии, ленинизма. По возвращении, м<ожет> б<ыть>, пошлю Вам часть рукописи с возвратом, хотя сам я к ней охладел. Как Вы к своему Успенскому.

Насчёт перехода лучшей части буржуазии на сторону коммунизма — по современной ситуации что-то не похоже. Но, абстрактно говоря, я убеждён в том, что только диктатура пролетариата может спасти порядок от наступающей анархии и обеспечить безопасность даже для буржуазии. Под диктатурой понимается здесь, конечно, не террор, а пролетарская организация, захватывающая всё население и противостоящая терроризму, который в некоторых странах Запада уже выходит из-под контроля. Диалектика очень интересная, но, кажется, она не интересует ни Берлингуэра[390], ни других лидеров этого типа.

Вы всё читаете раннего Маркса и черновые экономические рукописи. Это уже всё обсосано до мельчайшей детали. Не почитать ли лучше переписку[391]? Извините за непрошеный совет.

Спасибо за то, что входите в мою возрастную проблематику и совершенно справедливо намекаете, что ныть не следует. «Лишь немногие люди умеют быть старыми», сказал Монтень. Я, видимо, не принадлежу к их числу. Веду себя не по возрасту, а потом ещё жалуюсь. Никуда не годится.

Я очень, очень близко принимаю к сердцу Ваши невзгоды. Жаль, что Зоечка в таких болезнях. Передайте ей, пожалуйста, наши общие с Лидой выражения сочувствия и цветок на конверте.

Ваш М. Л.

15 апреля 1980 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Ваши горести очень меня трогают, и, пожалуйста, не думайте, что я не сразу Вам отвечаю вследствие простого невнимания. Не знаю, писал ли уже Вам, что я провёл месяц в больнице, потом болела Лидия Яковлевна, и, наконец, я сделал себе глазную операцию. Всё это, как Вы понимаете, при нашем возрасте довольно трудно «обратать». Поэтому и продуктовая посылка Вам задержалась. К сожалению, русского масла в продаже нет, но Лидия Яковлевна уже купила и купит ещё масло обыкновенное, которое можно перетопить. Мясных консервов, к сожалению, нет, гречневой крупы тоже. Рыбные консервы будут посланы.

Прошу извинения, что я начал с этого вопроса, но, как говорил наш великий учитель, прежде люди должны что-нибудь съесть, а потом уже могут заниматься идеологией[392]. Я рад, что мой медицинский совет насчёт нитрозия Вам показался удачным. Наши общие лучшие пожелания Зое; очень хотелось бы, чтобы она поскорее выздоровела и окончательно поправилась.

Второе издание моей книги[393] действительно вышло, и я, как обещал, его Вам пошлю. Дело задержалось просто потому, что не были куплены экземпляры и до сих пор дни насыщены медицинской суетой вокруг самих себя. Я, может быть, сумею послать Вам и новую мою книгу[394], как только получу заказанные экземпляры. Но, признаться, боюсь посылать — крадут по почте. Книги теперь бизнес.

Что касается Вашего мнения о нынешних последователях «великих близнецов», Маркса и Энгельса, то я с Вами, разумеется, совершенно согласен. Они совсем не похожи на своих учителей, усвоили только защитные марксистские фразы, а по существу, давно уже проповедуют то, что вычитали из западных обывательских или попросту буржуазных книжек. Но Вы на это внимание не обращайте, потому что, как говорил Чернышевский, «чем ночь темней, тем звёзды ярче»[395]. А «Письма об изучении природы» Герцена, на которые Вы ссылаетесь, действительно гениальное произведение, во многих отношениях почти марксистское.

Крепко жму руку и желаю увидеть небо в алмазах.

Ваш Мих. Лифшиц

30 апреля 1980 г.
<открытка>

Дорогой Михаил Григорьевич!

Примите наши наилучшие пожелания к наступающим пролетарским и языческим весенним праздникам. Для Зои и для Вас прежде всего здоровья и мира душевного. Лида кланяется.

Ваш М. Л.

P. S. Я сделал себе глазную операцию. Вижу ещё в тумане.

25 июля 1980 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Большое спасибо за поздравление. Я понимаю, что Вы пишете искренне, но, как учил нас товарищ Сталин, нужно быть скромным, а Вы мне устраиваете культ личности, который я в душе уже готов принять. И это с Вашей стороны не хорошо. Соблазниться собственной важностью для мира легко, но, к счастью, так много непреложных фактов напоминает о действительных масштабах и отношениях. Подбивая итоги прожитой жизни, вижу, что для осуществления задуманного и потребного, по крайней мере, в мире идей нужен был бы больший изувер-идеалист, чем я. Но, пожалуй, эта моя не-кантовская разбросанность, чрезмерная отзывчивость на соблазны жизни и была единственным условием, при соблюдении которого можно было сделать немногое. Мы живём в сюжете, сказал какой-то французский экзистенциалист, кажется, Мерло-Понти, и всё в этом сюжете сложено, заделано, как говорится, «заподлицо».

Книга моя Вам отослана. Извините, что задержал. Надеюсь, что получили — были приняты надёжные меры почтовой сохранности.

Я прошу Вас передать мою искреннюю глубокую благодарность Зое за её милое, как всегда, поздравление. Будьте оба здоровы и по возможности спокойны в надежде на лучшее. «Что последнее в жизни?» — «Надежда», ответил Сократ, если верить Диогену Лаэрцию. Шлите Вашу статью, надеюсь, что она исполнена чувством глубокого удовлетворения. Вы ещё увидите небо в алмазах.

Привет от Лидии Яковлевны.

Ваш М. Л.

21 августа 80 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Я ещё раз благодарю Вас и Зоечку за Ваши добрые письма и хочу Вас предупредить, что, как выяснилось в последние дни, мы с Лидой 4-ого сентября уезжаем в отпуск. Нас не будет дома не менее месяца, но, может быть, и полтора. Не знаю, как это соотносится с Вашими планами. Вы как будто хотели на обратном пути заехать в столицу. Я рад был бы Вас повидать, равно как и Вашу верную спутницу жизни, если это возможно. Пишу (как всегда в спешке) большую и чисто философскую статью «Диалог с Ильенковым». И, как всегда, ворчу, недоволен, страдаю и ругаюсь.

Ваш М. Л. Привет от Лиды.

19 ноября 1980 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Буду держаться порядка тем Вашего письма. Где и как мы отдыхали? Мы были в ГДР, где у меня кроме редакционной работы выдался месяц пребывания в хорошем доме отдыха. Вы на Кавказе, а я — в Саксонской Швейцарии. Но Вы, небось, со своим отчаянным фронтовым характером на скалы лазили, а я нет. Отдохнули мы хорошо, но тотчас же по приезде я, конечно, заболел обострением ишемической болезни, выражаясь научно. В настоящее время через день делают в меня какие-то вливания, и я надеюсь, что это мне не повредит.

Сведения о страданиях Зои меня очень огорчили. Кажется, ей было достаточно всего и без последних напастей. Что касается Вашего поражения в идеологической битве с преуспевающим философом, то я Вам сочувствовать не могу, или, в лучшем случае, не более, чем Сервантес сочувствует Рыцарю Печального Образа. А главное, меня это обеспокоило, хотя не знаю, о чём Вы спорили. Ради бога, оставьте споры, ибо, согласно Евангелию, спорщиком быть нехорошо. Сам никогда от споров ничего, кроме вреда, не видел. Надеюсь, что Вы издали камни своей пращой метать не будете. На мои труды Вы, кажется, тратите слишком много времени, но, так или иначе, сие обязывает меня с ещё большим энтузиазмом работать на пользу трудящихся. А энтузиазм, надо признаться, что-то небольшой.

На вопросы о дальнейших изданиях могу сообщить, что статьи 30-х годов почти приготовлены, но не хватает времени и сил, чтобы выдать их миру.

В плане есть у меня сборник статей о русской культуре, куда войдёт и мой очерк эстетики Плеханова[396]. Но когда это будет, сказать не могу. Больше 10 лет тому назад я написал неплохую статью в связи с мемориальным сборником покойного Ильина, которого Вы, конечно, не знаете. Написал и отложил в долгий ящик, а теперь приближаюсь к концу в подготовке к печати его сборника и должен также немного обновить вступительную статью[397]. Кроме того, я написал громадное сочинение «Памяти Эвальда Ильенкова» на сугубо философские темы, но ввиду тысячи дел и болезней также не могу поставить точку[398]. Кажется, у Ленина где-то сказано, что интеллигенция любит начинать много дел и не доводить их до конца. Так оно и есть.

Шлю горячий привет Жанне д'Арк[399] и желаю ей по возможности не болеть. Несмотря на все несчастья, тон Вашего письма бодрый — я это отмечаю.

В этом году никого не поздравлял. Позвольте сделать это задним числом. Л.Я. присоединяется.

Ваш Мих. Лифшиц

5 января 1981 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Извините, что моё поздравление с Новым годом придёт позднее вышеозначенного торжества — труды и болезни меня отчасти в том оправдывают. Желаю вам с Зоей по возможности полного исцеления, а если это мечта, то по крайней мере ограждения от всяких неприятностей, из болезней проистекающих. С моей

точки зрения, вы оба ещё совсем молоды, стало быть, резервы имеются. Как ни тяжелы условия, есть утешение, что и в хороших условиях людям часто достаются тяжёлые болезни. Бог бьёт не прицельным огнём, а по площади.

Что касается Ваших сношений с выдающимся философом, то я на эти сношения никаких надежд не возлагал и рад буду, если из них не выйдет какого худа. Сделайте одолжение, не пишите ему. Что касается Вашего опасения, как бы человек такого типа не пошёл слишком вверх, то я могу, кажется, Вас успокоить. Судьба входит не через эти двери.

Что касается моей большой статьи об Ильенкове, то в защиту её могу сказать, что её чисто философские проблемы должны волновать ум и сердце. Впрочем, значение моих статей Вы безбожно преувеличиваете. Ценность литературы зависит прежде всего от её предмета, её содержания, а предметы мои весьма ограничены. Но, ради бога, не возвращайтесь к этому сюжету, я не напрашиваюсь на опровержение. Покойный Ильенков был редкая птица. Отчасти за мною следуя, он, конечно, хотел быть публицистом, но всё же остался слишком философом. У него речь идёт всё о диалектике, да о теории познания… А я только хотел обрадовать мир моими соображениями на эту тему, которые уже полвека лежат втуне, как Вы сразу меня одёргиваете, указывая мне моё место. Нехорошо-с!

Ваши приключения на толкучке (я имею в виду покупку старых гимнастёрок) невеселы. К сожалению, и у нас с этим делом, по крайней мере, на мой размер, нехорошо. Если попадётся, то я для Вас обязательно куплю, а пока, коли не побрезгуете, могу с моего барского плеча прислать верхние рубашки. Они, во всяком случае, будут приличнее, чем те «гимнастёрки», которые Вы в качестве нижнего белья покупаете у алкашей. Дайте только знак. Лидия Яковлевна присоединяется к моим поздравлениям, и мы оба желаем Вам прежде всего здоровья, а там и богатства. По восточному календарю наступил год петуха, и говорят, что к Новому году нельзя было ничего другому желать. Но так как год уже начался, то я думаю, теперь безвредно.

Всего Вам доброго.

Мих. Лифшиц

4 марта 1981 г.

Дорогая Зоя, дорогой Михаил Григорьевич!

Поздравляем вас с Международным женским днём и желаем прежде всего здоровья. Богатства вам не желаю — на это надежды мало. Значит, остаётся желать философии. Себе я вечерами желаю мужества, мудрости и отсутствия старческой тоски. Вам пока ещё достаточно первых двух. Жизнь моя проходит в конвейере дел, и самое худшее — беспамятный стал. Только что держал Ваше письмо, чтобы ответить по пунктам, и вот — оно исчезло, как и всё исчезает, что мне в данный момент нужно. Отвечу по пунктам в другой раз.

Ваш М. Л.

P. S. Посылка готова, но вот беда — на почте ящиков нет. Всё не слава богу.

5 мая 1981 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Вам, как ветерану, поздравление с обоими праздниками, но ко Дню Победы и открытка воинственная. Извините, что опаздываю, и ещё более извините, что никак не мог Вам доселе послать то, что обещал, — вот уж, поистине, обещанного три года ждут.

Теперь позвольте мне заодно поздравить Зоечку с юбилеем. Твёрдо надеюсь, что она посрамит всех врачей и превратится в пышную даму, супругу нашего известного специалиста по вопросам науки и религии[400].

Продолжаю «по пунктам». Ваш акафист Ильенкову прочёл с удовольствием. Но прошу иметь в виду, что у меня с ним есть расхождения. Хотя он и воспринял от меня и Лукача не мало, но другой стороной, особенно на последнем этапе сошёлся с психологами, которые в философии не разумеют. Они придумали понятие «деятельности», кот<орое> играет у них такую же роль, как glandula pinealis*, шишковидная железа у Декарта, т.е. нечто среднее между духом и материей. Но такого нет, и деятельность тоже бывает либо материальная, либо духовная. Я ищу решения проблемы «идеального» в другом и советую взять ещё несколько уроков материалистической диалектики у Платона. Так что моя статья об Ильенкове носит характер диалога. Поэтому я её и не дал в сборник его статей, а дал только начало — поминальную часть. Остальное со временем прилажу для моего сборника статей. Постараюсь удовлетворить Вашу просьбу, когда будет рукопись.

* Шишковидная железа (*лат.*).

Об Искандере ничего сказать не могу. Его рассказ не читал[401]. В ЛГ читаю только заголовки и международные сенсации. Ещё раз будьте покрепче здоровы, наймитесь в долгожители, есть смысл.

Ваш М. Л.

3 августа 1981 г.

Дорогие Зоя и Михаил Григорьевич!

Большое спасибо за то, что не забыли о моём тезоименитстве, спасибо за ваши добрые пожелания и простите, что так долго не писал, — жара неимоверная, болезни, труд. В общем, трудное лето, надо как-нибудь дотянуть. Неловко также, что я похвалился насчёт белья, а на деле всё оказалось не так просто — и ящика не было, и рабочей силы. Всё-таки старость — довольно подлая вещь. Прежде всего, это отсутствие самостоятельности, мобильности, оскорбляющее человеческое достоинство.

Рецензий в «Библиотекаре»[402] я не читал, не попадалось. Знаю, что душеприказчики Ильенкова образовали свой Комитет общественного спасения для охраны и распространения его идейного наследия. Это в целом совсем не плохо, несмотря на то, что в наследии его есть и непрожёванные куски. В качестве предисловия к сборнику его статей по эстетике я дал только начало моей рукописи, более публицистического, чем философского характера, а всю рукопись отложил в долгий ящик, ибо обступили мя тельцы мнози и тучны[403]. Нужно исполнять свои первейшие обязанности. В этом году я обязан по договору сдать книгу статей

«В мире эстетики»[404]. Это будет расправа с моими недругами, теория с примесью сатиры. Хоть надоел мне отрицательный жанр, но это всё-таки жизнь, и через эту критическую живопись, критический реализм многое уясняется. Будут некоторые смешные страницы.

Пишу всё это к тому, что прислать мою статью памяти Ильенкова, об идеальном и реальном, пока не могу, так как она не дописана, а написанное имеется в одном экземпляре. Надеюсь, однако, рано или поздно закончить её, и тогда она мимо Вас не пройдёт.

Искренне желаю Зоечке, да и Вам, Михаил Григорьевич, скорейшего и полного выздоровления. Пишите, но не обижайтесь на то, что я не буду достаточно аккуратен в ответах. Большой привет от Л.Я.

Всего вам обоим доброго.

Ваш Мих. Лифшиц

19 апреля 1982 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Читал Ваше письмо и очень смеялся, конечно, сквозь слёзы. Насчёт стихотворения «И всё-таки за нами эта твердь»[405] хочу напомнить, что я всегда говорил Вам: мы ещё увидим небо в алмазах (а если даже не увидим, то это вопрос не принципиальный, а технический). Что касается народа, то он так же быстро портится, как и возрождается. Если быстро портится — это лучше, чем медленное гниение, — быстрее идёт процесс возрождения. Как участнику великой войны я Вам напоминаю, что одни и те же люди часто ведут себя гораздо лучше перед лицом смерти, чем

когда они лезут в переполненный трамвай. Дальнейшие аргументы в пользу «тверди» я, впрочем, опускаю ввиду того, что наше положение весьма различно и, будучи в настоящее время благополучным сквайром, я был бы скотиной, если бы проповедовал Вам оптимизм. Но давайте остановимся где-нибудь посредине.

Очень, очень тяжело слышать всё, что Вы рассказываете о Зое. Если не хватает денег на поездку, могу помочь. Что касается наших планов на сентябрь и октябрь, то ничего сказать не могу. Мы до сих пор не знаем, как придётся проводить рабочее лето. Вообще плохо справляемся с нашими делами, и скоро, вероятно, придётся просить помощи пионеров-тимуровцев. Игорь Иванович[406] странный человек — он никогда не позвонит, хотя в трудные минуты жизни приходится рассчитывать на других. Узнав от Вас, что он болен, я, конечно, тут же позвонил ему, но, оказалось, не так худо — полип в носу, который вызывает насморк. Это неприятно, но не так опасно.

А зачем Вам понадобилось читать предисловие к «Идеям эстетического воспитания»? Разве я Вам не подарил книгу, в которую эта статья вошла[407]? Чтобы у Вас было чем заниматься, сидя в бойлерной, посылаю Вам сборник моего сектора[408]. Ради бога, конечно, не думайте, что я придаю этой деятельности слишком большое значение. Но «сильная совесть»[409], как говорит поэт, даже и не столь сильная, со свистом и шипением рвётся наружу.

Л.Я. шлёт Вам и Зое сердечный привет. Бельё до сих пор не отослано, простите, но не могу и винить её — не справляется с потоком повседневного труда и жизни.

Ваш Мих. Лифшиц

С праздником 1 Мая и Днём Победы

22 августа 1982 г.
Переделкино

Дорогой Михаил Григорьевич!

Извините, что так долго Вам не отвечал. У меня было рабочее лето, очень тяжёлое и неудачное в смысле выхода продукции, кроме того, дотрудился до болезни, но пока цел. Я очень был рад узнать, что Ваш семейный союз нерасторжим, и очень сочувствую Вам в том, что Вы потеряли брата (я своего единственного брата потерял ещё в 1943 г.). Тяжело, конечно, я понимаю. Что касается «больницы для бедных», то не мучайте себя. Больницы для богатых имеют свои, совершенно неожиданные, недостатки. А лучше всего туда вообще не попадать.

Я, разумеется, охотно прочту Вашу статью[410], присылайте, но заказной бандеролью. Кланяюсь Зое, желаю здоровья вам обоим. Привет от Лидии Яковлевны.

Ваш Мих. Лифшиц

P. S. Забыл! Большое спасибо за поздравление. Где я буду в сентябре-октябре, пока сказать не могу. Или здесь в Переделкино, или в Москве в Доме ветеранов кино. Где именно, я Вам сообщу открыткой. Пока почтовый адрес тот же. Л.Я. ездит в Москву.

8 октября 1982 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Что же Вы едете в Москву без предупреждения? Написали бы! Я всё лето прожил в Переделкино на даче (ул. Горького, 5). Очень, очень жаль, что так получилось[411]. Что там Вы такое написали, что вызвало такое волнение читателей[412]? Небось с мельницами воюете. Вижу, что Вы публицист по натуре. Я пытался Вас сбить на литературоведение, но не получилось[413]. А пока в гослите произошли такие человеческие кадровые изменения, что я там потерял всякую ниточку. Остались мне более или менее дружественными только издательства по изобразительному искусству.

Я очень, очень сочувствую бедной Зое и Вам в этих проклятых больничных делах. Сам я стараюсь держаться, хотя организм сдаёт позиции. Не могу пожаловаться только на недостаток аппетита. Нынче летом я очень много работал, на износ. Результаты, к сожалению, не велики. Но я увлёкся изложением марксистского гегельянства, дело в том, что я «гегеломарксист», как пишут в Италии[414]. Это нынешней quasi-коммунистической толпе не нравится как сущий догматизм.

Пишите! Наш привет Зое и пожелание быстрее и покрепче выздороветь.

Ваш Мих. Лифшиц

25 апреля 1983 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Всего Вам лучшего к весенним праздникам. Надеюсь, что Ваша подруга жизни больше не выдаёт на гора всякого рода болезней. Желаю этого, во всяком случае. Надеюсь, что и Ваша стенокардия не заставляет Вас принимать столько лекарств, сколько поглощаю я. Большая химия!

Мои дела пока на той же дрожащей точке, что и всегда. Молите бога за меня, за мои литературные дела. Они в этом очень нуждаются.

Большой привет и поздравления Зоечке от меня и Л.Я.

Ваш Мих. Лифшиц

6 августа 1983 г.

Дорогой Михаил Григорьевич!

Спасибо за поздравление, оно пришло вовремя. Что же касается одного московского товарища, который предсказывал, что в случае Вашей смерти «на поверхности жизни не булькнет ни один пузырёк», то поверьте, что после него «булькнет», может быть, — вот и всё. Экая радость, подумаешь! Насчёт пузырька он у Льва Толстого украл[415]. В требовании бесконечности личной жизни есть какое-то тщеславие; Бердяев где-то возмущается даже тем, что его кот не бессмертен. В смерти нет никакой тайны, вот умирать, т.е. переходить из состояния живой материи в элементарную — неприятно. «Я в жизни обмирал и чувство это знаю», — пел Фет[416]. Но на миру и смерть красна. Уже столько поколений отправилось ad patres*, что нам было бы даже стыдно уклониться от этой обязанности. Мнения расходятся. Монтень советовал учиться умирать[417], учиться ars moriendi**, а Спиноза утверждал, что «мудрец думает не о смерти, а о жизни»[418]. Соглашаясь с последним, я нахожу, что некоторая тренировка в этом отношении не вредит. На войне постепенно привыкаешь к смерти, а быть застигнутым врасплох, «средь шумного бала»[419], пожалуй, хуже.

* К праотцам (*лат.*).
** Искусство умирать (*лат.*).

Последняя фраза Вашего письма звучит по меньшей мере странно. Когда это я не желал Вас видеть? Вы просто выбираете такое время, когда меня нет в Москве. Да и знаете ли Вы мой последний номер телефона? Ведь в этом деле происходит постоянная кувырк-коллегия. Наш телефон теперь: 130-71-42, а в летнее время — 443-20-08. Буду ли я в сентябре-октябре в Москве, это ещё большой вопрос, может быть, придётся уйти в отпуск, звоните заранее — возможно, уедем недалеко.

Всё, что Вы пишете о лечении Зои, я принимаю близко к сердцу, но не знаю, как это рассматривать — как ступеньки к выздоровлению? Надеюсь, что клиника неврозов ей поможет. Если это в Москве и она позвонит, мы хотели бы её навестить.

Будьте оба благополучны и по возможности здоровы.

Ваш Мих. Лифшиц

Примечания

1 В 1959 г. Михаил Лифшиц готовился к переезду. В 1960 г. он переехал на улицу Строителей (метро «Университет», Москва).

2 Речь идёт о стенограмме лекции «Народность искусства и борьба классов», прочитанной Мих. Лифшицем в ИФЛИ 23 мая 1938 г. См.: Лифшиц М.А. Собрание сочинений: В 3 т. — М.: Изобразительное искусство, 1984–1988 (далее — трёхтомник). — Т. 2. — С. 245–292.

3 В 1923 г. Лифшиц поступает во ВХУТЕМАС на живописный факультет. С 1924 г. он начинает вести для студентов ВХУТЕМАСа семинары по диалектическому материализму, а с 1925 г. зачисляется на должность преподавателя на кафедру философии. Относясь, по его собственным словам, беззаботно к оформлению необходимых бумаг, Лифшиц не получает диплома о высшем образовании.

4 Рейнгардт Лидия Яковлевна (1909–1994), жена Лифшица, доктор искусствоведения, соавтор ряда его книг: «Кризис безобразия» (1968), «Незаменимая традиция. Критика модернизма в классической марксистской литературе» (1974).

5 Речь идёт о предисловии к новому изданию книги Лифшица «К вопросу о взглядах Маркса на искусство» (М.; Л.: ГИХЛ, 1933), вышедшему в 1960 г. на немецком языке. См.: Karl Marx und Äesthetik. Dresden, 1960. 176 S.; 2-е изд. — 1967. На русском языке книга с этим предисловием вышла в 1972 г.: Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. — М.: Художественная литература, 1972; 2-е изд. — 1979.

6 Лифшиц работал над рукописью «Идеи эстетического воспитания в истории общественной мысли» в 1958–1963 гг., когда был сотрудником ИФ АН СССР. Существует три разных рукописных варианта этой книги, которая не была автором закончена и при жизни Лифшица не издавалась. На основе этих рукописей, с предисловием Лифшица, была издана антология: Идеи эстетического воспитания: В 2 т. / Сост. Шестаков В.П. — М.: Искусство, 1973. Первоначальные рукописи были сведены в одну книгу после смерти автора и опубликованы под названием «Поэтическая справедливость». См.: Поэтическая справедливость. Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли. — М.: ТОО «Фабула». НПО Российская книжная палата. Издательский центр, 1993.

7 Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. / Под ред. Лифшица М.А. — М., Искусство, 1968–1973.

8 Упит Андрей Мартынович (1877–1970), латышский писатель, историк литературы, общественный деятель. После 1951 г. Упит целиком занят литературоведческой работой (книга «Вопросы социалистического реализма в литературе», 1951, русский перевод — 1959, и др.).

9 Речь идёт о Василии Курдюкове, герое рассказа И. Бабеля «Письмо»; рассказ вошёл в сборник «Конармия» (1926).

10 Неедлы Зденек (1878–1962), чешский учёный, 1-й президент Чехословацкой АН (с 1952), иностранный член-корреспондент АН СССР (1947). Труды по истории Чехословакии, СССР, истории культуры, чешской литературе и музыке. В литературоведческих работах («О реализме истинном и псевдореализме», 1948, «О задачах нашей литературы», 1949) исследовал демократические и реалистические традиции чешской литературы.

11 Lifschitz M. Karl Marx und Äesthetik. Dresden, 1960.

12 См.: Лифшиц М.А. Вопросы искусства и философии. — М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935.

13 Речь идёт о предисловии к изданию: Karl Marx und Äesthetik. Dresden, 1960. 176 S. (1967 — переиздание).

14 Речь идёт о работе: Ленин и вопросы литературы (о книге А.В. Луначарского) // Лифшиц М.А. Вопросы искусства и философии. — М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935. — С. 301–312.

15 Работа 1936 г. Впервые была опубликована в журнале «Литературный критик», 1939, № 2. Вошла в трёхтомник: Джамбаттиста Вико. — Т. 2. — С. 4–56.

16 Работа 1939 г., в том же году была опубликована в журнале «Литературный критик», № 10–11. В 1943 г. вносились коррективы. Вошла в трёхтомник: Философские взгляды Чернышевского. — Т. 2. — С. 163–179.

17 Работа написана к 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса. См.: Лифшиц М.А. Ветер истории // Советская культура. — 1960. — 26 ноября. — С. 1–2. Вошла в трёхтомник: Ветер истории. — Т. 1. — С. 273–315.

18 Задуманная Лифшицем книга о Дидро не была осуществлена. Фрагменты из подготовительных материалов к этой книге опубликованы. См.: Лифшиц М.А. Философия культуры Дидро. Фрагменты // Эстетика Дидро и современность. — М.: Изобразительное искусство, 1989. — С. 295–329.

19 Борев Юрий Борисович (р. 1925), прозаик, критик, доктор филологических наук, профессор. Окончил Литературный институт им. Горького (1945), с 1956 г. работает в ИМЛИ РАН. Докторская диссертация — «Трагическое и комическое и проблемы литературы» (1963). Собиратель фольклора. Основные работы: О комическом, 1957; Основные эстетические категории, 1960; О трагическом, 1961; Комическое, 1970; Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника», 1981; Эстетика. 4-е изд., 1988; Сталиниада, 1990; Фарисея. Послесталинская эпоха в преданиях и анекдотах, 1992.

20 Цитата из стихотворения М. Лермонтова «Из Гёте» (1840).

21 А.С. Пушкин «Евгений Онегин», гл. IX (Отрывки из путешествия Онегина):

И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

22 См. Плеханов Г.В. Собрание сочинений: В 24 т. — М.–Л.: ИМЭ, 1923–1927. — Т. 8. — С. 38.

23 В конце 1956 г. Лифшиц прочитал перед аудиторией Центрального Дома литераторов в Москве несколько лекций о модернизме как общественном явлении нашего времени.

24 Гриб Владимир Романович (1908–1940), литературовед, критик, представитель «течения» (см. прим. 43), преподаватель ИФЛИ. Наиболее значительные работы Гриба посвящены эпохе Просвещения и реализму 1-й половины XIX в.: «Лессинг и его „Лаокоон“» (1933), «Учение Винкельмана о красоте» (1934), «Мировоззрение Бальзака» (1934), «Буржуазная психология и власть денег» (1935), «Бальзак о судьбе личности в буржуазном обществе» (1936).

25 См.: Гриб В. Избранные работы. Статьи и лекции по зарубежной литературе / Вступ. статья Г. Фридлендера. — М., ГИХЛ, 1956. Опубликованная в книге статья «Художественный метод Бальзака» (с. 260–274) принадлежит Лифшицу (трёхтомник. — Т. 3. — С. 550).

26 Днепров Владимир Давыдович (1903–1992), историк литературы, критик, кандидат философских наук. В 1918 г. окончил среднюю школу, в 1919 г. вступил добровольцем в Красную армию. Учился на философском отделении Института красной профессуры. С 1929 г. преподавал в вузах Москвы, Ленинграда, Саратова, Воронежа. Арестован в январе 1935 г. за участие в группе Ломинадзе, Шацкого, Кострова. Освобождён в 1954 г. Автор книг и статей о Л. Толстом и Ф. Достоевском. Книга, о которой здесь идёт речь: Днепров В. Проблемы реализма. — Л., Советский писатель, 1960.

27 «Старый приятель» — Дьёрдь Лукач.

Лукач Дьёрдь (1885–1971), венгерский философ-марксист. Коллега и собеседник Лифшица в период московской эмиграции (1929–1931, 1933–1945). Работали в одном кабинете в ИМЭ (1930–1931), сотрудничали в «Литературном критике» (см. прим. 43).

Д. Лукач вернулся в Будапешт в августе 1945 г. и до конца жизни оставался в Венгрии.

Из письма Лифшица Лукачу от 7 июня 1964 г.: «Помню, что в наше старое время Вы меня называли «эпикурейцем». Конечно, очень своеобразный вид эпикурейства, но он всё же существует» (см.: Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970. — М., Grundrisse, 2011. — С. 84).

28 Речь идёт о Ружене Гребеничковой (1925–1997), чешском философе, историке литературы, переводчице. Была замужем за Карелом Косиком (1926–2003; философ-неомарксист, социолог, историк, поддержал «Пражскую весну» ; см. прим. 115).

29 См.: Лифшиц М.А. Поэтическая справедливость. Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли. — М.: ТОО «Фабула». НПО Российская книжная палата. Издательский центр, 1993.

30 Речь идёт о статье Мих. Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян» (Новый мир. — 1954. — № 2. — С. 206–231). Последнее издание статьи в кн.: Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. — М.: Искусство — XXI век, 2007. — С. 83–141.

31 Лифшиц М.А. Профессия господина Крэнкшоу // Новое время. — 1961. — № 44. — С. 15–18.

32 В 1962 г. отмечался юбилей А.И. Герцена, 150 лет со дня рождения. К этому событию редакцией «Литературной газеты» была заказана статья, но не напечатана. Статья, над которой работал Лифшиц к этому юбилею, напечатана в 1967 г.: Лифшиц М.А. Читая Герцена // Вопросы философии. — 1967. — № 1. — С. 114–125. Статья также опубликована в трёхтомнике Лифшица с поправками и обширными комментариями: Т. 3. — С. 59–106.

33 См.: Капитализм и буржуазная культура // Философская энциклопедия: В 5 т. — М.: Советская энциклопедия, I960–1970. — Т. 2, 1962. — С. 447–455.

34 См. прим. 6.

35 Нусинов Исаак Маркович (1889–1950), историк литературы, критик, лингвист, профессор. Читал курс лекций по западноевропейской литературе в 1-м МГУ и лекции по еврейской литературе на отделении еврейской лингвистики 2-го МГУ. Преподавал в ИКП, заведовал кафедрой еврейской литературы в МГПИ. Входил в Еврейский антифашистский комитет и редакционную коллегию «Литературной энциклопедии». Много раз обвинялся в различных «уклонах». Репрессирован вместе с другими деятелями еврейской культуры по делу ЕАК в 1949 г. и вскоре погиб. Посмертно реабилитирован.

36 См., например: Лифшиц М.А. Против вульгарной социологии. Критические заметки // Трёхтомник. — Т. 2. — С. 197–225. (Первоначально статья была опубликована в «Литературной газете», 1936.)

37 Дискуссия 1939–1940 гг. была вызвана работой Д. Лукача «К истории реализма» (Государственное издательство «Художественная литература», 1939) и полемическими статьями Мих. Лифшица в её защиту; см. статьи «Надоело» («Литературная газета», 1940, 10 января) и «В чём сущность спора?» («Литературная газета», 1940, 15 февраля). После этой дискуссии журнал «Литературный критик» (см. прим. 43), вокруг которого сформировалось «течение» (см. прим. 304), был закрыт (1940).

38 См. прим. 33.

39 В письме неточность: работа «Эстетика Гегеля и диалектический материализм» была опубликована в 1931 г. (см.: Эстетика Гегеля и диалектический материализм // Пролетарская литература. — 1931. — № 5–6. — С. 76–93), а работа «Судьба литературного наследства Гегеля» — в 1932 г. (см.: Судьба литературного наследства Гегеля // Литературное наследство. — 1932. — Т. 2. — С. 187–208). Обе работы вошли во второй том трёхтомника: С. 140–162, 114–139.

40 Работа написана как предисловие к кн.: Винкельман И.И. История искусства древности. — М.; Л.: ОГИЗ — ИЗОГИЗ, 1933. — С. VII–LXXII. Вошла в трёхтомник: Иоганн Иоахим Винкельман и три эпохи буржуазного мировоззрения. — Т. 2. — С. 57–113.

41 Работа 1927 г. Вошла в трёхтомник: К вопросу об эстетических взглядах Маркса. — Т. 1. — С. 214–222.

42 Lifshitz M. The Philosophy of Art of Karl Marx. New York. 1938. Работа на английском языке переиздавалась дважды: Лондон, 1973, 1976.

43 «Литературный критик» — ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы. Выходил в Москве в 1933–1940 гг. Организован после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Основные разделы журнала: теория и история литературы, литературная критика, обзоры, библиография, хроника, сатира и юмор. Вокруг журнала группировалось «течение», куда входили М. Лифшиц, Г. Лукач, Е. Усиевич, В. Александров, В. Гриб, И. Сац, А. Платонов. См. прим. 304.

Журнал был закрыт по постановлению ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (1940 г.) после дискуссии 1939–1940 гг. вокруг работы Д. Лукача «К истории реализма» и полемических статей Мих. Лифшица в её защиту. См. прим. 37.

«Литературное обозрение» — критико-библиографическое издание при журнале «Литературный критик». Выходил раз в две недели. Издавался в Москве в 1936–1941 гг. Был рассчитан на широкий круг читателей, давал информацию о новинках советской и зарубежной литературы, изданиях классиков, о критических работах и книгах по теории и истории литературы. В 1940–1941 гг. — орган ИМЛИ им. М. Горького.

«Литературная газета» — российское еженедельное литературное и общественно-политическое издание. Издаётся с 22 апреля 1929 г.

44 К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве / Редакция Лифшица М., комментарии Выгодского А., Фридлендера Г. — М. — Л.: Государственное издательство «Искусство», 1937. (1938 г. — дополнительный тираж.) Антология переиздавалась с предисловием Лифшица в 1957, 1967, 1976, 1983 гг.

45 Ленин о культуре и искусстве / Сост. и авантексты Лифшица М. — М. — Л.: Государственное издательство «Искусство», 1938.

46 Речь идёт о пятитомном издании (в шести книгах) «Памятники мировой эстетической мысли» (М., «Искусство», 1962–1970), подготовленном Академией художеств СССР и НИИ теории и истории изобразительных искусств. В редколлегию издания входили Мих. Лифшиц и Л. Я. Рейнгардт. В 4-м томе (1968) помещена вступительная статья В. Достала к разделу «Чехословакия» (с. 351–361): см. письмо Лифшица Досталу от 2 ноября 1969 г.

47 Гольдштюкер Эдуард (1913–2000), чехословацкий дипломат и общественный деятель, историк литературы. В 1938 г. окончил философский факультет Карлова университета в Праге. Приобрёл известность многочисленными работами о развитии немецкой литературы в Праге, особенно о Ф. Кафке («О Франце Кафке», 1964). В эмиграции с 1969 г. В 1974 г. лишён чехословацкого гражданства. С 1968 г. в советской и восточноевропейской печати Гольдштюкер фигурировал как один из инициаторов «заговора агентов сионизма и империализма, направленного на отрыв Чехословакии от лагеря социализма». В 2000 г. получил премию имени Т. Г. Масарика.

48 Личность не установлена.

49 Хватик Кветослав (р. 1930), чешский философ, эстетик, историк литературы. В 1980 г. получил политическое убежище в Германии. Читал лекции в ряде университетов. Последнее время много занимался современной чешской литературой, автор исследований творчества Милана Кундеры.

50 Плотников Сергей Николаевич (1929–1995), специалист по социологии культуры и искусства; доктор философских наук, профессор. Окончил ГИТИС (1950). Работал в московских театрах актёром, режиссёром, художником. Окончил аспирантуру ИФ АН СССР. Преподавал философию в МГУ. В 1968 г. организовал отдел социологии в НИИ культуры Министерства культуры РСФСР и 15 лет руководил им.

51 Поэма А.Т. Твардовского «Тёркин на том свете», была закончена автором в 1954 г. Впервые опубликована в августе 1963 г. в газете «Известия» (редактор А. Аджубей), а затем отдельной книгой в «Советском писателе» (1964).

52 См.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер: в 3 кн. — М.: Наука, 1962–1965. — Кн. 1. — 1962

53 Гачев Георгий Дмитриевич (1929–2008), философ, культуролог, историк литературы, эстетик. Родился в семье болгарского коммуниста и политического эмигранта, музыковеда Дмитрия Ивановича Гачева. Окончил филологический факультет МГУ (1952). С 1954 г. работал в системе АН СССР (РАН) (ИМЛИ, Институт истории естествознания и техники, Институт славяноведения и балканистики). Докторская диссертация — «Развитие художественного образа в литературе» (1983). Наиболее известные книги: «Национальные образы мира: Общие вопросы» (1988), «Неминуемое: ускоренное развитие литературы» (1989), «Наука и национальные культуры: гуманитарный комментарий к естествознанию» (1992), «Национальные образы мира: Евразия — космос кочевника, земледельца и горца» (1999), «Осень с Кантом» (2004).

54 Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839):

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжёлый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье…

55 Палиевский Пётр Васильевич (р. 1932), историк литературы, критик. Окончил филологический факультет МГУ (1955), поступил в аспирантуру ИМЛИ, по окончании её стал сотрудником ИМЛИ. Доктор филологических наук (1994). Книги: «Пути реализма» (1974), «Русские классики: Опыт общей характеристики» (1987) и др.

56 Эльсберг Яков Ефимович (1901–1976), историк литературы, критик, давний оппонент Мих. Лифшица. По доносам Эльсберга были арестованы И. Бабель, Л. Пинский (ученик Лифшица) и др. С 1953 г. научный сотрудник ИМЛИ. Вернувшиеся из лагерей реабилитированные писа-

тели, пострадавшие от доносов Эльсберга, потребовали привлечь его к ответственности. В 1962 г. он был исключён из партии и Союза писателей СССР (см.: Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — С. 174).

57 Речь идёт о вступительной статье: Борев Ю.В., Эльсберг Я.Е. Введение. Теория литературы, историзм и современность // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер: в 3 кн. — М.: Наука, 1962–1965. — Кн. 1. — 1962. — С. 8–9. См. также прим. 19 и 56.

58 Пятый Гегелевский конгресс по эстетике состоялся в Зальцбурге (Австрия) в августе-сентябре 1964 г. Среди участников были Э.В. Ильенков, П.В. Копнин, М.Ф. Овсянников, А.Г. Егоров.

59 Овсянников Михаил Федотович (1915–1987), философ, доктор философских наук, профессор. Окончил филологический факультет МГПИ им. Ленина (1939). Кандидатская диссертация — «Судьба искусства в капиталистическом обществе у Гегеля и Бальзака» (1943), докторская — «Философия Гегеля» (1961). В 1968–1974 гг. — декан философского факультета МГУ.

60 Егоров Анатолий Григорьевич (1920–1997), философ, доктор философских наук, профессор. В 1956–1961 гг. — гл. редактор журнала «Политическое самообразование». С 1961 г. — зам. зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС. С 1965 г. — гл. редактор журнала «Коммунист», в 1974–1987 гг. — директор ИМЛ при ЦК КПСС. Академик АН СССР (1974).

61 Ингарден Роман (1893–1970), польский философ, феноменолог, доктор философии (1918), профессор (1933), действительный член Польской АН (1957). Ученик Э. Гуссерля. В 1933–1941 гг. преподавал во Львовском университете (до гитлеровской оккупации), в 1946–1950 гг. и 1956–1963 гг. — преподаватель Ягеллонского университета (Краков). Автор большого числа трудов по проблемам эстетики, теории познания, логики, формальной онтологии, философии языка. Перевёл на польский язык ряд философских трудов, в том числе «Критику чистого разума» Канта.

62 Зеленый, Зелены Генрих (1922–1997), чешский философ.

63 Отрывок из интервью Пикассо:

«С того момента, как искусство перестало быть пищей для поддержания лучшего, художник получил возможность выразить свой

талант во всевозможных экспериментах с новыми формулами, в бесконечных причудах и фантазиях, в любых приёмах интеллектуального шарлатанства. Люди больше не ищут в искусстве ни утешения, ни экзальтации. Но люди утончённые, богатые, праздные, любители квинтэссенции ищут нового, необычного, оригинального, экстравагантного, шокирующего. И я, начиная со времён кубизма и далее, удовлетворял этих джентльменов и критиков разнообразными прихотями, которые приходили в мою голову. И чем менее они их понимали, тем более восхищались. Развлекая себя этими играми, этим шутовством, причудами ума, загадками и вывертами, я стал известен довольно быстро. А слава значит для художника увеличение продаж, деньги, достаток.

Сегодня, как вы знаете, я знаменит и богат. Но наедине с самим с собой у меня не хватает наглости считать себя художником в великом и древнем смысле слова. Были великие художники, такие, как Джотто, Тициан, Рембрандт, Гойя. Я же только развлекатель публики, который понял своё время и эксплуатировал, насколько мог, тупоумие, тщеславие и алчность своих современников. Это горькая исповедь, и более болезненная, чем это может показаться, но у неё есть достоинство искренности».

Это нашумевшее интервью с Пикассо было сочинено итальянским писателем и журналистом Джованни Папини (1881–1956) и опубликовано в его книге *Il Libro Nero* в 1951 г. В книге также присутствовали вымышленные интервью со Стендалем, Кафкой, Дали и т.д. В 1955 г. интервью Пикассо было разоблачено как неподлинное его биографом Пьером Дэксом.

64 Римские колоны — полузависимые крестьяне в Римской империи, предшественники зависимых крестьян времён феодализма.

65 Речь идёт о работе известного французского левого интеллектуала и деятеля компартии (впоследствии исключённого из неё) Роже Гароди (р. 1913) «Реализм без берегов», опубликованной в 1963 г., а в 1966 г. вышедшей также на русском языке (см.: Гароди Р. О реализме без берегов. — М.: Прогресс, 1966). Роже Гароди на протяжении долгих лет входил в политбюро Французской компартии, редактировал теоретический журнал ФКП «Cahiers du communisme». В 1982 г. уже порвавший с марксизмом Роже Гароди принял ислам, получил имя Реджа Джаруди и стал «выдающимся исламским интеллектуалом XX в.».

66 См.: Georg Lukacs. Die Eigenart des Äeshetischen. Neuwied am Rhein, Berlin-Spandau: Luchterhand, 1963 (2 vol.) На русском языке см.: Лукач Д. Своеобразие эстетического: В 4 т. — М.: Прогресс. 1985–1987.

67 *Nuovi Argomenti* («Новые аргументы»), итальянский литературный журнал, основанный в 1953 г. в Риме. Во главе журнала стояли Альберто Моравиа, Альберто Кароччи, Пьер Паоло Пазолини.

68 Бортштибер Гертруд, по первому мужу Яношши (Janossy) (1982–1963), вторая жена Лукача, экономист. Вместе с Лукачем жила в Москве в «московский период» философа. О тёплом отношении к Гертруд свидетельствуют многие письма Лифшица к Лукачу (см.: Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970. — М., Grundrisse, 2011).

69 Курелла Альфред (1895–1975), немецкий писатель, переводчик, историк литературы, общественный деятель. В 1934–1954 гг. жил в СССР. Свободно владел немецким, русским, итальянским, французским языками. Внёс значительный вклад в исследование и освоение Кавказа. С 1963 г. — заместитель президента Академии искусств ГДР.

70 См: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963.

71 Работа была опубликована в 1964 г.: Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я. От кубизма к абстракции // Искусство. — 1964. — № 6, № 7.

72 Лифшиц во многих статьях упоминает о законе круговой поруки, установленном Герценом: «Религия создала ложную идею «первородного греха», ответственности, лежащей на всех людях. Религия многое искажает и многому придаёт безнадёжный оттенок, но не на пустом месте создаёт она свои ложные идеи. Иначе никакой убедительной силы она не имела бы. Никакого первородного греха нет, а то, что Герцен назвал круговой порукой, есть. Приходится отвечать за преступления и ошибки, за ложные поступки, сделанные другими людьми. И вы не можете сказать: это бессмысленно, мир абсурден, как говорят экзистенциалисты. Нет, он не абсурден. Вы не можете отречься от круговой поруки, потому что вы сами пользуетесь положительными результатами деятельности других людей, их жертвами и подвигами, их трудом и энтузиазмом. «Наша борьба отзовётся на поколеньях иных» — эти слова старой революционной песни также выражают закон круговой поруки, но с его положительной стороны. Не зря погибли герои революции, не напрасно «под ношей крестной весь в слезах влачится правый». Только расчёт производится в масштабе больших исторических процессов» (см.: Лифшиц М.А. Немезида // Экономические науки. — 1990. — № 10. — С. 62–77.)

73 Мадам де Севинье (Мари де Рабютен-Шанталь, баронесса де Севинье, 1626–1696), французская писательница. Тридцатилетняя переписка с дочерью и другими адресатами составила том «Писем», одного из известнейших произведений эпистолярного жанра. Уникальный опыт частной переписки, не предназначенной для издания, чрезвычайно разнообразен по жанру: газетная хроника, мелочи и тяготы быта, описания многочасовых прогулок, пейзажей, тема одиночества, активно присутствует медицинская тема — всё это послужило источником ценных исторических фактов, дало картину нравов той эпохи.

74 M. Lifšic. Proč nejsem modernista? Estetika. Praha, 1964, № 4, P. 331–337.

75 Пажитнов Леонид Николаевич (1931–1997), историк искусства, эстетик. Работал в Институте истории искусств. Основные работы: Проблемы эстетики в «Экономически-философских рукописях» К. Маркса // Вопросы эстетики. Вып. I. — М.: Искусство, 1958; «Капитал». Проблемы эстетики в «Капитале» // Философская энциклопедия. Т. II, 1962; У истоков революционного переворота в философии: «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса. — М.: Соцэкгиз, 1960. Соавтор Б.И. Шрагина (см. прим. 293), см.: Пажитнов Л., Шрагин Б. Социологические концепции искусства 20-х и 30-х годов в России // Мир искусств. Альманах. — М.: РИК Русанова, 1997. — С. 7–65.

Подписал вместе с Шрагиным так называемое «письмо 80-ти» в 1968 г., за что был снят с работы.

76 В предисловии к посмертному изданию сборника статей Мих. Лифшица «Тридцатые годы», опубликованному в ГДР в 1988 г. (Die dreissigen Jahre. Dresden. 1988) речь идёт главным образом об отношениях с Д. Лукачем. Первые страницы этого предисловия опубликованы в первом томе трёхтомника под заголовком «Вместо предисловия» (с. 3–6).

77 Усиевич Марина Александровна (1924–2004), дочь Е.Ф. Усиевич. Доктор экономических наук, долгие годы возглавляла сектор Венгрии в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, позже преобразованном в Институт международных экономических и политических исследований РАН. Автор многих работ по проблемам экономики Венгрии.

78 Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968), литературный критик. Принимала участие в гражданской войне. Её муж, Г.А. Усиевич, погиб во время гражданской войны в возрасте 28 лет (его именем названа одна из улиц Москвы). В 1932 г. окончила ИКП. Активный сотрудник журналов «Литературный критик», «Литературное обозрение», входила в «течение» (см. прим. 43). В 1930-е гг. Е. Усиевич критиковала советскую литературу за иллюстративность и «бюрократический оптимизм» (в частности, критиковала РАПП), защищала А. Платонова, поэта П. Васильева (впоследствии расстрелянного) и др. Переводила польскую литературу. Участвовала в Великой Отечественной войне. Автор книг «Владимир Маяковский», 1950; «Ванда Василевская», 1953; «Пути художественной правды», 1958; многих статей по вопросам советской литературы.

79 Рецензии Мих. Лифшица на произведения А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «В круге первом» см. в книге: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? — М.: Искусство — XXI век, 2009. — С. 565–581.

80 Знаменитая максима Тертуллиана (около160 — после 220), христианского богослова и писателя.

81 Речь идёт об издании: История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. (в 6 книгах). — М.: Издательство Академии художеств СССР, 1962–1970.

82 Работа Лукача «Онтология общественного бытия», начатая в 1961 г., не была завершена. Фрагменты из неё публиковались в 1970-е гг., после смерти Лукача. Полностью работа в немецкоязычном оригинале опубликована в 1984–1986 гг. западногерманским издательством «Лухтерханд»: Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. I–II. Halbband. Neuwied — Berlin–Darmstadt, 1984, 1986 (Georg Lukács Werke. Band 13–14). Немецкоязычной публикации предшествовала публикация венгероязычного перевода в 1976 г. На русском языке см. публикацию первой части: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Пролегомены. — М.: Прогресс, 1991.

83 Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я. От кубизма к абстракции // Искусство. — 1964. — № 6. — С. 43–50; Там же. — № 7. — С. 58–62.

84 «Вопросы эстетики» — сборник, издававшийся Институтом истории искусств с 1958 г. по 1971 г.

85 Мультатули (псевдоним, от лат. multa tuli — я много перенёс, 1820–1887), нидерландский писатель. С 1838 г. служил в колониальном аппарате Индонезии. Известность писателю принёс автобиографический роман «Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества» (1860, русский перевод — 1959), в котором писатель разоблачал колониализм. Основанный на автобиографических фактах, проникнутый публицистическим пафосом, роман приобрёл характер политического памфлета. Произведения Мультатули оказали влияние на общественное мнение Европы, на формирование мировоззрения первых индонезийских просветителей, деятелей национального движения.

86 Речь идёт об австрийском литературоведе, публицисте, политике Эрнсте Фишере (1899–1972), который иногда писал под псевдонимом Peter Wieden. Участник антифашистского движения, в 1938–1945 гг. жил в эмиграции в СССР, где подружился с Лукачем. В 1969 г. исключён из компартии Австрии по обвинениям в ревизионизме.

Под «Фишером и К°» Лифшиц имеет в виду Э. Фишера и Р. Гароди. Из письма Лифшица Лукачу от 11 октября 1965 г.: «У меня есть к Вам одно предложение. В журналах «IL Contemporaneo» и «Weg und Ziel» Эрнст Фишер дошёл уже до полного богостроительства образца 1908–1910 гг. То же самое делает Гароди. Что Вы об этом думаете? Собственно, я знаю, что Вы об этом думаете, заранее. Но не напишете ли мне письмо на эту тему, более или менее пространное, а я постараюсь его перевести и опубликовать?

То, что Фишер был в прошлом лучше, чем теперь, пусть Вас не смущает. Ведь Фишера не останавливает то обстоятельство, что Гароди, пишущий о Вас в самом отрицательном духе, является его апологетом и союзником. По-моему, это дело принципиальное, и Ваше слово здесь необходимо. А я со своей стороны присоединю кое-что от себя в том же смысле и направлении. Написать можно самым вежливым образом, но следует, по-моему, написать, да и трибуна не плоха» (см.: Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970. — М., Grundrisse, 2011. — С. 104.)

87 Живописное панно Пикассо «Война и Мир» было выполнено для Храма мира городка Валлорис (юг Франции). Завершённое в 1952 г., оно было подарено художником французскому государству в 1956 г. Храм был объявлен национальным музеем.

88 Разумный Владимир Александрович (1924–2011), философ, публицист, критик. Участник войны. Окончил ВГИК (1948), аспирантуру ИФ АН СССР (1952). В 1955–1969 гг. — старший научный сотрудник ИФ АН СССР, 1969–1977 гг. — директор издательства «Педагогика», далее работал в различных структурах министерства образования. См. также прим. 146.

89 Рюриков Юрий Борисович (р. 1929), литературный критик, публицист, автор статей по проблемам теории литературы и эстетики. Сын Бориса Сергеевича Рюрикова (1909–1969), историка литературы, критика.

90 Сац Игорь Александрович (1903–1980), литературный критик, переводчик. В 1923–1933 гг. — литературный секретарь А.В. Луначарского. Сестра И. Саца, Наталья Александровна Сац, актриса, была женой Луначарского. В 1936–1940 гг. — один из ведущих сотрудников журнала «Литературный критик», представитель «течения» (см. прим. 43 и 304), в 1953–1954 гг. — зав. отделом критики, в 1960-е гг. — член редколлегии журнала «Новый мир».

См.: Лифшиц М.А. Памяти друга // Луначарский А.В. Об искусстве: В 2 т. — М.: Искусство, 1982. — Т.1. — С. 47–48.

91 Шафф Адам (1913–2006), польский философ. С 1932 г. член компартии Польши. Окончил Львовский университет (1935), Школу политических и экономических наук в Париже (1936). В 1939–1945 гг. жил в Москве. В 1945 г. возвращается в Польшу. Основные работы в этот период: «Введение в семантику», 1960; «Марксизм и экзистенциализм», 1961; «Философия человека», 1962; «Язык и познание», 1964; «Марксизм и человеческий индивид», 1965.

92 В архиве Мих. Лифшица есть материалы на тему «Добро и зло».

Также в архиве хранится ряд папок, посвящённых теме трагического: папка № 136 «Das Tragische» и папка № 213 «О трагическом», в которой, в частности, находится стенограмма лекции «О трагическом», прочитанной 6 апреля 1963 г. на Высших сценарных курсах Союза работников кинематографии СССР.

93 Речь идёт о статье «На деревню дедушке», написанной в 1965 г. для журнала «Новый мир», но не пропущенной цензурой. Впервые работа была напечатана репринтным способом тиражом 300 экземпляров в НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии

художеств СССР в 1990 г. Переиздана в кн.: Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. — М.: Искусство — XXI век, 2007. — С. 197–288.

94 См.: Лифшиц М.А. Вместо введения в эстетику А.В. Луначарского // Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. — М.: Художественная литература, 1963–1967. — Т. 7. — 1967. — С. 587–613. Работа вошла в трёхтомник под названием «Луначарский»: Т. 3. — С. 188–212.

95 Ср.: «Спиноза изложил свою философию в книге под названием «Этика». Почему же нельзя было бы при других обстоятельствах изложить систематическую философию в книге под названием «Эстетика»?» — Лифшиц М.А. Varia. — М.: Grundrisse, 2010. — С. 89.

96 Слово «всечеловек» впервые ввёл Ф.М. Достоевский, употребив его в речи, посвящённой открытию памятника А.С. Пушкину (1880). А.В. Луначарский, в свою очередь, использовал это слово в речи в честь 100-летия со дня рождения Достоевского (1921).

97 В это время Лифшиц является сотрудником НИИ художественного воспитания Академии педагогических наук СССР.

98 Здесь Лифшиц цитирует слова Д. Лукача, сказанные им, когда он вышел с Лубянки после своего ареста органами НКВД в 1941 г. См.: Беседы на Лубянке. Следственное дело Д. Лукача / Редакторы-составители и авторы комментариев В. Середа и А. Стыкалин. — М.: ИСл РАН, 2001.

99 Речь идёт о 60-летии: М.А. Лифшиц родился 23 июля 1905 г.

100 Александр Твардовский посвятил Лифшицу стихотворение «Есть книги — волею приличий…». Из записей Твардовского: «Отметили Лифшица, прочёл стихи «Есть книги», не без некоторой мысли, но они прошли как-то незаметно — то ли как старые, уже напечатанные, то ли как набросанные специально к случаю». (Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. — 2002. — № 2.)

101 См. прим. 93.

102 Цитата из стихотворения В. Маяковского «Во весь голос» (1929–1930):

Сочтёмся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет

построенный
в боях
социализм.

103 Памфлет опубликован в 2002 г. А. К. Фроловым с его же предисловием в газете «Советская Россия» (от 5 сентября, с. 3–4). Заключительная фраза памфлета «Конец: приходит чёрт в образе черносотенца» не была опубликована.

104 Гаек Иржи (1913–1993), чешский политический деятель, дипломат ЧССР. Во время гитлеровской оккупации Чехословакии был арестован и отправлен в концлагерь в Германии. В 1959–1968 гг. — главный редактор журнала «Пламен». В 1962–1965 гг. — представитель ЧССР в ООН, 1965–1968 гг. — министр образования и культуры. 8 апреля — 19 сентября 1968 г. — министр иностранных дел Чехословакии, активный участник «Пражской весны» (см. прим. 125).

105 Речь идёт о разводе В. Достала с женой.

106 Дискуссия была вызвана публикацией: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? // Литературная газета. — 1966. — 8 октября. — С. 2–4.

107 «Художник», издание Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» (ВТОО «СХР»). Выходит с 1958 г. В советские годы — ежемесячный иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства: монографические и обзорные статьи, рецензии на выставки, художественное наследие, материалы в помощь художникам-любителям и др.

108 Лифшиц М.А. Всё отвергнутое прекрасно? // Художник. — 1966. — № 9. — С. 37–42.

109 Лифшиц М.А. Г.В. Плеханов и критика модернизма в изобразительном искусстве // Художник. — 1967. — № 1. — С. 57–62.

110 См. прим. 32.

111 Горанов Крыстю, болгарский философ и эстетик. Монография «Содержание и форма в искусстве» выпущена в 1958 г. на болгарском языке издательством Болгарской Академии наук (русский перевод — М.: Искусство, 1962). Также вышла на русском языке книга: Горанов К. Художественный образ и его историческая жизнь. — М.: Искусство, 1970.

112 В повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836) денщик Савельич уговаривает Гринёва поцеловать руку Пугачёву «...Плюнь да поцелуй у злодея ручку».

113 Ильенков Эвальд Васильевич (1924–1979), философ. В 1950 г. окончил философский факультет МГУ. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса „К критике политической экономии“», в 1968 г. — докторскую диссертацию «К вопросу о природе мышления». Основные книги: Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; Об идолах и идеалах. М., 1968; Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974; Искусство и коммунистический идеал. М., 1983; Философия и культура. М., 1991.

История знакомства Мих. Лифшица и Э. Ильенкова описана Л. Науменко, см.: Науменко Л.К. Об Эвальде Ильенкове, о времени и немного о себе // Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. — М.: РГГУ, 2004. — С. 93–95.

Также см.: Лифшиц М.А. Памяти Эвальда Ильенкова // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. — М.: Искусство, 1984. — С. 3–7.

114 Соловьёв Эрих Юрьевич (р. 1934), специалист в области истории западноевропейской философии. Окончил философский факультет МГУ (1957). В 1958–1968 гг. — зам. зав. отделом зарубежной философии журнала «Вопросы философии». В 1968–1970 гг. — научный сотрудник Института международного рабочего движения, зав. сектором социальной психологии и массовых движений. С 1970 г. — в ИФ АН СССР (РАН). Докторская диссертация — «Эпоха ранних буржуазных революций и практическая философия Канта» (1991).

115 Косик Карел (1926–2003), чешский философ-неомарксист, социолог, историк. Во время войны — участник подпольной коммунистической группы «Авангард». С января по май 1945 г. находился в концлагере Терезин. 1947–1949 гг. — учеба на философских факультетах Московского и Ленинградского университетов. 1953 г. — член философского отделения АН ЧССР. Поддержал «Пражскую весну». Наиболее известная работа — «Диалектика конкретной тотальности» (1963). Был женат на философе и литературоведе Ружене Гребеничковой (см. прим. 28).

116 «Фигаро» (Le Figaro), французская ежедневная газета, специализирующаяся на новостях политики, бизнеса, культуры, науки. Основана

в 1826 г. как сатирическое издание, публикующее сплетни из творческих и светских кругов (подобно цирюльнику Фигаро). Выходит и по сей день.

117 Колар Франтишек, соотечественник В. Достала, в 1960-е гг. сотрудник Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), штаб-квартира которого находилась в Москве.

118 См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1965; 1990.

119 Маца Иван Людвигович (1893–1974), историк искусства. Родился в Австро-Венгрии. В конце 1910-х гг. активно участвовал в развитии венгерского авангарда. В 1923 г. переехал в Москву. Преподавал во многих московских институтах, профессор (1930). Участник объединения «Октябрь» (1928–1932). Член-корреспондент Коммунистической академии (1930–1936). Труды по эстетике, теории архитектуры и художественной промышленности, проблемам современной художественной культуры. В своих работах связывает напрямую общественные условия и закономерности развития искусства (в духе В. Фриче). См. его ретроспективную статью: Маца И. Советская эстетическая мысль в 1920-е годы // Из истории советской эстетической мысли: Сб. статей / Под ред. Л.Ф. Денисовой. М.: Искусство, 1967. С. 18–58.

120 Речь идёт о кн.: Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я. Кризис безобразия. — М., Искусство, 1968.

121 К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве: В 2 т. / Сост. Лифшиц М., вступ. статья Лифшица М., комментарии Выгодского А., Фридлендера Г. — М.: Искусство, 1967. См. прим. 44.

122 В 1967 г. Мих. Лифшиц избирается членом-корреспондентом, а в 1975 г. — действительным членом Академии художеств СССР.

123 Речь идёт о публикации в пражском журнале «Эстетика» памфлета «Почему я не модернист?» — Proč nejsem modernista? Estetika. Praha, 1964. №4. P. 331–337.

124 Лифшиц Анна Михайловна (в замужестве — Пичикян, р. 1938), дочь М.А. Лифшица, историк искусства.

125 Время написания письма — разгар «Пражской весны», период с 5 января 1968 г. по 20 августа 1968 г., время политической и культурной либерализации в Чехословакии.

126 Кольман Эрнест Яромирович (1892–1977), математик, философ-марксист, общественный деятель. Родился в Праге. В 1917 г. — доброволец Красной армии. 1932 г. — редактор БСЭ, отдел физико-математических наук. 1934 г. — доктор философских наук. 1939 г. — сотрудник ИФ АН СССР. 1948 г. — арест. 1952 г. — реабилитация. 1968 г. — осудил ввод советских войск в Чехословакию. 1976 г. — поездка к дочери в Стокгольм, получил политическое убежище, стал невозвращенцем. 1976 г. — открытое письмо «Почему я выхожу из коммунистической партии. Открытое письмо Леониду Брежневу». Умер в Стокгольме.

127 См.: Лифшиц М.А. Либерализм и демократия // Вопросы философии. — 1968. — № 1. — С. 98–110.

128 Это первое письмо Мих. Лифшица, написанное В. Досталу после «Пражской весны». Приводим письмо В. Достала от 20 сентября 1969 г., где он чрезвычайно обеспокоен молчанием Лифшица:

Дорогой Михаил Александрович!

Пишу Вам уже третье письмо, ничего не зная о судьбе предыдущих. Поэтому не буду повторять их содержание и ограничусь вопросами чисто практическими.

Я, естественно, ничего не знаю о Вас. Может быть, Вы мои письма не получили, или Вам неудобно вести переписку. Мало ли что случается. Если Вам трудно писать, передайте на словах посредством товарища Колара, который работает в С.Э.В. в Москве (Марина должна знать, как туда добраться). Мне хочется узнать, живы ли Вы и здоровы и как Ваша работа — то, что всегда.

О себе только самое последнее (новое). Я опять сотрудничаю с партийным ежегодником Tvorba (продолжение Kulturni tvorba). Собираюсь переводить Вашу «Феноменологию консервной банки». Относительно здоров, более или менее жив. Надеюсь в начале года приехать в Москву.

Желаю всего доброго. Поклон Лидии Яковлевне.

Ваш Владимир Достал

129 См. прим. 46.

130 Речь идёт о первых двух томах четырёхтомного издания: Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. / Под ред. Лифшица М.А. — М., Искусство, 1968–1973.

131 См.: Лифшиц М.А. Эстетика Гегеля // Вопросы философии. — 1968. — № 4. — С. 137–147.

132 См.: Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. (По поводу одной литературной дискуссии) // Вопросы философии. — 1968. — № 1. — С. 98–110.

Дымшиц Александр Львович (1910–1975), историк литературы, критик, доктор филологических наук. Окончил Ленинградский государственный институт истории искусств (1930). В 1930-х гг. преподавал в ЛГПИ. Участник войны, политработник. С 1950 г. сотрудник Пушкинского дома АН СССР в Ленинграде. В 1957–1961 гг. член редколлегии журнала «Звезда» (Ленинград). В 1961–1962 гг. заместитель главного редактора журнала «Октябрь» (Москва). С 1964 г. главный редактор Госкино СССР. С 1966 г. сотрудник, затем заместитель директора ИМЛИ АН СССР, профессор. Работы по современной русской и зарубежной литературе.

Дымшиц — давний оппонент Лифшица: см. конец прим. 227. См. также: Лифшиц М.А. Осторожно — человечество! // Лифшиц М.А. Почему я не модернист? — М.: Искусство — XXI век, 2009. — С. 57; Лифшиц Мих. Искусство и фашизм в Германии // Там же. — С. 270–275.

133 Работа «Карл Маркс и современная культура» была написана в 1958 г.; в журнале «Коммунист» опубликована к 50-летию Октябрьской революции под названием «Маркс и трагедия буржуазной культуры» (Коммунист. — 1968. — № 6. — С. 88–101). Вошла в трёхтомник: Т. 1. — С. 250–272.

134 См. Лифшиц М.А. Модернизм как явление современной буржуазной идеологии // Коммунист. — 1969. — № 16. — С. 102–114. Вошла в трёхтомник: Т. 3. — С. 438–453.

135 Комментарии к книге Лифшицем не были закончены. Книга вышла без комментариев. См.: Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. — М.: Художественная литература, 1972.

136 Статья написана в 1963 г. для пражского журнала «Estetika», напечатана в нём в 1964 г. (№ 4), также печаталась в ГДР в 1966 г. в журнале «Forum» (№ 6). На русском языке памфлет был опубликован в «Литературной газете» от 8 октября 1966 г. Название статьи является пародией на известные заглавия памфлетов Бертрана Рассела — «Почему я не христианин?», «Почему я не коммунист?». Публикация статьи вызвала колоссальный резонанс. См. Кораллов М.М. Как появилось эссе // Лифшиц М.А. Почему я не модернист? — М. Искусство — XXI век, 2009. — С. 342–364.

137 Сикофанты, от sykophántes (*греч.*) — в Афинах и других полисах Древней Греции сикофантами называли профессиональных доносчиков, клеветников и шантажистов.

138 «Тля», роман Ивана Шевцова (р. 1920), был написан в 1949 г. в разгар кампании по борьбе с космополитизмом. В нём рассказывается о борьбе русских художников-реалистов с евреями-формалистами. В начале 1950-х гг. роман готовился к печати в издательстве «Молодая гвардия» и ленинградском журнале «Нева». Но рукопись легла в стол. Вечером 1 декабря 1962 г., после резкого выступления Хрущёва по адресу художников-авангардистов на выставке в Манеже, Шевцову позвонил его друг скульптор Евгений Вучетич, сказавший, что роман пора издавать. Книга вышла в 1964 г. в издательстве «Советская Россия» (в 2003 г. — второе издание).

139 См.: Шевцов И. Разоблачение безобразия // Октябрь. — 1969. — № 3. — С. 215–217.

140 Тори и виги — две основные политические партии в Англии XVIII в. Обе партии были связаны с высшим английским дворянством. Но тори больше опирались на среднее дворянство, сквайров, а виги — на банкиров, торговые круги. (См. работу К. Маркса, написанную в 1852 г.: Выборы в Англии. — Тори и виги.)

141 Моррас Шарль (1868–1952), французский публицист, поэт. Проповедовал наследственную монархию, католицизм, превосходство «латинской расы». Свои политические идеи изложил в книгах: «Опрос по поводу монархии» (1909), «Киль и Танжер» (1910). В Первую мировую войну (1914–1918) проповедовал неистовый шовинизм, во время Второй мировой войны (1939–1945) был официальным идеологом правительства Петена, сотрудничавшего с немецко-фашистскими оккупантами.

142 Щербина Владимир Родионович (1908–1989), историк литературы, критик. Окончил литературный факультет Краснодарского педагогического института (1929). С 1936 г. работал в редакциях московских журналов, преподавал в педагогических институтах. 1953–1988 гг. —

заместитель директора ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР. 1966–1967, 1974–1975 — исполняющий обязанности директора ИМЛИ. Автор книг о А.С. Новикове-Прибое, А.Н. Толстом, Н.Г. Чернышевском, Н.А. Добролюбове, В.Г. Белинском. Член-корреспондент АПН СССР (1976).

143 См.: Щербина В. Революция социальная и революция эстетическая // Знамя. — 1968. — № 2. — С. 203–215. Щербина ставит Лифшица на одну доску с Э. Фишером.

144 См.: Овсянников М. К спорам о модернизме // Художник. — 1968. — № 6. — С. 37–38.

145 См.: Давыдов Ю. Искусство и технологический рационализм (Некоторые социологические аспекты исследования кризисных явлений западноевропейского искусства) // Вопросы литературы, 1967, № 8 (Проблемы теории), с. 104–130. Давыдов Юрий Николаевич (1929–2007), философ, социолог. Окончил исторический факультет Саратовского университета (1952), был аспирантом ИФ АН СССР, защитил диссертацию «Борьба вокруг гегелевской „Феноменологии духа“ в западной философии XIX — второй половины XX веков» (1958). Был рекомендован Лифшицем на работу по выпуску пятитомной Философской энциклопедии (1960–1970). В 1963–1965 гг. работал зав. сектором философии Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР. В 1965–1970 гг. заведовал сектором эстетики Института истории искусств Министерства культуры СССР. С 1970 г. работал в Институте социологии АН СССР (ныне РАН). Основные работы: «Эстетика нигилизма» (1975), «Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы» (1977, защищена в качестве докторской диссертации) , «Бегство от свободы» (1978), «Буржуазная социология на исходе XX века» (1986), «Макс Вебер и современная теоретическая социология» (М., 1998).

146 Статья Мих. Лифшица «В мире эстетики», посвящённая В.А. Разумному, впервые была опубликована в журнале «Новый мир» (1964, № 2, с. 228–251). См. также прим. 88.

147 Цитата из Камилла Моклера, где он пользуется термином «кризис безобразия», приведена в статье Г.В. Плеханова «Искусство и общественная жизнь» (1912). См.: Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2-х т. / Вступ. статья М.А. Лифшица. — Т. 1. — М.: Искусство, 1978. — С. 366.

Плеханов ссылается на статью Камилла Моклера *La Crise de la laideur en peinture* (Кризис безобразия в живописи) из его сборника под названием: *Trois crises de l'art actuel, Paris*, 1906 (Три кризиса современного искусства. Париж, 1906): «Сосредоточение интереса на „коре явлений“ вызывает к жизни те парадоксальные полотна, перед которыми в недоумении разводят руками самые снисходительные критики, признавая, что современная живопись переживает „кризис безобразия“».

Моклер Камилл (1872–1945), французский историк искусства, литературный критик, поэт. См. Камилл Моклер. Импрессионизм: История, эстетика, мастера. — М.: КД Либроком, 2011.

148 Речь идёт о хрестоматии «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», составленной Лифшицем. См. прим. 44.

149 См. прим. 133.

150 Также работа 1967 г. «Марксизм и эстетическое воспитание» вошла в трёхтомник: Т. 1. — С. 388–430.

151 См. прим. 17.

152 Работа написана в 1933 г. к пятидесятилетию смерти К. Маркса. См.: Лифшиц М.А. Вопросы искусства и философии. — М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935. — С. 289–300. Работа также вошла в трёхтомник: Т. 1. — С. 242–249.

153 Речь идёт о втором томе (1969 г.) четырёхтомника: Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. / Под ред. Лифшица М.А. — М., Искусство, 1968–1973.

154 См. прим. 46.

155 Четверостишие, завершающее «Vorwort zur deutschen Ausgabe» (Предисловие к немецкому изданию). См.: Lifschitz M. Karl Marx und Äesthetik. Dresden, 1960, S. 35.

156 Речь идёт об ИФ АН СССР.

157 Лавджой Артур Онкен (1873–1962), американский философ. Школа Лавджоя — школа истории идей, направление в изучении интеллектуальной истории, возникшее в 1920-х гг. в США. Среди её основателей — А.О. Лавджой, Дж. Боэс, М.Х. Николсон. Классической работой школы становится книга Лавджоя «Великая цепь бытия» (1936). На русском языке книга вышла в 2001 г. (М.: Дом интеллектуальной книги).

158 Речь идёт о книге «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948) немецкого филолога, переводчика, специалиста по романской литературе Эрнста Роберта Курциуса (1886–1956). Книга Курциуса посвящена античным мотивам европейской культуры.

159 «Структурная антропология» (1958), работа французского социолога и этнографа, создателя структурной антропологии Клода Леви-Строса (1908–2009).

160 Жолковский Александр Константинович (р. 1937), историк литературы. Окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ (1959). 1960–1974 гг. — сотрудник Лаборатории машинного перевода, где занимался разработкой модели «Смысл ⟺ Текст». 1968 г. — подписал письмо в поддержку арестованных диссидентов А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. 1969 г. — защита кандидатской диссертации по языку сомали. 1974 г. — переход в институт «Информэлектро» (группа Ю.Д. Апресяна). 1979 г. — эмиграция. Преподавал в различных университетах Европы и Америки. С середины 1970-х гг. занимается структурной поэтикой. Автор монографий о Бабеле, Зощенко.

161 В задуманном виде сборник Лифшица (см. перечень статей ниже в письме) не был осуществлён.

162 См. прим. 30.

163 См. прим. 146.

164 Лифшиц посвятил Иосипу Видмару две статьи: По поводу статьи И. Видмара «Из дневника» // Новый мир. — 1957. — № 9. — С. 202–225 (вошла в трёхтомник: Т. 3. — С. 303–334); Философия жизни Иосипа Видмара // Новый мир. — 1958. — № 12. — С. 210–234.

Видмар Иосип (1895–1992), словенский историк литературы, критик, эстетик, общественный деятель. Изучал философию и литературу в университетах Европы. В 1930-е гг., в период консолидации антифашистских сил Словении, участвовал в организации прогрессивного журнала «Sodobnost» («Современность»). Участник антифашистского, коммунистического движения в Югославии. С 1945 г. — президент Словенской АН, в 1954–1958 гг. — председатель Союза писателей Югославии.

165 См.: Лифшиц М.А. Великий французский просветитель // Новый мир, 1953, № 6, с. 239–255. Работа вошла в расширенном виде в трёхтомник под названием «Вольтер — мыслитель и художник»: Т. 2. — С. 349–445.

166 Речь идёт о новом издании сборника «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». Двухтомник вышел в 1976 г.

167 См. прим. 133. На английском языке см.: Lifschitz M. Karl Marx and Present-Day Culture // Karl Marx and Modern Philosophy. Moscow, 1968. P. 143–182 (издательство «Прогресс»).

168 См. прим. 39.

169 См. прим. 15.

170 См. прим. 16.

171 См. прим. 40.

172 Буркгардт Якоб Кристоф (1818–1897), немецкий историк культуры. Самый известный труд, переиздававшийся много раз, — «Культура Италии в эпоху Возрождения». В предисловии к книге Винкельмана (см. прим. 39) Лифшиц подробно рассматривает взгляды Буркгардта в сравнении с гуманистическими взглядами Винкельмана, подчёркивая, что влияние обоих на современников было огромное, но совершенно противоположное.

173 См.: «Литературный критик» (1940, № 11–12). См. также предисловие Лифшица к кн.: Бальзак об искусстве. — М. — Л.: Государственное издательство «Искусство», 1941. Статья вошла в трёхтомник: Художественный метод Бальзака. — Т. 2. — С. 294–348.

174 См.: Лифшиц М.А. Оноре Бальзак // Литературная газета. — 1939. — 26 мая. — С. 2.

175 От sykophántes (*греч.*) — в Афинах и других полисах Древней Греции сикофантами называли профессиональных доносчиков, клеветников и шантажистов.

176 См.: Лифшиц М.А. Либерализм и демократия // Вопросы философии — 1968. — № 1. — С. 98–110; Лифшиц М.А. Ещё раз о статье «Эстетика» в «Новой Американской энциклопедии» // Вопросы литературы. — 1969. — № 6. — С. 107–111.

177 См. прим. 102.

178 См.: Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970. — М., Grundrisse, 2011. — С. 132, 134.

179 Александров (Келлер) Владимир Борисович (1898–1954), историк литературы, критик, педагог, в 1930-е гг. активный участник «течения». Окончил факультет общественных наук Воронежского университета (1923). Знаток Данте, Шекспира, старофранцузского эпоса. Один из первооткрывателей А. Платонова, с которым познакомился ещё в 1920-х гг. в Воронеже. Близкий друг А.Т. Твардовского, который особо выделял его статьи из написанного о своей поэзии (см. рабочие тетради и дневники Твардовского: Знамя. — 1989. — №7. — С. 142–143). Александров открыл повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда» и боролся за её публикацию. Его посмертный сборник (Александров В. Люди и книги. Сборник статей. — М.: Советский писатель, 1956) издан при содействии А.Т. Твардовского.

180 Зоил (IV–III в. до н.э.), древнегреческий оратор, философ, литературный критик, чьё имя стало нарицательным для обозначения завистливого и мелочного критика. Автор работы «Порицание Гомеру».

181 См. прим. 66.

182 См. прим. 82.

183 Криза на безобразието. София, 1970; Krise des Hässlichen. Vom Kubismus zur Pop-Art. Dresden, 1971.

184 См.: Кеменов В. Шекспир в объятиях «социолога» //Литературный критик. — 1936. — № 1. — С. 223–237.

Кеменов В. Приземлённый Шекспир // Советское искусство. — 1936. — 23 мая.

Кеменов В. Классовый характер и народность в творчестве Шекспира // Советское искусство. — 1936. — 5 августа.

185 Берковский Наум Яковлевич (1901–1972), историк литературы. С 1930 г. профессор ряда вузов Ленинграда, Москвы и др. Тема докторской диссертации — «Вопросы литературного развития новых веков» (1964). Разрабатывал вопросы советской литературы (книга «Текущая литература», 1930); статьи в сборниках «Ранний буржуазный реализм» (1936), «Западный сборник, 1» (1937), в книге: Э. Т. А. Гофман «Новеллы и повести» (1936). Редактировал собрание сочинений Г. Гейне, опубликовал работы о М. Сервантесе, Леонардо да Винчи, Ф. Шиллере, Г. Ибсене.

Работы о Шекспире: «Ромео и Джульетта» Шекспира // Берковский Н.Я. Литература и театр. М., 1969; «Отелло», трагедия Шекспира // Берковский Н.Я. Лекции и статьи по зарубежной литературе. — СПб., 2002. — С. 277–316.

186 Кржевский Борис Аполлонович (1887–1954), историк литературы, переводчик. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1911). В 1914–1916 гг. завершал образование в университетах Парижа и Мадрида. Преподавал в Пермском университете. В 1922 г. вернулся в Ленинград. Работал в университете, педагогическом институте имени А.И. Герцена, институте иностранных языков. В годы Великой Отечественной войны пережил ленинградскую блокаду.

В центре историко-литературных и искусствоведческих интересов Б.А. Кржевского было европейское Возрождение. Изучал также французскую литературу (Ф. Рабле, Ш. Сент-Эвремон, театр классицизма и др.), связи русской и испанской литератур. Для книги «Очерки по истории европейского театра» (Пг., 1923) написал главу «Театр Корнеля и Расина». Автор статей в «Литературной энциклопедии» (М., 1939. Т.11): «Тамайо-и-Баус», «Хуан де Тимонеда», «Тирсо де Молина». Б.А. Кржевский был одним из лучших мастеров художественного перевода. Самый крупный успех его как переводчика — проза Сервантеса и «Манон Леско» аббата Прево.

Наиболее значительные работы Б.А. Кржевского представлены в авторском сборнике «Статьи о зарубежной литературе» (М.; Л., 1960). Книге предпослана статья Н.Я. Берковского, содержащая анализ творчества литературоведа и переводчика. Библиография научных работ и переводов Б.А. Кржевского содержится в сборнике «Романская филология» (Учён. зап. ЛГУ. 1961. Т. 299).

187 Воспоминания Лифшица о Ю. Спасском — см. письмо от 24 апреля 1974 г.

188 Речь идёт о романе Уэллса «Осторожность никогда не помешает» (1941). Главный герой, Эдуард Альберт Тьюлер, — типичный английский буржуа, который служит Уэллсу иллюстрацией его мысли о том, что подлинный человек ещё не появился на Земле. Пока ещё существует животный вид, который автор называет homo Tewler. Представители этого вида не способны к смелой мысли, целиком находятся во власти условностей, выработанных стадами подобных Тьюлеров.

189 Речь идёт о кн.: Лифшиц М.А. Искусство и современный мир. М.: Изобразительное искусство, 1973; 2-е изд. — 1978.

190 В архиве Мих. Лифшица хранится несколько папок с названием «Обратные силы».

191 Мукаржовский Ян (1891–1975), чешский структуралист. Стоял во главе Пражского лингвистического кружка.

На русском языке см.: Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967; Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Вступ. ст. Ю.М. Лотмана, коммент. Ю.М. Лотмана, О.М. Малевича. — М.: Искусство, 1994.

192 Книпович Евгения Фёдоровна (1898–1988), историк литературы, критик.

Автор книг: «Генрих Гейне» (1931), «Гейне как политический лирик» (1932), «Разгром» и «Молодая гвардия» А. Фадеева» (1964), сборников литературно-критических статей «В защиту жизни» (1958), «Сила правды» (1965), «Художник и история» (1968).

См. о ней: Сучков Б. Понятое время — «Знамя», 1959, № 1; Дымшиц А. На темы жизни — «Вопросы литературы», 1960, № 12; Рюриков Б. Призвание критика — «Правда», 1965, 22 авг.; Тихонов Н. Доброе мастерство — «Москва», 1968, № 9.

193 Минач Владимир (1922–1996), словацкий писатель, заслуженный художник ЧССР (1970). Окончил философский факультет Братиславского университета. Участник Словацкого национального восстания 1944 г., события которого запечатлел в первом романе «Смерть ходит по горам» (1948) и трилогии «Поколение» (1958–1961). Романы: «Ты никогда не одна» (1962), «Производитель счастья» (1965). Автор сборников статей и эссе «Время и книги» (1962), «Раздувая родные очаги» (1970), «О литературе» (1972). Государственная премия ЧССР (1955).

194 См. прим. 189.

195 См.: Лифшиц М.А. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание // Идеи эстетического воспитания. М., 1973. — Т. 1. — С. 7–113. См. также прим. 6.

196 Работа «Человек тридцатых годов» была впервые полностью опубликована в кн.: Лифшиц М.А. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство, 1985. — С. 189–312. Часть этой статьи послужила предисловием к кн.: Ильин И.А. История искусства и эстетика / Сост. и общ. редакция Лифшица М.А. — М.: Искусство, 1983.

Ильин Игорь Аркадьевич (1904–1961), философ, эстетик. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию «Театр у древних греков».

197 См. прим. 72.

198 См. прим. 152.

199 Книга вышла под другим названием: Лифшиц М.А. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. — М.: Художественная литература, 1972 (1979 г. — второе издание).

200 Речь идёт о предисловии: Лифшиц М.А. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание // Идеи эстетического воспитания. Антология в двух томах / Сост. Шестаков В.П. — М.: Искусство, 1973.

201 Речь идёт о пятитомном издании, выходившем с 1962 г. по 1970 г. под редакцией Овсянникова М.Ф. «История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли». Лифшиц был составителем пятого тома, а также написал вступительную статью к разделу «Эстетическое учение Маркса — Энгельса — Ленина» (1970). См. прим. 46.

202 См. прим. 133.

203 См. прим. 11.

204 См. Лифшиц М.А. К вопросу об эстетических взглядах Маркса // Журнал Объединения кафедр общественных наук Вхутеина. — 1927. — № 1. Работа вошла в трёхтомник: Т. 1. — С. 214–222.

205 Речь идёт о тексте «Учение Гегеля о религии и искусстве с точки зрения веры» (1842), вышедшей как продолжение памфлета «Трубный Глас над Гегелем, атеистом и Антихристом» (1841). Обе анонимные брошюры-пародии обличают Гегеля как якобинца и безбожника. Авторами обоих сочинений считается Бруно Бауэр, но в их составлении принял большое участие Маркс. Для «Учения Гегеля» Маркс должен был написать раздел об искусстве. На русском языке выходила только первая часть. См.: Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем. — М.: Соцэкгиз, 1933 (переиздание: издательство «Красанд», 2010 г.).

Разбор этих текстов см.: Лифшиц М. А. Философия искусства Карла Маркса. — Трёхтомник. — Т. 1. — С. 99 и далее.

206 Речь идёт о хрестоматии «Карл Маркс и Фридрих Энгельс об искусстве». См. прим. 44.

207 Речь идёт о предисловии к двухтомнику: Идеи эстетического воспитания: В 2 т. / Сост. Шестаков В.П. — М.: Искусство, 1973. — Т. 1. — С. 7–113.

208 Речь идёт о втором браке В. Достала.

209 См. прим. 6.

210 Речь идёт о главах книги Мих. Лифшица «Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли», опубликованной Л.Я. Рейнгардт в 1993 г. под названием «Поэтическая справедливость. Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли» (см. прим. 29).

211 См. прим. 42.

212 Клингендер (Klingender Francis D.) Фрэнсис Дональд (1907–1955), английский марксист, историк искусства. Основные работы: «Marxism and Modern Art: An approach to social realism» (1943), «Art and the Industrial Revolution» (1947), «Goya in the Democratic Tradition» (1948), «Animals in Art and Thought» (1971).

213 См.: John Somerville. Soviet Philosophy: A Study of Theory and Practice. N.-Y., 1946.

Сомервилл Джон (1905–1994), американский философ, президент Общества философского изучения диалектического материализма.

Окончил Колумбийский университет. Два года жил в Советском Союзе (1935–1937). Получил Премию мира имени Ганди в 1987 г.

Основные работы: «The Philosophy of Peace» (1949), «Social and Political Philosophy: Readings from Plato to Gandhi» (1958), «The Philosophy of Marxism» (1967), «The Peace Revolution: Ethos and Social Process» (1975).

214 Речь идёт о статье «К вопросу об эстетических взглядах Маркса». См. прим. 41.

215 См.: Лифшиц М.А. О культуре и её пороках // Литературный критик. — 1934. — № 11. — С. 39–55. Работа переиздана в кн.: Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. — М.: Искусство — XXI век, 2007. — С. 39–58.

216 Фамилия написана неразборчиво. Вероятно, С. Кржижановский.

Кржижановский Сигизмунд Доминикович (1987–1950), поэт, прозаик, драматург, критик, эссеист и текстолог. Учился в Киевском университете (юридический и филологический факультеты). Печатался с 1910 г. В 1912–1913 гг. жил в Европе, изучал философию. С 1922 г. — Москве. Занимался литературоведением, драматургией, театром (либретто опер), кино (сценарии), редакционной работой (издательства «Энциклопедия», «Academia»).. В 1930-е гг. его статьи о Шекспире, Шоу, Чехове, по истории и теории драматургии, заметки в разделе «Сатира и юмор» публиковались в журналах «Литературный критик» (1934, № 4, 7–8, 11, 12; 1935, № 2), «Интернациональная литература», «Театр», «Литературная учёба». Соч.: Воспоминания о будущем. Избранное из неизданного / Сост., вступ. ст. и примеч. В.Г. Перельмутера (1989); «Страны, которых нет». Статьи о литературе и театре. Записные тетради (1994); Собрание сочинений: В 6 т. / Сост., предисл. и комм. В. Перельмутера (2001–2010).

217 Верцман Израиль Ефимович (1906–?), историк литературы, критик. Окончил Вхутемас (1930). Кандидат филологических наук. Участник Великой Отечественной войны. Автор работ о Руссо, Шекспире, Рембрандте, Дидро, Монтене и т.д.

218 А.Т. Твардовский умер 18 декабря 1971 г. в дачном посёлке в Подмосковье. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

219 См. переиздание текста «Интеллигенция и народ» в книге: Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. — М.: Искусство, 1980. — С. 408–417.

220 См. прим. 33.

221 «Литературное наследство», непериодическое научное издание, посвящённое публикации неизданных материалов по истории литературы и общественной мысли и их изучению. Основано в 1931 г. С 1960 г. — орган ИМЛИ им. М. Горького АН СССР. Большинство томов издания построено по монографическому принципу — посвящено одному писателю. Другой принцип томов — тематический. Публикация архивных документов сопровождается исследовательскими статьями, комментариями, библиографией. Издание иллюстрируется разнообразными материалами, в большинстве впервые воспроизводимыми.

А.В. Луначарскому посвящены два тома «Литературного наследства»: 80-й — «В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы» (1971) и 82-й — «Неизданные материалы» (1970).

222 Вероятно, речь идёт о ленте для пишущей машинки.

223 «Mehr Licht…» («Больше света…», *нем.*) — предсмертные слова Гёте (1749–1832).

224 Речь идёт о книге «Карл Маркс. Искусство и общественный идеал» (см. прим. 199).

225 Вероятно, В. Достал работает с письмами В.И. Ленина, так как Поль Голэй неоднократно упоминается в письмах Ленина.

226 Бендианидзе, участник революционного движения, российский эмигрант начала XX в. Упоминается в работе Лифшица о Луначарском (см. прим. 94) как адресат известного ответа К. Каутского на вопрос Бендианидзе, является ли Эрнст Мах марксистом. См. об этом: Ленин В.И. Наши упразднители (1911) // ПСС, изд. 5-е: Т 20. — М.: Политиздат, 1961. — С. 126 и далее. См. также следующее письмо Лифшица и прим. 230.

227 Речь идёт о книге: Недошивин Г.А. Теоретические проблемы современного изобразительного искусства. — М.: Советский художник, 1972. Памфлет о Недошивине, в частности, отзыв на эту книгу, впервые был опубликован в кн.: Лифшиц М.А. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство, 1985.

Недошивин Герман Александрович (1910–1983), историк искусства. Именно он по плану А.Б. Чаковского (гл. редактора газеты) должен был представить в «Литературную газету» альтернативный материал после публикации статьи Лифшица «Почему я не модернист?» (см. прим. 136), чтобы уравновесить публикацию Лифшица, не придавать ей значения официальной установки. Но Недошивин в последний момент отказался это делать. Вместо него А.Л. Дымшиц написал статью «Анализ против схематизма». (См.: Кораллов М.М. Как появилось эссе // Лифшиц М.А. Почему я не модернист? — М.: Искусство — XXI век, 2009. — С. 342–364.)

228 Четвёртый том «Эстетики» Гегеля (см. прим. 7) вышел без предисловия Лифшица.

229 Шестаков Вячеслав Павлович (р. 1935), историк искусства, доктор философских наук, профессор. Окончил философский факультет МГУ (1957). Дипломную работу защитил под руководством В.Ф. Асмуса. В 1958–1964 гг. — ст. научный редактор редакции философии БСЭ, принимал участие в издании Философской энциклопедии (как автор и как редактор). Сотрудничал с А.Ф. Лосевым, совместно с ним издал книгу «История эстетических категорий» (1965). В 1971–1974 гг. работал в Институте всеобщего искусствознания, в 1974–1978 — в Институте теории и истории кино, в 1983–1992 гг. — в Институте истории и теории изобразительных искусств Академии художеств. Заведует сектором теории искусства в Российском институте культурологи, профессор кафедры истории искусства РГГУ.

230 См.: Kautsky K. Ein Brief uber Marx und Mach. — Der Kampf, Wien, 1909, Jg. 2, Hft. 10, 1. Juli, S. 451–452.

231 В.П. — Шестаков Вячеслав Павлович.

232 См.: В.Б. Александров. Люди и книги. — М.: Советский писатель, 1956.

233 Вероятно, переводчица работ Лифшица на чешский язык.

234 Книга «Вечная философия» (1944) представляет собой род хрестоматии из трудов христианских святых и богословов, буддийских учителей, индуистских мыслителей, суфиев и патриархов Дао и дзэн. Книга составлена и изложена Олдосом Хаксли (1894–1963) таким образом, чтобы показать, что все её элементы составляют стройную систему, лежащую в основе всех мировых религий.

235 Правильная транскрипция имени: Robert de La Sizeranne.

Робер де ля Сизеран (1866–1932), французский историк искусства. Окончил колледж Вожирар в Париже, получил диплом по юриспруденции, работал в качестве адвоката. В 1895 г. публикует первое своё большое исследование «Современная английская живопись» и получает премию Бордэн (Bordin), присуждённую Французской академией. В 1897 г. выходит самая известная книга «Рёскин и религия красоты», два года спустя выходит английский перевод книги. Автор нескольких предисловий к каталогам Национальной галереи в Лондоне, нескольких критических сборников. В 1909 г. за совокупность своих трудов получает премию Витэ (Vitet), присуждённую Французской академией. В 1913 г. публикует эссе из серии иллюстрированных книг: «Маски и лица во Флоренции и в Лувре: знаменитые портреты итальянского Возрождения». Рыцарь ордена Почётного легиона (1924).

236 Гольдман Люсьен (1918–1970), французский философ, историк литературы. Под влиянием ранних работ Д. Лукача и «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже разрабатывал концепцию «генетического структурализма». Сочинения: «Сокровенный Бог» (1956), «Диалекти-

ческие исследования» (1958), «Социология современного романа» (1964).

237 Мангейм Карл (1893–1947), немецкий социолог. Профессор Франкфуртского университета (1930), профессор Лондонского университета (1945).

238 Книга вышла в Берлине в 1923 г. На русский язык работа была переведена С. Земляным и издана в 2003 г. См.: Лукач Г. История и классовое сознание. — М.: Логос-Альтера, 2003.

239 Работа «Античный мир, мифология, эстетическое воспитание» впервые была опубликована в первом томе антологии: Идеи эстетического воспитания: В 2 т. / Сост. Шестаков В.П. — М.: Искусство, 1973.

240 См. прим. 189.

241 Личность не установлена.

242 Речь идёт о Д. Лукаче.

243 См.: Критические заметки к современной теории мифа // Вопросы философии. — 1973. — № 8. — С. 143–153; № 10. — С. 138–152.

244 Альенде Госсенс Сальвадор (1908–1973), президент Чили, был убит 11 сентября 1973 г. во время военного переворота.

245 Ванслов В. Вклад в советскую эстетику (рец. на кн.: Лифшиц Мих. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. М., 1972) // Художник. — 1973. — № 4 — С. 23–24.

246 Речь идёт о лекциях по истории эстетических учений и марксистской теории, прочитанных Мих. Лифшицем во второй половине 1930-х гг. в ИФЛИ.

247 См.: Судьба литературного наследства Гегеля // Литературное наследство. — М., 1932. — Т. 2. — С. 187–208.

248 См.: Соловьёв Э.Ю. Экзистенциализм. Критический очерк // Вопросы философии. — 1966. — №12; 1967. — №1. Также вышла книга: Соловьёв Э.Ю. Экзистенциализм и научное познание. — М.: Высшая школа, 1966. (См. прим. 114.)

249 Франкастель Пьер (1900–1970), французский социолог, историк искусства. Создал и возглавил первую во Франции кафедру по социологии искусства (1948). Ввёл понятие «фигуративный объект», который помещается на картине как бы между физическими объектами и идейным содержанием. Взгляды Франкастеля оказались созвучны взглядам Маклуэна и нашли своё продолжение у Фуко и Дювиньо. На русском языке выходила книга Франкастеля: Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. — СПб: Наука, 2005.

250 Под первой частью Лифшиц подразумевает статью «В мире эстетики» (1964), посвящённую В.А. Разумному (см. прим. 146). Полная версия «второй части» (1976) вошла в кн.: Лифшиц М.А. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство, 1985. — С. 5–36. В журнале «Наш современник» статья не была опубликована.

251 См.: Клешнин А. Критерий реализма // Наш современник. — 1973. — № 12. — С. 163–166.

252 См.: Глаголева Э., Новохатько А. Эстетика по Марксу // Молодой коммунист. — 1973. — № 12. — С. 97–100.

253 См.: Дымшиц А. С этим нельзя согласиться… // Вопросы литературы. — 1973. — № 11. — С. 275–283.

254 См.: Круглый стол. Противоречивость отношений этики и науки // Вопросы философии. — 1973. — № 6.

255 См.: Круглый стол. Современные проблемы образования и воспитания // Вопросы философии. — № 1 — 1974. — С. 83–97.

256 Лифшиц М.А. Рейнгардт Л.Я. Незаменимая традиция. Критика модернизма в классической марксистской литературе. — М.: Искусство, 1974.

257 См.: Модернизм: Анализ и критика основных направлений / Под ред. В.В. Ванслова, Ю.Д. Колпинского. — 2-е изд., перераб. — М.: Искусство, 1973. Статьи Л.Я. Рейнгардт: Кубизм (совместно с Мих. Лифшицем); Абстракционизм; «Новая вещественность» и риджионализм (К вопросу о некоторых формах мнимого реализма в современной западной живописи); Отречение от искусства (Новейшие течения в искусстве Западной Европы и США).

258 Золтаи Денеш (1928–2008), венгерский философ и музыковед круга Д. Лукача. Книга «Этос и Аффект. История философской музыкальной эстетики от зарождения до Гегеля» вышла в издательстве «Прогресс» в 1977 г. (перевод с немецкого Т. Длугач и Л. Науменко). Автор исследует, как формировался материалистический взгляд на филосо-

фию музыки. Книга является марксистским исследованием эволюции философии музыки, начиная с античных времен.

259 О Дымшице Александре Львовиче см. прим. 132 и 227.

Храпченко Михаил Борисович (1904–1986), историк литературы. Книгу Храпченко «Гоголь» Лифшиц анализирует как беспомощное исследование в работе «Стыдливая социология» (Литературное обозрение, 1936, № 8).

260 Личность не установлена. Возможно, дочь Луначарского.

261 П.В. Палиевский пытался опубликовать памфлет Мих. Лифшица о Г. Недошивине в журнале «Наш современник» (С.В. Викулов — главный редактор журнала тех лет), отклоненный другими печатными органами. Но и в этом журнале статья не была опубликована.

О Палиевском см. прим. 55.

262 Речь идёт о «Краткой литературной энциклопедии» (КЛЭ) в 9 томах. Вышла в издательстве «Советская энциклопедия». Основные 8 томов вышли в 1961–1975 гг., последний, дополнительный том вышел в 1978 г. Статья о В.Б. Александрове содержится в 1-м томе.

263 Николай Валентинов (Вольский) вспоминает: «Он (В.О. Богушевский. — *Ред.*) имел неосторожность написать в «Большевике» статью, в которой доказывал, что деревенский кулак «не общественный слой, даже не группа, даже не кучка, а вымирающие уже единицы». Статья, не лишённая аргументов и, между прочим, весьма правильных указаний, что в советской печати нет ясного определения, кого считать кулаком, вызвала припадок бешенства у Сталина: как сметь отрицать существование такого врага, как кулак! […] Открывая собою знаменитую галерею кающихся, Богушевский униженно, почти слёзно просил прощения за написанную им статью…» (Валентинов Н. (Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Stanford. 1971. С. 246).

264 Коммунистическая академия, высшее учебное, а также научно-исследовательское учреждение РСФСР и СССР. Включала научные институты философии, истории, литературы, искусства и языка, советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики, экономики, аграрный, естествознания, ряд секций, комиссий и обществ (в том числе общества биологов-марксистов, врачей-марксистов-ленинцев, математиков-марксистов). Действовала с 1918 г. по 1936 г. Располагалась на Волхонке, 14.

Среди преподавателей первого состава были Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Бонч-Бруевич, Крупская, Коллонтай, Луначарский, Либкнехт, Люксембург, Меринг. Председателем Академии был М.Н. Покровский.

В 1929–1930 гг. была проведена реорганизация Коммунистической академии, в её состав были включены институты Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). На основе слияния Философской секции с Институтом научной философии (РАНИОН) в 1929 г. был образован Институт философии Коммунистической академии. После смерти Покровского в 1932 г. председателем Президиума Коммунистической академии становится М.А. Савельев. В течение первой половины 1932 г. от Коммунистической академии отошли все учреждения естественнонаучного профиля, была ликвидирована Ассоциация институтов естествознания.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 февраля 1936 г. параллельное существование Академии наук и Коммунистической академии было признано нецелесообразным, учреждения Коммунистической академии были переведены в Академию наук СССР.

М.А. Лифшиц работал в Коммунистической академии с 1932 г. по 1935 г.

265 Сучков Борис Леонтьевич (1917–1974), историк литературы, критик, член-корреспондент АН СССР (1968). В 1912–1943 гг. — ответственный редактор журнала «Интернациональная литература», 1945–1946 гг. — директор Издательства литературы на иностранных языках, 1946–1947 гг. — директор Издательства иностранной литературы, 1956–1967 гг. — заместитель главного редактора журнала «Знамя», с 1967 г. директор ИМЛИ. Характеристику, данную Лифшицем Сучкову, см. в кн.: Лифшиц М.А. Varia. — М.: Grundrisse, 2010. — С. 92–94.

266 Фридлендер Георгий Михайлович (1915–1995), историк литературы. Многолетний сотрудник ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде. Академик РАН, был главным редактором академического собрания сочинений Ф.М. Достоевского. Один из авторов комментариев двухтомника: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве (см. прим. 44). Лифшиц подверг резкой критике присланную ему автором рукопись Фридлендера, позже изданную под названием «К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы» (М.: 1962; 1968; 1983) — см.: письмо Мих. Лифшица — Г.М. Фридлендеру // Лифшиц М.А. Почему я не модернист? — М.: Искусство — XXI век, 2009.— С. 307–328.

267 Македонов Адриан Владимирович (1909–1994), литературный критик, филолог, писатель, учёный в области геологии угля, доктор геолого-минералогических наук. Родился в Смоленске и там же окончил университет (отделение языка и литературы). Близко знаком с А. Твардовским. С 1934 г. много печатался в московских журналах «Литературный критик», «Литературное обозрение», «Литературная учёба», «Красная новь», «Знамя». 1937 г. — арест. 1938–1949 гг. — геолог научно-исследовательского отдела Геолого-разведочного управления (ГРУ) комбината «Воркутуголь». Оканчивает заочно географический факультет Саратовского университета и получает диплом с отличием (1948–1950). В 1960 г переехал в Ленинград, работал старшим научным сотрудником лаборатории угля АН СССР, затем — во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте.

Основные работы как литературного критика: «Очерки советской поэзии» (1960), «Николай Заболоцкий» (1968), «Творческий путь Твардовского» (1981 г.), «Свершения и кануны. (О поэтике русской советской лирики 1930–1970-х гг.)» (1985 г.), «Поэзия народного подвига» (1986 г.), статьи о Ф. Абрамове, А. Гитовиче, А. Жигулине, О. Мандельштаме, Л. Мартынове, Ю. Пашкове, В. Шефнере и др.

Адриан Владимирович Македонов является прообразом Ивана Жукова, персонажа писем Лифшица «На деревню дедушке». См. прим. 93.

268 См. прим. 256.

269 Lifšic Michail. Vitr dějin. Praha, 1974 (работа Мих. Лифшица «Ветер истории» — см. прим. 17).

270 Ойзерман Теодор Ильич (р. 1914), один из ведущих специалистов по официальному марксизму в СССР. Участник Великой Отечественной войны. В 1951 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года», лауреат Ломоносовской премии (1965) и Государственной премии СССР (1983) за монографию «Формирование философии марксизма», с 2000-х годов стал издавать книги, вскрывающие заблуждения Маркса. См., например: Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. — М.: Прогресс-Традиция, 2003; Ойзерман Т.И. Возникновение марксизма. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.

271 Штолл Ладислав (1902–1981), чешский историк литературы, критик, публицист, академик Чехословацкой АН (1960). Почётный доктор МГУ (1972). С 1972 г. директор Института чешской и мировой литературы Чехословацкой АН. Начиная с 1930-х гг. — один из ведущих чешских критиков-марксистов. Редактор ряда коммунистических изданий. Работы Штолла посвящены вопросам развития социалистической культуры, роли интеллигенции в общественной жизни, партийности искусства.

Вероятно, речь идёт о книге: Штолл Л. Избранные статьи. — М.: Прогресс, 1982.

272 См. прим. 196.

273 Арсланов Виктор Григорьевич (р. 1947), философ, адресат писем, вошедших во вторую часть настоящего издания.

274 Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923), советский партийный и государственный деятель, публицист, литературный критик. В области критики опирался в первую очередь на работы Н.А. Добролюбова. Является автором работ о В.Г. Белинском, Н.А. Добролюбове, Д.И. Писареве. Написал цикл статей о М. Горьком, А.И. Куприне, А.И. Бунине и др. Диалектика «реальной правды» и «идеальной правды», эстетическая роль «борьбы новых социальных начал» в литературе составляют предмет внимания Воровского.

275 В. Арсланов послал Мих. Лифшицу письмо по поводу его статьи «Либерализм и демократия» (Вопросы философии, 1968, № 1). В это время В. Арсланов был студентом первого курса историко-филологического факультета Барнаульского пединститута.

276 Возможно, имеется в виду близкий друг Мих. Лифшица И.А. Сац: см. прим. 90.

277 В. Арсланов не соглашался с критикой Мих. Лифшицем модернизма, вступая в спор с ним по этому поводу в течение ряда лет — как устно, при личных встречах, так и письменно.

278 См. прим. 4.

279 Речь идёт о кн.: Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я. Кризис безобразия. — М., Искусство, 1968.

280 В. Арсланов в своём письме Мих. Лифшицу рассказал ему об «обществе» из 5–6 барнаульских студентов (в него, в частности, входил П.Г. Агальцев, будущий переводчик с немецкого переписки Лифшица и Лукача — см. кн.: Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970. — М., Grundrisse, 2011), которое ставило своей целью борьбу с теми, кого Ленин называл «коммунистической сволочью». Прислушавшись

к совету Мих. Лифшица, «общество», успевшее к тому времени только написать краткий «Манифест» и провести ряд собраний, саморастустилось.

281 Письмо написано в г. Иваново после посещения В. Арслановым Мих. Лифшица в Москве летом 1968 г., где он был проездом в Иваново. В. Арсланов жил в Иваново с 1968 г. по 1978 г.

282 В письме В. Арсланова содержалась критика либерального уклона ряда статей журнала «Новый мир», в частности, И. Золотусского.

283 См. прим. 1 и 281.

284 Речь идёт о кн.: Луначарский А. В. Об изобразительном искусстве: В 2 т. / Сост., автор предисловия Сац И.А. — М.: Советский художник, 1967. — Т. 1.

285 В первую же встречу Лифшиц сказал Арсланову, что все письма читаются «органами» и чтобы он в письмах «не шалил» — однако, хотя Арсланов и принял это предостережение всерьёз, он иногда всё же «шалил», например, поздравляя М.А. с праздником 1 Мая, подчёркивал, что праздник этот, несмотря ни на что, «наш», а не «коммунистической сволочи».

286 Поздравление по случаю выхода 2-го тома «Эстетики» Гегеля (см.: Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. / Под ред. Лифшица М.А. — М., Искусство, 1968–1973. К 1-му тому Лифшиц написал предисловие, 4-й том — составил).

287 Поздравление по случаю 65-летия Мих. Лифшица (23 июля — день рождения Лифшица).

288 Рукопись «К вопросу о социальных потребностях человека».

289 Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт» (1830).

290 Сведение диалектики к четырём основным чертам принадлежит И. Сталину. См. его работу «О диалектическом и историческом материализме», опубликованную в газете «Правда» 12 сентября 1938 г. и вошедшую в «Краткий курс истории ВКП(б)».

291 Название романа А. Цвейга, в котором главный герой, участник сражения под Верденом, одной из самых кровопролитных операций времён Первой мировой войны, становится свидетелем бессмысленного уничтожения огромного количества людей. См. также: Лукач Г. «Воспитание под Верденом» // Литературное обозрение. — 1937. — № 10. — С. 19–22.

292 Речь идёт о романе Э. Золя «Творчество».

293 Речь идёт о философах Давыдове Ю.Н., Пажитнове Л.Н., Шрагине Б.И.

О Давыдове — см. прим. 145.

О Пажитнове — см. прим. 75.

Шрагин Борис Иосифович (1926–1990), философ, историк искусства, публицист. Окончил философский факультет МГУ (1949). В 1960-е гг. работал в Институте истории искусств. Активный участник правозащитного движения в СССР. В 1968 г. уволен с работы и исключён из КПСС. В 1974 г. эмигрировал в США. Преподавал в высших учебных заведениях Америки. Сотрудник радио «Свобода». Умер в Нью-Йорке. См.: Шрагин Б. Мысль и действие. — М.: РГГУ, 2000.

294 От parvenu (*франц.*) — выскочка, человек незнатного происхождения, пробившийся в аристократическое общество и подражающий аристократам.

295 «Чумазые», новый тип провинциальной российской буржуазии (кабатчики, купцы), появившийся в первые десятилетия после реформы (1861). Яркие образы «чумазых» (Колупаев, Разуваев) создал Салтыков-Щедрин в своём романе «Убежище Монрепо» (1878–1879).

296 Мих. Лифшиц предлагал В. Арсланову подумать о том, чтобы поступить в какую-нибудь московскую аспирантуру, а не в аспирантуру при кафедре философии Ивановского пединститута.

297 «Опровержение Корана» — главное антимусульманское сочинение Никиты Византийского (IX в.) Оно состоит из апологии христианского учения о Боге и подробного критического разбора Корана. Так как в книге приведено большое количество цитат из Корана, то ею пользовались как источником информации о содержании священной книги мусульман.

298 См. прим. 270.

299 См. прим. 137.

300 Точная цитата звучит так: «Что бы вы сказали о человеке, который, войдя в кабак, стал бы с одушевлением и жаром доказывать пьяным мужикам, что есть наслаждение выше вина — есть слава, любовь, нау-

ка, поэзия, Шиллер и Жан-Поль Рихтер?» (статья Белинского В.Г. «Горе от ума», 1839 г.).

301 Слова Экклезиаста.

302 Дьёрдь Лукач умер 4 июня 1971 г. См. также прим. 27.

303 См. прим. 90.

304 «Течение» объединялось вокруг журнала «Литературный критик» (см. прим. 43), который выходил в Москве в 1933–1940 гг. В «течение» входили: М. Лифшиц, Д. Лукач, Е. Усиевич, В. Александров, В. Гриб, И. Сац, А Платонов. Журнал был закрыт по постановлению ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (1940).

305 А.Т. Твардовский умер 18 декабря 1971 г. (рак лёгких).

Твардовский был студентом ИФЛИ (конец 1930-х гг.), где Лифшиц читал лекции по истории эстетических учений и марксистской теории искусства. Про их встречу в 1941 г. во время войны и про то, как Лифшиц стал одним из прототипов Тёркина, см.: Ботвин А.П. «Анабазис»: война в документах, воспоминаниях и суждениях философа // Михаил Александрович Лифшиц / Под ред. В.Г. Арсланова. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 412–414.

В 1950-е гг. Твардовский хотел сделать Лифшица своим заместителем в «Новом мире», но ему это не удалось.

В предисловии к одной из своих поздних книг Лифшиц пишет: «Мне хотелось бы посвятить эту книгу светлой памяти Твардовского...» (Лифшиц М. Мифология древняя и современная. — М.: Искусство, 1980. — С. 7).

306 См.: Лукач Г. Литературные теории XIX века и марксизм. — М.: Гос. издательство «Художественная литература», 1937.

307 См.: Лукач Г. К истории реализма. — М.: Гос. издательство «Художественная литература», 1939.

308 По совету Мих. Лифшица В. Арсланов избрал темой своей кандидатской диссертации «Социальную философию Франкфуртской школы» (первоначально речь шла о теме «„Ложное сознание“ в философии марксизма»). Не имея никакого представления о Франкфуртской школе (о ней тогда практически не было публикаций в советской прессе), Арсланов обратился к Мих. Лифшицу с просьбой назвать какие-либо источники по этой теме.

309 «Под знаменем марксизма», философский и общественно-экономический журнал, выходивший в Москве с 1922 г. по 1944 г. А.М. Деборин был ответственным редактором в 1926–1930 гг.

310 Здесь Лифшиц ошибается: раздел «Овеществление и сознание пролетариата» под названием «Материализация и пролетарское сознание» книги Лукача «История и классовое сознание» был опубликован в «Вестнике Социалистической Академии» (1923, кн. 4–6). См. также прим. 238.

311 Статья о философско-экономических основах Франкфуртской школы. Попытки Мих. Лифшица опубликовать её в «Вопросах философии» и «Философских науках» не увенчались успехом. Статья осталась неопубликованной.

312 Статья обсуждалась на редколлегии журнала «Вопросы философии», за её публикацию высказались Т. Ойзерман и М. Мамардашвили, статья была передана в отдел журнала под руководством Ю. Замошкина «для доработки», где и была похоронена.

313 Статья была отредактирована Мих. Лифшицем.

314 См. прим. 261.

315 Статья, написанная Арслановым специально для журнала «Наш современник» о философии Франкфуртской школы, не появилась в этом журнале.

316 Статья В. Арсланова о Ленине и демократии, написана по предложению М.А. Лифшица для журнала «Молодой коммунист», в редакции которого тогда работали «младомарксисты» И.М. Клямкин, В. Глотов и Г. Целмс, находившиеся под влиянием Л. Карпинского и Г. Водолазова. Статья была одобрена Г.Г. Водолазовым (что послужило поводом для личной встречи и знакомства Г. Водолазова и В. Арсланова), но, скорее всего по цензурным причинам, не опубликована. В начале 80-х гг. И. Клямкин и В. Глотов находились под следствием в КГБ и были изгнаны из журнала «Молодой коммунист».

317 «Система нравственности» Гегеля была издана в ГДР в сборнике работ молодого Гегеля: Jenaer Schriften, Berlin, 1972.

318 См. письмо Лифшица Арсланову от 21 января 1974 г.

319 Речь идёт о журнале «Молодая гвардия», который был в то время, как и журнал «Наш современник», печатным органом «советского славянофильства».

320 По словам зав. отделом журнала «Молодой коммунист» И.М. Клямкина, Лифшиц обещал своё сотрудничество с этим журналом в случае, если удастся взять на работу в этот журнал В. Арсланова и тем самым осуществить его переезд в Москву: «Баш на баш», как выразился И. Клямкин, рассказывая об этом эпизоде.

321 Не соглашаясь в течение ряда лет с Мих. Лифшицем по вопросам эстетики (в особенности с его критикой модернизма) и сознавая недостаточность своего понимания в этой области, В. Арсланов до второй половины 1970-х гг. избирал другие темы для своих публичных выступлений.

322 Возможно, книга В.Н. Фигнер «Запечатленный труд. Воспоминания» дала повод Лифшицу так говорить о своей работе. Из книги: «Я смотрела на свой труд как на общественное дело, потому-то произведение и вышло хорошо» (М.: Мысль, 1964).

323 Работа была опубликована в Германии в1970 г. На русском языке вышла в 2001 г. См.: Адорно Теодор В. Эстетическая теория. — М.: Республика, 2001.

324 Речь идёт о защите кандидатской диссертации «Социальная философия Франкфуртской школы» на Учёном совете Института социологии АН СССР и публикации статьи в журнале «Коммунист».

325 Р.И. Косолапов, главный редактор журнала «Коммунист».

326 Планы не увенчались успехом, в конечном итоге в отдел журнала «Коммунист», возглавляемый Н.Н. Сибиряковым, был принят на работу С.Н. Земляной.

327 «Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется» (Евангелие от Матфея, 7, 7–8).

328 Речь идёт о НИИ теории и истории изобразительных искусств АХ СССР, в котором Лифшиц руководил сектором истории эстетических учений вплоть до своей кончины 20 сентября 1983 г.

329 См. об этом и позиции зав. отделом теории Л.Ф. Денисовой в прим. 330 к следующему письму.

330 В. Арсланов в 1978 г. был избран по конкурсу старшим научным сотрудником в сектор теории НИИ АХ СССР, возглавляемый Л.Ф. Денисовой. На заседании Учёного совета, где проходили выборы по конкурсу, Л.Ф. Денисова, примыкавшая к «течению» 1930-х гг. и считавшая себя ученицей Мих. Лифшица, выступала против избрания В. Арсланова, сославшись на отрицательную характеристику, полученную В. Арслановым в Ивановском государственном университете, где он работал старшим преподавателем кафедры философии.

331 Ректор Ивановского химико-технологическом института Г.А. Крестов (1931–1994), член-корреспондент АН СССР (1981), лауреат Гос. премии по химии (1987), предлагал в 1977 г. Арсланову перейти на работу в возглавляемый им институт зав. кафедрой философии. Несмотря на то, что кандидатура В. Арсланова на номенклатурную должность зав. кафедрой не была поддержана Ивановским обкомом КПСС, Г.А. Крестов давал гарантию, что это назначение так или иначе, но состоится. Осенью 1978 г. Арсланов переехал в Москву.

332 По воспоминаниям близких, скорее всего, это произошло после заседания Учёного совета НИИ АХ СССР, о котором шла речь в предшествующем письме. Это был второй инфаркт, первый был летом 1976 г.

333 См.: Арсланов В.Г. За порогом реальности. Полемика о теории отражения на страницах западногерманского журнала «Das Argument» // Философия искусства в прошлом и настоящем / Ответственный редактор Лифшиц М.А. — М.: Искусство, 1981.

334 Mutato nomine de te fabula narrātur (*лат.*) — басня сказывается о тебе, изменено только имя (Гораций, Сатиры, I, 1, 68 73). Здесь: прибавить несколько фраз о том, о чём речь идёт в данной статье в иносказательной форме.

335 Дубов Глеб Викторович, доктор философских наук, был назначен заведующим кафедрой эстетики Академии МВД (в то время по распоряжению министра МВД Н.А. Щёлокова офицеры милиции должны были изучать эстетику). Речь идёт о возможном устройстве В. Арсланова на работу в эту Академию, поскольку Л.Ф. Денисова категорически возражала против работы В. Арсланова в возглавляемом ею отделе теории НИИ, несмотря на избрание его по конкурсу в этот отдел (см. прим. 330). В конце концов, благодаря настойчивости В.С. Кеменова, был найден компромиссный вариант: В. Арсланов фактически работал в секторе истории эстетических учений, возглавляемом Лиф-

шицем, а формально числился в отделе теории (в котором на тот день была вакантная ставка).

336 М.А. Лифшиц умер 20 сентября 1983 г. в Москве.

337 Речь идёт о писателе Р.И. Фраермане (1891–1972), авторе повести «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» (1939).

338 По рассказу Михайлова А.П. Ботвину, Лидия Яковлевна просила вернуть письма ей, но он отказал. Из письма В.Г. Арсланова А.П. Ботвину от 27 сентября 1992 г. (уже после смерти Михайлова): «Л.Я. просит Вас, если это возможно, сообщить адрес Зои Борисовны (жены Михайлова, см. прим. 345. — *Ред.*). Дело в том, что она адрес З.Б. потеряла, но не утратила надежды получить если не письма, то хотя бы копии их для архива М.А., который Лидия Яковлевна сейчас сдаёт на хранение в Академию наук. В письмах М.Г. Михайлову Лифшиц, по словам Лидии Яковлевны, развивал интересные идеи, и утратить их было бы печально». Письма и копии их были переданы в архивы уже после смерти Л.Я. Рейнгардт.

339 См.: Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. — М.: Художественная литература, 1972; 2-е изд. — 1979.

340 Заключительные строки стихотворения В. Маяковского «Революция. Поэтохроника» (1917).

341 Герман Лифшиц (1930–1992), историк, сын Лифшица от его первого брака с Екатериной Фёдоровной Мордасовой (1905–1980).

342 См. письмо В.Г. Белинского родителям от 22 января 1831г.: «Извините меня за моё долгое молчание и порадуйте меня хотя одною строчкою. Скажу Вам о себе, что я пускаюсь в море треволненное, в море *великое и пространное, в нём же гади несть числа*! Может быть, Вы скоро увидите имя моё в печати и будете читать обо мне разные толки и суждения как в худую, так и в хорошую сторону».

343 См. прим. 189.

344 Евангелие от Матфея, 24, 13.

345 Михайлова Зоя Борисовна (р. 1931 г.), жена М.Г. Михайлова, библиотечный работник и библиограф в Ульяновске.

346 Письмо Лифшица впервые было опубликовано Л.Я. Рейнгардт: Лифшиц М.А. Улыбка Джоконды / Д. Гутов — вступ. статья // Художественный журнал. — 1993 г. — № 1. — С. 22–24. Письмо также вошло в кн.: Лифшиц М.А. Почему я не модернист? — М.: Искусство — XXI век, 2009. — С. 404–412.

347 Речь идёт о статье Михайлова «Правомерность понятия „духовное здоровье личности“».

348 Из речи Ф.М. Достоевского о А.С. Пушкине (1880).

349 Слова Сони в финале пьесы «Дядя Ваня» (1897) А.П. Чехова: «Мы отдохнём! Мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую…».

350 См. прим. 7.

351 Виноградов Игорь Иванович (р. 1930), историк литературы, критик. Окончил филологический факультет МГУ в 1953 г., печатается с 1957 г. Один из постоянных авторов «Нового мира» А. Твардовского. В качестве члена редколлегии журнала (1965–1970) руководил сначала отделом прозы, а с 1967 г. — отделом критики. Автор статьи о Лифшице в «Краткой литературной энциклопедии» (М.: Сов. энцикл., 1962–1978. — Т. 4. — С. 396–397). С 1992 г. — главный редактор журнала «Континент».

352 Речь идёт о продовольственной помощи Михайловым.

353 Баллада Ф. Шиллера в переводе В.А. Жуковского «Торжество победителей» (1828). В тексте Жуковского не «мёртвый в гробе», а «спящий в гробе».

354 Зимой Зоя Борисовна, жена Михайлова, упала и сломала руку.

355 Речь идёт о 60-летии Октябрьской революции. 7 ноября — также день рождения Михайлова, который стал его отмечать 17 ноября, желая отделить свой личный праздник от официальных.

356 Плеханов Г.В. Гл.И. Успенский (Посвящается С.М. Кравчинскому) // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1956–1958. — Том V . — 1958. — С. 41–95.

357 Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт, общественный деятель. Окончил факультет литературы ИКП (1934). Печатается

с 1918. Автор песни «Бьётся в тесной печурке огонь...» (1941). Главный редактор «Литературной газеты» (1944–1946), журнала «Огонёк» (1945–1953); с 1962 г. — главный редактор «Краткой литературной энциклопедии». Секретарь Союза писателей СССР (с 1949; 1953–1959 — первый секретарь).

358 См. прим. 44.

359 В письме Михайлова Лифшицу от 27 октября 1977 г. содержалась «просьба — отчаянная, потому что почти безнадёжная: нет ли в Вашем академическом книжном киоске книги: Коул М., Крибнер С. «Культура и мышление», изд. «Прогресс», 1977, цена 1 р. 09 к.».

360 Массандра — посёлок на Южном берегу Крыма, в 5 км к востоку от Ялты. При всей скудости своей материальной жизни Михайлов непременно стремился проводить ежегодный отпуск у моря.

361 Речь идёт о рукописи Михайлова «Радующийся Успенский».

362 Вероятно, речь идёт об оттиске статьи Лифшица, написанной к 60-й годовщине со дня смерти Г.В. Плеханова и впервые опубликованной в кн.: Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. — М.: Искусство, 1978. — Т. 1. — С. 7–102. Статья под названием «Г.В. Плеханов. Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов» вошла в трёхтомник: Т. 3. — С. 107–187.

363 Речь идёт о кн.: Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. — М.: Художественная литература, 1972; 2-е изд. — 1979.

364 См. прим. 189.

365 Михайлов в письме от 10 октября 1978 г. просил Лифшица употребить его положение академика и добыть ему книгу В.А. Твардовской «Идеология пореформенного самодержавия» (изд. «Наука», 1978). Книга была им получена.

366 Из письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 13 февраля 1866 г.: «Хотя рукопись готова, но в её теперешнем виде она имеет столь гигантские размеры, что никто кроме меня, даже ты, не в состоянии её издать. Я начал её переписывать и исправлять стиль как раз 1 января, и дело очень быстро подвигалось вперёд, так как мне, конечно, приятно вылизывать дитя после родовых мук».

367 В первом издании книги Лифшица «Карл Маркс. Искусство и общественный идеал» в статье «Марксизм и эстетическое воспитание» автором фразы «Но кабы вы не были такими подлецами, то и эпоха была бы не та» назван Щедрин (с. 363), а не Г. Успенский, как подсказал Михайлов (письмо от 8 января 1979 г.). Во втором издании (1979) исправлено: «…сказал Глеб Успенский…» (с. 363).

368 См. прим. 164.

369 См.: Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. — М.: Искусство, 1980.

370 См.: Michail Lifsic. Mito e Poesia. Torino, Einaudi, 1978, с предисловием В. Страды (V. Strada) — см. о нём подготовительные наброски к ненаписанному ответу Мих. Лифшица В. Страде: Лифшиц Мих. Varia. — М.: Grundrisse, 2010. — С. 75–77.

371 Захар, слуга Обломова, героя романа И. Гончарова «Обломов» (1859). См.: часть первая, глава VIII.

372 Точная цитата: «Если бы ты молчал, ты остался бы философом» (Боэций «Об утешении философией», II, 7).

373 См. прим. 189.

374 Орешин Борис Васильевич, в то время — сотрудник редакции журнала «Вопросы философии», ныне — генеральный директор издательства «Прогресс-Традиция».

375 Греков Леонид Иванович (р. 1929), специалист по истории западноевропейской философии XX в. С 1963 г. по 1984 г. — ответственный секретарь, член редакционной коллегии журнала «Вопросы философии».

376 В письме от 2 апреля 1979 г. Михайлов спрашивал, не найдётся ли у Михаила Александровича для него «изображение Венеры Милосской». Эта просьба была связана с работой Михайлова над книгой о Глебе Успенском, в важнейшем произведении которого, очерке «Выпрямила» (1885), речь идёт о Венере Милосской.

377 Михайловы постоянно думали о переезде из «жуткого холодного» Ульяновска «куда-нибудь». Переезд так и не состоялся.

378 См. прим. 113.

379 Митин Марк Борисович (1901–1987), философ и общественный деятель, академик АН СССР (1939). В 1921–1922 гг. — слушатель Ком-

мунистического университета им. Я.М. Свердлова. В 1925–1929 гг. — слушатель философского отделения ИКП. В 1939–1944 гг. — директор ИМЭЛ; член редакционной коллегии журнала ЦК ВКП(б) «Большевик». В 1941–1945 гг. — член Советского бюро военно-политической пропаганды. Руководил кафедрой философии ВПШ при ЦК КПСС. В 1960–1967 гг. — главный редактор журнала «Вопросы философии». С 1930-х гг. Митин был официальным лидером государственной философии в СССР. Вплоть до середины 1980-х гг. Митин и его окружение контролировали кадровую политику в философских структурах АН СССР.

380 Шахназаров Георгий Хосроевич (1924–2001), юрист, политический и государственный деятель, член-корреспондент РАН (1991; член-корреспондент АН СССР с 1987). Труды по политологии, государственному праву и теории международных отношений, футурологии. Государственная премия СССР (1980). С 1964 г. — в аппарате ЦК КПСС, заместитель заведующего его международным отделом (1972–1988), помощник Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М.С. Горбачёва, с 1992 года — директор Центра глобальных программ Горбачёв-Фонда.

381 Блох Эрнст (1885–1977), немецкий философ. См.: Bloch E. Das Prinzip Hoffnung, Bd. 1–3, Berlin, 1954.

382 Из стихотворения А.С.Пушкина «Герой» (1830):

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман…

383 В письме от 1 октября 1976 г. Михайлов писал Лифшицу: «С величайшим вниманием и тщательностью прочёл «Тюремные тетради» Грамши. Своевременно прочёл. Ибо для понимания той эпохи, которая начинается, это необходимо». Лифшиц об Антонио Грамши — см.: Лифшиц М.А. Интеллигенция и народ (Выступление на конференции, посвящённой памяти А. Грамши, в Институте международного рабочего движения Академии наук в апреле 1967 года) // Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. — М.: Искусство, 1980. — С. 408–417.

384 Письмо Л.Н. Толстого А.А. Толстой (18–20 октября 1857 г.): «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость».

385 Рубайло Александр Трофимович (1901–1985), родился и умер на Кубани; участник гражданской и Великой Отечественной войн, борьбы с басмачами в Средней Азии, работник ОГПУ в 1920-е гг.; в 1931 г. окончил факультет языка и литературы Алма-атинского государственного педагогического института имени Абая. В начале 1930-х гг. учился в аспирантуре в Краснодаре, затем в Москве при Московском пединституте имени А.С. Бубнова, где, как он писал в своих воспоминаниях «Хроника малого мира», «по философии и эстетике с нами занимался молодой, но уже зарекомендовавший себя как блестящий учёный и преподаватель Михаил Лифшиц». Работал в различных вузах страны. С 1 мая 1943 г. по 1 мая 1953 г. находился в заключении по ст. 58-10 ч. 2 в лагерях МВД; в 1956 г. реабилитирован с зачётом времени нахождения в заключении в срок прохождения военной службы. Автор книги «Художественные средства языка» (М., «Просвещение», 1961), большой рукописи воспоминаний «Хроника малого мира». Несколько писем Лифшица Рубайло, а также одно письмо Рубайло Лифшицу сохранились у наследников Рубайло.

386 Первая строка басни И.А. Крылова «Кот и Повар» (1813).

387 Машковский Михаил Давыдович (1908–2002), один из основоположников отечественной фармакологии, выдающийся специалист в области создания лекарственных средств, академик РАМН. Автор многократно переиздававшегося двухтомного издания «Лекарственные средства» (пособия по фармакотерапии для врачей) — «справочника Машковского».

388 См. прим. 30, 88, 146.

389 См.: Лифшиц М.А. Плоды просвещения // Лифшиц М.А. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство, 1985. — С. 37–96.

390 Берлингуэр (Berlinguer) Энрико (1922–1984), деятель итальянского коммунистического движения. С 1937 г. принимал участие в антифашистском движении. Член ИКП с 1943 г. После освобождения Италии в 1945 г. от немецко-фашистских захватчиков Берлингуэр был избран членом Секретариата Коммунистического союза молодёжи. С 1946 г. — кандидат в члены ЦК ИКП, с 1948 г. — член ЦК ИКП и кандидат в члены Руководства ИКП. В 1950–1953 гг. — президент Всемирной федерации демократической молодёжи. С 1960 г. — член Руководства ИКП, в 1958–1960 гг. и в 1962–1966 гг. — член Секретариата ИКП, затем секретарь обкома ИКП в Лацио. С февраля 1969 г. — заместитель

генерального секретаря ИКП. Депутат парламента с 1968 г. Секретарь Итальянской коммунистической партии с 1972 г. и до смерти. Нараставшее недоверие между ИКП и КПСС закончилось полным разрывом в 1980 г., когда Берлингуэр открыто осудил ввод советских войск в Афганистан.

391 Этот совет Лифшиц повторит в своей статье «Ленинизм и проблема наследства» (1982): «Читайте переписку Маркса и Энгельса. Какое суровое, лишённое всякой фразы и вместе с тем возвышенное чтение!». Статья была впервые опубликована в сборнике: Проблема наследия в теории искусства. — М.: Искусство, 1984. Также статья вошла в трёхтомник: Т. 3. — С. 259–285.

392 См., например, слова Ф. Энгельса из «Речи на могиле Маркса»: «…Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д….»

393 См. прим. 363.

394 Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. — М.: Искусство, 1980.

395 Неточная цитата из четверостишия А.Н. Майкова «Не говори, что нет спасенья...» (1878):

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе бог...

396 Речь идёт о статье, написанной к 60-й годовщине со дня смерти Плеханова и впервые опубликованной в кн.: Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. — М.: Искусство, 1978. — Т. 1. Очерк также вошёл в трёхтомник: Т. 3. — С. 107–187.

397 См. прим. 196.

398 См. прим. 113.

399 В письме от 27 июля 1980 г. Михайлов писал, что «Зоя выпустила (тиражом 100 экз.) брошюру — библиографический указатель по Цветаевой, истощилась опять, но я рад её хорошему настроению и

её бесстрашию». Вероятно, это «бесстрашие» и имеет в виду Лифшиц, называя З.Б. Михайлову Жанной д'Арк.

400 Михайлов выступал и писал в защиту верующих, их конституционного права на свободу совести, в том числе для журнала «Наука и религия».

401 Речь идёт о рассказе Фазиля Искандера (р. 1929) «Сердце», опубликованном в «Литературной газете» от 7 января 1981 г. Семья Михайловых дружила с писателем. Позднее Зоя Борисовна издала библиографический указатель об опальном в то время, после участия в альманахе «Метрополь», авторе (Ульяновск, 1982, 160 с., тираж 750 экз., автор вступ. ст. Б.М. Сарнов).

402 См. публикацию: Наука и жизнь. Вечер одного автора. Философ Эвальд Ильенков. В разговоре принимают участие: доктор пед. наук Ю.П. Азаров; доктор филос. наук, профессор АОН при ЦК КПСС Г.Г. Водолазов; действ. член Акад. пед. наук СССР, директор НИИ общей и пед. психологии В.В. Давыдов; директор Института общей генетики АН СССР, академик Н.П. Дубинин; доктор филос. наук, заместитель гл. ред. журнала «Коммунист» Л.К. Науменко; психолог А.В. Суворов. Ведёт «вечер» канд. филос. наук, доцент Ф.Т. Михайлов. — Библиотекарь, 1980. — № 8. — С. 37–42.

403 Псалтырь, псалом 21. Существует статья И. Сталина «Окружили мя тельцы мнози тучны» от 20 октября 1917 г.

404 Книга вышла уже после смерти Мих. Лифшица: Лифшиц М.А. В мире эстетики. — М.: Изобразительное искусство, 1985.

Книга была сдана в набор 20 мая 1982 г., подписана к печати через три года, 12 января 1985 г., и вызвала широкий общественный резонанс. См., например, обсуждение книги в журналах: Философские науки, 1986, № 5; Вопросы философии, 1987, № 8; Декоративное искусство СССР, 1986, № 7; Творчество, 1987, № 2, 3, 5.

405 В письме от 2 апреля 1982 г. Михайлов писал: «Не могу взять в толк, на чём основан оптимизм поэта в нижеследующем стихотворении…» (речь шла о стихотворении Ф. Искандера):

Жизнь заколодило, как партия в бильярд
В каком-нибудь районном грязном клубе.
Здесь на земле давно не нужен бард,
А мы толчём слова, как воду в ступе.

И всё-таки за нами эта твердь
И лучшая по времени награда:
Для сильной совести презрительная смерть
Под натиском всемирного распада.

406 См. прим. 351.

407 Работа «Античный мир, мифология, эстетическое воспитание» впервые была опубликована в первом томе антологии: Идеи эстетического воспитания: В 2 т. / Сост. Шестаков В.П. — М.: Искусство, 1973. Статья вошла в кн.: Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная.— М.: Искусство, 1980. — С. 10–140.

408 Речь идёт о книге: Философия искусства в прошлом и настоящем. / НИИ теории и истории изобразит. искусств ордена Ленина Акад. художеств СССР; Сектор истории эстет. учений; отв. ред. Мих. Лифшиц. — М.: Искусство, 1981. Лифшиц написал предисловие к этому сборнику и статью «В мире эстетики». Экземпляр книги с дарственной надписью «Дорогому Михаилу Григорьевичу Михайлову от редактора. Мих.Лифшиц. 24.IV.82 г.» и карандашной надписью Михайлова «Умер 20 сент. 1983 г.» сохранился. Статью Лифшица Михайлов прочитал «с великим эстетическим наслаждением» (письмо от 15 мая 1982 г.).

409 См. стихотворение Ф. Искандера в прим. 405.

410 Речь идёт про статью «О духовности и фарисействе»: «Зоя грозит мне разводом из-за того, что у меня «нет духовных свершений», но по-моему они у меня есть… В прошлом году я закончил большую статью «О духовности и фарисействе». В Москве её прочли И.И. Виноградов, А.С. Ципко… самая неприятная моя черта: закончив рукопись, я её забываю… А Зоя требует публикаций… Кончится тем, что я останусь без неё…» (из письма от 15 мая 1982 г.).

411 Михайлов был в Москве 10 дней, две ночи, «самые страшные», ему пришлось провести на Казанском вокзале (письмо от 21 сентября 1982 г.).

412 Речь идёт о той же статье «О духовности и фарисействе», с которой Михайлов был в Москве: «…прочло её человек 12… равнодушных не было… Даже В.И. Толстых, даже в «Коммунисте»: безнадёжно… рукописей горы!» (письмо от 21 сентября 1982 г.).

413 Речь идёт о совете Лифшица Михайлову написать о Глебе Успенском. Михайлов хотел написать едва ли не «*прожигающую всё*» книгу, но одновременно и такую, которая изменила бы его общественный статус и материальное положение, реализовала «единственный шанс дать жене подняться». Надежды эти не осуществились, и в конце переписки Михайлов работал над книгой уже «без мысли о публикации» (открытка от 2 июня 1983 г.).

414 Речь идёт об итальянском издании книги Лифшица: см. прим. 370. В предисловии В. Страда называет Лифшица и Лукача «гегеломарксистами» (с. VI–VII).

415 Ср.: «В бесконечном времени, в бесконечности материи, в бесконечном пространстве выделяется пузырёк-организм, и пузырёк этот подержится и лопнет, и пузырёк этот — я» — рассуждение Левина (Л.Н. Толстой «Анна Каренина», часть восьмая, глава IX).

416 Начальная строка стихотворения А.А. Фета «Смерти» (1884):

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель,
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель…

417 Глава 20 книги I «Опытов» Монтеня называется «О том, что философствовать — значит учиться умирать». В главе XIII книги II «Опытов» «О том, как надо судить о поведении человека пред лицом смерти» Монтень цитирует стих Эпихарма (греч. поэт, ок. 550–460 до н. э.): «Я не боюсь оказаться мёртвым; меня страшит умирание» (Лифшиц, как и здесь, в письме Михайлову, не раз писал, что «боятся люди больше всего не смерти, а умирания»: Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970. — М., Grundrisse, 2011. — С. 136).

418 Теорема 67 четвёртой части «Этики» Спинозы: «Человек свободный ни о чём так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни» (перевод с латинского Н.А. Иванцова).

419 Начальные слова стихотворения А.К. Толстого (1851).

Список сокращений

АН — Академия наук
амер. — американский
англ. — английский
араб. — арабский
АХ СССР — Академия художеств СССР
болг. — болгарский
БСЭ — Большая советская энциклопедия
венг. — венгерский
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
В.Л. — журнал «Вопросы литературы»
ВФ, В.Ф. — журнал «Вопросы философии»
ВХУТЕИН — Высший художественно-технический институт
ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские
ГДР — Германская Демократическая Республика
ГИТИС — Государственный институт театрального искусства
ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы
гл. — главный
гос. — государственный
древнегр. — древнегреческий
зав. — заведующий
зам. — заместитель
зап. — записки
изд. — издательство
ИЗОГИЗ — Государственное издательство изобразительных искусств
ИКП — Итальянская коммунистическая партия, Институт красной профессуры
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИМЛИ — Институт мировой литературы АН СССР (РАН)
ИМЭ — Институт Маркса-Энгельса
ИМЭЛ — Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б)
ИСл РАН — Институт славяноведения РАН
ИРЛИ — Институт русской литературы АН (Пушкинский дом)
итал. — итальянский
ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории
ИФ АН СССР (И.Ф., ИФ) — Институт философии АН СССР (РАН)
Коминтерн — Коммунистический Интернационал
комм. — коммунистический
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
лат. — латинский
латыш. — латышский
ЛГ — газета «Литературная газета»
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
лит. — литература, литературный
МГПИ — Московский государственный педагогический институт
МГУ — Московский государственный университет
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
нем. — немецкий
нидерл. — нидерландский
НИИ — Научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
Н.М. — журнал «Новый мир»
общ. — общественный
ОГИЗ — Объединённое государственное издательство
ООН — Организация Объединённых Наций
полит. — политический
РАН — Российская академия наук
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РОССПЭН — «Российская Политическая Энциклопедия», издательство
с. — страница
Соцэкгиз — Издательство социально-экономической литературы
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — старший, статья
СЭВ — Совет экономической взаимопомощи
т. — том
ФКП — Французская коммунистическая партия
франц. — французский
худ. — художественная
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦК — Центральный Комитет
ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика

Указатель имен

А

Августин (Augustinus Sanctus) Блаженный Аврелий (354–430), христианский теолог 179

Адорно (Adorno) Теодор (1903–1969), нем. философ, социолог, музыковед 167

Александров Владимир Борисович (1898–1954), историк литературы, лит. критик 89, 122, 125, 139

Алексей Михайлович (1629–1676), второй царь из рода Романовых 139

Альенде Госсенс (Allende Gossens) Сальвадор (1908–1973), президент Чили 130

Аникст Александр Абрамович (1910–1988), историк литературы, шекспировед 95

Анечка — см. Арсланова А.Г.

Аня, письма В. Арсланову — см. Арсланова А.Г.

Аня, письма В. Досталу — см. Пичикян А.М.

Арсланов Виктор Григорьевич (р. 1947), философ, адресат писем, вошедших во вторую часть настоящего издания 145

Арсланова (Ольшевская) Анна Георгиевна, первая жена В.Г. Арсланова; она же — Аня, Анечка — упоминается в большинстве писем В. Арсланову

Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975), философ, эстетик, историк литературы 114

Б

Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940), писатель 12

Багрицкий Эдуард Георгиевич (1895–1934), поэт 48

Бакст Лев Самойлович (1866–1924), художник 48

Бальзак (Balzac) Оноре (1799–1850), франц. романист 86, 157

Бауэр, братья: Бауэр (Bauer) Бруно (1809–1882), нем. философ, младогегельянец; Бауэр (Bauer) Эдгар (1820–1886), нем. философ, младогегельянец, младший брат Бруно Бауэра 159

Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975), философ, филолог, историк литературы 43, 70, 96, 114

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), лит. критик, публицист 162, 179

Бендианидзе, участник революционного движения начала XX в. 119, 121

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), художник 48, 56

Беньямин (Benjamin) Вальтер (1892–1940), нем. философ 137

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), философ 38, 179, 218

Берковский Наум Яковлевич (1901–1972), историк литературы 96

Берлингуэр (Berlinguer) Энрико (1922–1984), деятель итал. комм. движения 203

Билибин Иван Яковлевич (1876–1942), живописец, график, театр. художник 56

Блок Александр Александрович (1880–1921) 48

Блох (Bloch) Эрнст (1885–1977), нем. философ 196

Богаевский Константин Фёдорович (1872–1943), художник 48

Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873–1928), полит. деятель, философ, экономист 23, 178

Богушевский В.О., экономист начала XX в. 140

Борев Юрий Борисович (р. 1925), эстетик, прозаик, лит. критик 15, 38

Бородин Александр Порфирьевич (1833–1887), композитор 80

Бортштибер (Bortstieber) Гертруд (1982–1963), вторая жена Лукача; она же — Яношши Гертруд 43, 89

Боэций (Boethius) Аниций Манлий Торкват Северин (ок. 480 – ок. 525), римский философ, гос. деятель, учёный 192

Буркгардт (Burckhardt) Якоб Кристоф (1818–1897), нем. историк культуры 86

Бухарин Николай Иванович (1888–1938), гос. и парт. деятель 140

В

Ван Гог (Van Gogh) Винсент (1853–1890), нидерл. художник 22

Ван Эйк (Van Eyck) Ян (около 1390–1441, Брюгге), нидерл. живописец 69

Ванслов Виктор Владимирович (р. 1923), историк искусства, музыковед 134

Вахтангов Евгений Багратионович (1883–1922), театр. режиссёр 56

Вера, вторая жена В. Достала 105, 120, 126 и в большинстве писем В. Досталу с 4 июля 1971 г.
Верцман Израиль Ефимович (1906–?), историк литературы, лит. критик 111
Видмар (Vidmar) Иосип (1895–1992), словенский историк литературы, лит. критик, эстетик 83, 191
Вико (Vico) Джамбаттиста (1668–1744), итал. философ 13, 35, 86
Винкельман (Winckelmann) Иоганн Иоахим (1717–1768), нем. историк античного искусства 35, 86
Виноградов Игорь Иванович (р. 1930), историк литературы, лит. критик 183, 215
Владимира, первая жена В. Достала 15, 60 и в большинстве писем В. Досталу до 23 декабря 1966 г.
Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ, Voltaire), франц. философ 84
Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923), революционер, публицист, лит. критик 145
В.П. — см. Шестаков В.П.

Г

Гаек (Hájek) Иржи (1913–1993), чешский полит. деятель, дипломат 65, 77
Гароди (Garaudy) Роже (р. 1913), франц. философ, полит. деятель 42, 55, 58, 64, 66, 134
Гачев Георгий Дмитриевич (1929–2008), философ, культуролог, историк литературы, эстетик 37, 38
Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), нем. философ 11, 14, 28, 35, 76, 81, 85, 86, 94, 120, 130, 136, 145, 157, 166, 182
Гейне (Heine) Генрих (1797–1856), нем. поэт 77
Георге (George) Стефан (1868–1933), нем. поэт 128
Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель, публицист 30, 67, 98, 105, 108, 205
Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), нем. поэт 35, 119, 145, 157
Главный — см. Косолапов Р.И.
Головин Александр Яковлевич (1863–1930), художник 48
Гольдман (Goldman) Люсьен (1918–1970), франц. философ, историк литературы 125
Гольдштюкер (Goldstücker) Эдуард (1913–2000), чехословацкий дипломат и общ. деятель, историк литературы 37
Голэй (Golay) Поль, швейц. полит. деятель, публицист 119
Горанов Крыстю, болг. философ, эстетик 66, 67
Горький Алексей Максимович (1868–1936), писатель 18, 23, 52
Грамши (Gramsci) Антонио (1891–1937), итал. философ, полит. деятель, основатель ИКП 114, 197, 199
Гребеничкова Ружена (1925–1997), чешский философ, историк литературы, переводчик 27, 30, 33, 37, 39, 45
Греков Леонид Иванович (р. 1929), специалист по истории западноевропейской философии XX в. 192, 195, 196
Гриб Владимир Романович (1908–1940), историк литературы, лит. критик 24, 62, 86, 89, 93, 96

Д

Давыдов Юрий Николаевич (1929–2007), философ, социолог 79, 158
Даль Владимир Иванович (1801–1872), создатель толкового словаря русского языка 98
Дантон (Danton) Жорж-Жак (1759–1794), полит. деятель эпохи Великой французской революции 38
Декарт (Descartes) Рене (1596–1650), франц. философ, математик 168, 212
Делакруа (Delacroix) Эжен (1798–1863), франц. художник 102
Джотто (Giotto) ди Бондоне (ок. 1266–1337), итал. живописец 69
Дидро ((Diderot) Дени (1713–1784), франц. писатель, философ 14, 30, 44, 133, 143
Диоген Лаэртский (1-я пол. III в. н.э.), античный историк философии 196, 207
Днепров Владимир Давыдович (1903–1992), историк литературы, лит. критик 25
Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957), художник 48, 56
Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881) 43, 64, 70, 98, 114
Дубов Глеб Викторович (р. 1929), философ, историк литературы 172
Дымшиц Александр Львович (1910–1975), историк литературы, лит. критик 76, 80, 137, 138
Дэкс (Daix) Пьер (р. 1922), франц. писатель 42
Дядя Юри — см. Лукач Д.

Е

Егоров Анатолий Григорьевич (1920–1997), философ 38
Елена Феликсовна — см. Усиевич Е.Ф.
Есенин Сергей Александрович (1895–1925), поэт 48

Ж

Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc), Орлеанская дева (ок. 1412–1431), народная героиня Франции 209
Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971), лингвист, историк литературы 86
Жолковский Александр Константинович (р. 1937), лингвист, историк литературы 83

З

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903–1958), поэт 48
Завадский Юрий Александрович (1894–1977), театр. режиссёр 56

Замошкин Юрий Александрович (1927–1993), философ, социолог 166
Зеленый, Зелены (Zelený Jindřich) Генрих (1922–1997), чешский философ 34, 38
Зиккинген (Sickingen) Франц фон (1481–1523), нем. рыцарь 88
Зинаида — см. Райх З.Н.
Зоил (IV–III в. до н.э.), древнегр. оратор, философ 89
Золтаи (Zoltai) Денеш (1928–2008), венг. философ и музыковед 137
Золя (Zola) Эмиль (1840–1902), франц. писатель 157

И

Ибсен (Ibsen) Генрик (1828–1906), норвежский драматург 128
Игорь Александрович — см. Сац И.А.
Игорь Иванович — см. Виноградов Игорь Иванович
Ильенков Эвальд Васильевич (1924–1979), философ 69, 79, 176, 194, 207, 209, 210, 212–214
Ильин Игорь Аркадьевич (1904–1961), философ, эстетик 97, 103, 108, 209
Ингарден (Ingarden) Роман (1893–1970), польский философ 38
Иона, библейский пророк, автор Книги пророка Ионы 62
Ира, личность не установлена 136, 138
Искандер Фазиль Абдулович (р. 1929), поэт, прозаик 213, 214

К

Кант (Kant) Иммануил (1724–1804), нем. философ 130, 131, 133
Каутский (Kautsky) Карл (1854–1938), нем. экономист, философ, полит. деятель 121
Кафка (Kafka) Франц (1883–1924), немецкоязычный писатель 40–42, 53, 61, 152, 171
Кеменов Владимир Семёнович (1908–1988), гос. деятель, историк искусства 95, 169
Клингендер (Klingender Francis D.) Фрэнсис Дональд (1907–1955), англ. марксист, историк искусства 109
Книпович Евгения Фёдоровна (1898–1988), историк литературы, лит. критик 102
Колар Франтишек, сотрудник СЭВ в 1960-е гг. 69, 73, 109, 113, 118, 120, 128, 130, 134, 135, 147
Кольман Эрнест Яромирович (1892–1977), математик, философ-марксист, общ. деятель 73
Конфуций, Кун-цзы (около 551–479 до н. э), древнекитайский мыслитель 57
Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997), историк литературы, лит. критик, правозащитник 78
Косик (Kosík) Карел (1926–2003), чешский философ-неомарксист, социолог, историк 69
Косолапов Ричард Иванович (р. 1930), философ, гл. редактор журнала «Коммунист» (1976–1986); он же — главный 168

Кренкшоу Эдвард, англ. дипломат, герой очерка Лифшица «Профессия господина Кренкшоу» 29
Кржевский Борис Аполлонович (1887–1954), историк литературы, переводчик 97
Кржижановский Сигизмунд Доминикович (1987–1950), поэт, прозаик, драматург, критик 111
Крылов Иван Андреевич (1769–1844), баснописец 200
Курелла (Kurella) Альфред (1895–1975), нем. писатель, переводчик, историк литературы, общ. деятель 43
Курциус (Curtius) Эрнст Роберт (1886–1956), нем. лингвист, историк литературы, переводчик 82
Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), полководец 74
Кьеркегор (Kierkegaard) Сёрен (1813–1855), датский философ, теолог, писатель 179

Л

Лавджой (Lovejoy) Артур Онкен (1873–1962), амер. философ 82
Лавров Пётр Лаврович (1823–1900), теоретик народничества, публицист 30
Лактионов Александр Иванович (1910–1972), художник 78
Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946), художник 48
Ларошфуко (La Rochefoucauld) Франсуа (1613–1680), франц. писатель 17, 41
Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825–1864), деятель нем. рабочего движения, философ 95
Лафарг (Lafargue) Поль (1842–1911), франц. экономист, полит. деятель 14
Лафарг (Маркс) Лаура (1845–1911), дочь К. Маркса, жена Поля Лафарга, активная деятельница социалист. движения 14
Леви-Строс (Levi-Strauss) Клод (1908–2009), франц. этнолог, социолог 83
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) 20, 21, 23, 54, 76, 96, 100, 124, 130, 151, 153, 159, 161, 162, 199, 209
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci, 1452–1519), итал. живописец, скульптор, архитектор, учёный 96
Лесков Николай Семёнович (1831–1895), писатель 186
Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (1729–1781), нем. драматург, теоретик искусства 15, 35
Лида, Лидочка, Лидия Яковлевна — см. Рейнгардт Л.Я.
Лифшиц Герман Михайлович (1930–1992), сын М.А. Лифшица, историк 177
Лифшиц Григорий Александрович (1908–1943), брат М.А. Лифшица, пианист 216
Лосев Алексей Фёдорович (1893–1988), философ, филолог 96

Лукач (Lukács) Дьёрдь (1885–1971), венг. философ-марксист; он же — дядя Юри, онкель Юри, Юри-бачи 27, 38, 42–44, 50–52, 59, 61, 62, 64, 69, 81, 85–87, 89–92, 95, 96, 110, 112, 114, 123–125, 136, 137, 162, 163, 212
Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), полит. и госуд. деятель 13, 23, 59, 62, 117, 140
Л.Я. — см. Рейнгардт Л.Я.

М

Мадам де Севинье (Мари де Рабютен-Шанталь, De Sevigne, 1626–1696), франц. писательница 45
Македонов Адриан Владимирович (1909–1994), лит. критик, филолог, писатель, учёный в области геологии угля 143
Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт 48
Манн (Mann) Томас (1875–1955), нем. писатель 52
Манхейм (Мангейм, Mannheim) Карл (1893–1947), нем. социолог 125
Марина, Мариша — см. Усиевич М.А.
Маркс (Marx) Карл (1818–1883) 11–13, 28, 32, 35, 73, 76, 80, 81, 86–88, 94, 95, 98, 103, 105–107, 109, 130, 132, 137, 153, 156, 158, 159, 161, 162, 189, 204, 205
Маркузе (Markuse) Герберт (1898–1979), немецко-американский социолог, философ 76
Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964), поэт, переводчик 176
Маца Иван Людвигович (1893–1974), историк искусства 70
Машковский Михаил Давыдович (1908–2002), один из основоположников отечественной фармакологии 202
Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930), поэт 48, 63, 177
Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940), театр. режиссёр 55, 56
Мерло-Понти (Merleau-Ponty) Морис (1908–1961), франц. философ 207
Минач (Mináč) Владимир (1922–1996), словацкий писатель, художник 102
Митин Марк Борисович (1901–1987), философ, общ. деятель 194
Михайлова Зоя Борисовна (р. 1931), жена М.Г. Михайлова, библиотечный работник, библиограф; она же — Зоя, З.Б., Жанна д'Арк 181, 187, 190, 204, 209 и в большинстве писем М. Михайлову
Михайловский Николай Константинович (1842–1904), теоретик народничества, социолог, лит. критик 30
Михну, личность не установлена 127
Моклер Камилл (1872–1945), франц. историк искусства, лит. критик, поэт 79

Монтень (Montaigne) Мишель де (1533–1592), франц. философ, писатель 41, 46, 51, 59, 72, 95, 204, 218
Моррас (Maurras) Шарль (1868–1952), франц. публицист, поэт 78
Мукаржовский (Mukařovský) Ян (1891–1975), чешский структуралист 99, 100
Мультатули (Multatuli, 1820–1887), нидерл. писатель 53

Н

Недошивин Герман Александрович (1910–1983), историк искусства 122, 125, 127
Неедлы (Nejedlý) Зденек (1878–1962), чешский учёный, 1-й президент Чехословацкой АН 12, 15
Немезида, в древнегр. мифологии богиня возмездия 44
Неру (Nehru) Джавахарлал (1889–1964), индийский полит. деятель, первый премьер-министр независимой Индии 182
Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882), революционер 30
Нусинов Исаак Маркович (1889–1950), историк литературы, лит. критик, лингвист 31

О

Овсянников Михаил Федотович (1915–1987), философ 38, 58, 79
Ойзерман Теодор Ильич (р. 1914), философ 144, 161
Онкель Юри — см. Лукач Д.
Орешин Борис Васильевич, сотрудник редакции журнала «Вопросы философии» в конце 1970-х гг. 192, 197
Островский Николай Алексеевич (1904–1936), писатель 168

П

Пажитнов Леонид Николаевич (1931–1997), историк искусства, эстетик 46, 72, 158
Палиевский Пётр Васильевич (р. 1932), историк литературы, лит. критик 38
Папини (Papini) Джованни (1881–1956), итал. писатель, журналист 40
Паскаль (Pascal) Блез (1623–1662), франц. математик, физик, философ 41, 127
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939), художник 48
Пикассо (Picasso) Пабло (1881–1973), франц. художник 20–22, 40, 53
Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), историк литературы 96
Пичикян Анна Михайловна (р. 1938), дочь М.А. Лифшица, историк искусства; она же — Аня 72
Платон (427–347 до н.э.), древнегр. философ 212
Платонов Андрей Платонович (1899–1951), писатель 111
Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), философ, полит. деятель 22, 67, 79, 161, 162, 186

Плотников Сергей Николаевич (1929–1995), специалист по социологии культуры и искусства 37
Попов Алексей Дмитриевич (1892–1961), театр. режиссёр 95
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) 55, 68, 97, 128, 201

Р

Рабле (Rabelais) Франсуа (1494–1553), франц. писатель 70, 95
Разумный Владимир Александрович (1924–2011), эстетик 58, 79, 202
Райкин Аркадий Исаакович (1911–1987), эстрадный актёр 118
Райх Зинаида Николаевна (1894–1939), жена В.Э. Мейерхольда, актриса 55
Рейнгардт Лидия Яковлевна (1909–1994), жена М.А. Лифшица, историк искусства, соавтор ряда его книг; она же — Лида, Лидочка, Л.Я. 10, 36, 44, 62, 67, 104, 137, 170, 175, 176 и в большинстве писем
Рерих Николай Константинович (1874–1947), художник, философ-мистик 48
Рильке (Rilke) Райнер Мария (1875–1926), австрийский поэт 82
Рубайло Александр Трофимович (1901–1985), многолетний знакомый М.А. Лифшица 199
Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712–1778), франц. философ 133
Рюриков Юрий Борисович (р. 1929), лит. критик, публицист 58

С

Сартр (Sartre) Жан Поль (1905–1980), франц. философ, писатель 54, 55
Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989), физик, правозащитник, полит. деятель 141
Сац Игорь Александрович (1903–1980), лит. критик, переводчик 59, 89, 111, 112, 155, 162, 202
Свярбей, вероятно, чешский критик 37
Севостьянов Евгений Иванович, директор издательства «Искусство» в 1970-е гг. 119, 121
Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) Мигель де (1547–1616), испанский писатель 95, 158, 208
Сибиряков Н.Н., вероятно, сотрудник журнала «Коммунист» 168
Сизеран (Sizeranne) Робер де ля (1866–1932), франц. историк искусства 123
Сократ (470/469–399 до н.э.), древнегр. философ 196, 207
Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), писатель, публицист, общ. деятель 37, 49, 141
Соловьёв Эрих Юрьевич (р. 1934), философ 69, 134
Сомервилл (Somerville) Джон (1905–1994), амер. философ 109

Спасский Юрий Арсеньевич, историк литературы, сотрудник журнала «Литературный критик» 97, 111, 139, 140
Спиноза (Spinoza) Бенедикт (1632–1677), нидерл. философ 168, 218
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) 28, 206
Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт, общ. деятель 186
Сучков Борис Леонтьевич (1917–1974), историк литературы, лит. критик 141, 144

Т

Тацит (Tacitus) Публий Корнелий (ок. 56 – ок. 117 н. э.), римский историк, оратор, полит. деятель 27
Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), поэт, гл. редактор журнала «Новый мир» (1950–1954, 1958–1970) 44, 48, 63, 113, 162, 164, 176, 182, 188
Ткачёв Пётр Никитич (1844–1886), революционер, идеолог народничества, лит. критик, публицист 30
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) 48, 192, 218
Тольятти (Togliatti) Пальмиро (1893–1964), деятель комм. движения, один из основателей ИКП, её ген. секретарь с 1926 г. 44
Томский Николай Васильевич (1900–1984), скульптор, президент АХ СССР (1968–1983) 169

У

Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968), лит. критик 49, 73, 89, 93
Усиевич Марина Александровна (1924–2004), дочь Е.Ф. Усиевич, экономист; она же — Марина, Мариша 49–51, 67, 72, 73, 81, 84, 104, 108, 120
Успенский Глеб Иванович (1843–1902), писатель 182, 185, 186, 189, 190, 194, 196, 199, 201, 203
Успенский И.И., родственник писателя Гл. Успенского, автор воспоминаний о нём 190
Утёсов Леонид Осипович (1895–1982), певец, руководитель джаз-оркестра 51
Упит Андрей Мартынович (1877–1970), латыш. писатель, историк литературы, общ. деятель 12
Уэллс (Wells) Герберт (1866–1946), англ. писатель 97

Ф

Фейербах (Feuerbach) Людвиг (1804–1872), нем. философ 127
Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт 218
Фишер (Fischer) Эрнст (1899–1972), австр. писатель, политик, философ, иногда писал под псевд. Питер Виден 53, 55, 64, 66
Флобер (Flaubert) Гюстав (1821–1880), франц. писатель 102

Фрадкин Илья Моисеевич (1914–1993), историк литературы, лит. критик 14
Фраерман Рувим Исаевич (1891–1972), писатель 176
Франкастель Пьер (1900–1970), франц. социолог, историк искусства 134
Фрейд (Freud) Зигмунд (1856–1939), австр. психиатр и психолог 83
Фридлендер Георгий Михайлович (1915–1995), историк литературы 143
Фриче Владимир Максимович (1870–1929), историк литературы 25, 134
Фучик (Fučík) Юлиус (1903–1943), публицист, общ. деятель 134

Х

Хаксли (Huxley) Олдос (1894–1963), англ. писатель 122
Хватик Кветослав (р. 1930), чешский философ, эстетик, историк литературы 34, 37
Хлебников Велимир (1885–1922), поэт 79
Храпченко Михаил Борисович (1904–1986), историк литературы 138, 141
Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971), Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 г. по 1964 г. 43

Ч

Чаплин (Chaplin) Чарли (1889–1977), амер. и англ. киноактёр, режиссёр 101
Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), писатель 13, 86, 205
Чехов Антон Павлович (1860–1904), прозаик, драматург 178, 182
Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936), живописец, график 48, 56

Ш

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982), поэт, прозаик 29, 46, 79, 80, 83, 144, 202
Шафф Адам (1913–2006), польский философ 59
Шахназаров Георгий Хосроевич (1924–2001), юрист, полит. и гос. деятель 195, 197, 199, 201
Шевцов Иван Михайлович (р. 1920), писатель 78
Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский поэт 167
Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564–1616), англ. драматург, поэт 89, 94–96
Шестаков Вячеслав Павлович (р. 1935), историк искусства; он же — В.П. 120–123
Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), нем. поэт 35
Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975), композитор 48
Шрагин Борис Иосифович (1926–1990), философ, историк искусства 158
Штирнер (Stirner) Макс (1806–1856), нем. философ-младогегельянец 159

Штолл (Štoll) Ладислав (1902–1981), чешский историк литературы, лит. критик, публицист 144
Шуман (Schumann) Роберт (1810–1856), нем. композитор 97

Щ

Щедрин (Салтыков) Михаил Евграфович (1826–1889), писатель 78, 100, 139
Щербина Владимир Родионович (1908–1989), историк литературы, лит. критик 78

Э

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948), режиссёр 55, 57
Эльсберг Яков Ефимович (1901–1976), историк литературы, лит. критик 38
Энгельс (Engels) Фридрих (1820–1895) 13, 14, 81, 95, 107, 153, 158, 161, 205

Ю

Юнг (Jung) Карл Густав (1875–1961), швейцарский психолог, психиатр 70, 83
Юнгмангива Вера, вероятно, переводчица М.А. Лифшица на чешский язык 122
Юри-бачи — см. Лукач Д.

Я

Яношши (Jánossi) Гертруд — см. Бортштибер Г.

Содержание

От издательства 5

Письма Мих. Лифшица В. Досталу. 1959–1974 7

20 сентября 1959 г. 9
27 декабря 1959 г. 10
29 ноября 1960 г. 12
Декабрь 1960 г. 15
27 апреля 1961 г. 15
21 октября 1961 г. 16
25 декабря 1961 г. 17
15 июля 1962 г. 25
8 сентября 1962 г. 26
25 декабря 1962 г. 31
27 августа 1963 г. 33
29 августа 1963 г. 34
22 сентября 1963 г. 36
26 ноября 1963 г. 39
31 декабря 1963 г. 45
16 июля 1964 г. 46
5 октября 1964 г. 49
12 ноября 1964 г. 51
10 марта 1965 г. 57
27 апреля 1965 г. 60
18 июля 1965 г. 61
26 июля 1965 г. 63
12 января 1966 г. 65
23 декабря 1966 г. 65
23 апреля 1967 г. 68
13 октября 1967 г. 71
5 ноября 1967 г. 72
22 марта 1968 г. 73
2 ноября 1969 г. 74
16 февраля 1970 г. 77
8 июля 1970 г. 81
16 ноября 1970 г. 84
2 декабря 1970 г. 85
14 февраля 1971 г. 93
15 февраля 1971 г. 99
20 марта 1971 г. 100
23 мая 1971 г. 101
4 июля 1971 г. 105
10 августа 1971 г. 109
Без числа, 1971 г. 110
11 октября 1971 г. 111
25 декабря 1971 г. 112
4 апреля 1972 г. 113
27 апреля 1972 г. 115
30 апреля 1972 г. 116

5 мая 1972 г. 116
8 августа 1972 г. 117
22 января 1973 г. 118
7 февраля 1973 г. 120
1 марта 1973 г. 121
23 марта 1973 г. 122
19 апреля 1973 г. 126
18 мая 1973 г. 127
12 сентября 1973 г. 129
1 октября 1973 г. 130
15 января 1974 г. 135
24 апреля 1974 г. 138
28 июля 1974 г. 142
4 октября 1974 г. 143
23 ноября 1974 г. 147

Письма Мих. Лифшица В. Арсланову. 1968–1978 149
6 марта 1968 г. 151
19 апреля 1968 г. 152
29 мая 1968 г. 153
31 декабря 1968 г. 154
7 марта 1969 г. 155
8 мая 1969 г. 155
14 января 1970 г. 156
12 сентября 1970 г. 156
26 декабря 1970 г. 161
4 июля 1971 г. 161
9 декабря 1971 г. 163
18 марта 1973 г. 164

21 января 1974 г. 165
4 марта 1974 г. 165
5 мая 1974 г. 166
7 июня 1974 г. 166
Без даты 167
1 апреля 1976 г. 167
16 ноября 1976 г. 168
19 мая 1977 г. 169
23 декабря 1977 г. 170
16 апреля 1978 г. 171
30 июня 1978 г. 172

Письма Мих. Лифшица М. Михайлову. 1973–1983 173
Воспоминания М. Михайлова о Мих. Лифшице 175
1 октября 1973 г. 179
5 декабря 1975 г. 180
14 февраля 1976 г. 181
27 декабря 1976 г. 183
12 апреля 1977 г. 184
3 ноября 1977 г. 185
1 октября 1978 г. 187
1 ноября 1978 г. 188
23 декабря 1978 г. 189
1 марта 1979 г. 189
12 апреля 1979 г. 192
28 апреля 1979 г. 195
27 мая 1979 г. 195
19 июня 1979 г. 197
29 июля 1979 г. 200

9 февраля 1980 г. 201
22 февраля 1980 г. 203
15 апреля 1980 г. 204
30 апреля 1980 г. 206
25 июля 1980 г. 206
21 августа 1980 г. 207
19 ноября 1980 г. 208
5 января 1981 г. 209
4 марта 1981 г. 211
5 мая 1981 г. 212
3 августа 1981 г. 213
19 апреля 1982 г. 214
22 августа 1982 г. 216
8 октября 1982 г. 216
25 апреля 1983 г. 217
6 августа 1983 г. 218

Примечания 220

Список сокращений 276

Указатель имён 278

Мих. Лифшиц. Письма В. Досталу, В. Арсланову, М. Михайлову.
1959–1983 гг. —
М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2011. — 296 с.
ISBN 978-5-904099-09-1
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Момент»,
Московская обл., г. Химки, Библиотечная ул., д. 11

Книги издательства «Grundrisse» можно купить:

в книжном магазине «Фаланстер»:
Москва, М. Гнездниковский пер., 12/27 (вход в арке)
http://www.falanster.su
(495) 749-57-21

в книжном магазине «Гилея»:
Москва, Тверской б., д. 9
http://www.gileia.org
(495) 925-81-66

Оптовая продажа:
ООО «Берроунз»
(495) 971-47-92
ООО «Мир интеллектуальной книги»
(495) 786-36-35